

• Н. А. Саякбаев

СОБСТВЕННОСТЬ
СОБСТВЕННОСТЬ
как правоотношение

Н. А. Саякбаев

**СОБСТВЕННОСТЬ
КАК
ПРАВООТНОШЕНИЕ**

Алматы
2001

ББК 67.99(2)

С 12

Рекомендована Ученым советом университета «Туран»
Рецензент: к.ю.н., доцент *Ж. К. Косанов*

Саякбаев Н.А.

С 12 **Собственность как правоотношение. — Алматы, 2001. — 152 с.**

ISBN 9965-481-13-X

В предлагаемой Вам книге описываются основные черты собственности как общественного явления, и дается понятие права собственности как правоотношения. Уделяется внимание на связь общественного и правового явлений собственности. Раскрывается соотношение юридических и неюридических элементов в праве собственности. Описываются особенности форм собственности и субъектов этих форм собственности.

Книга предназначена научным работникам, преподавателям и студентам юридических вузов, а также тем, кто интересуется указанной темой.

С 1201000000
00(05)-00

ББК 67.99(2)

ISBN 9965-481-13-X

© Н.А. Саякбаев, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть I. Юридическая природа объективного права собственности	6
§1. Собственность как общественное отношение	6
§2. Право собственности — естественное право	21
§3. Правомочия собственника	42
§4. Гражданско-правовое отношение собственности	55
Часть II. Формы правоотношения собственности	82
§1. О форме собственности	82
§2. Правоотношение собственности физических лиц	90
§3. Особенности правоотношения общей собственности	97
§4. Особенности правоотношения собственности юридических лиц	104
§5. Особенности правоотношений собственности публичных субъектов	119
Государственная собственность	119
Общественная собственность	126
Общинная собственность	135
Список использованных источников	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собственность и право собственности традиционно находятся в центре внимания общественной мысли, и, несмотря на продолжительность изучения этого общественного явления, они еще долго будут заключать в себе интерес для специалистов гражданского права и других исследователей. В этой книге право собственности рассмотрено с таких позиций, которые позволяют читателю видеть вместе с автором не только юридическую, но и общественную природу явления. На базе таких позиций реализуется и основная цель изложения: дать в должном для этой проблемы минимуме общее представление о правоотношении собственности.

Книга состоит из двух частей, каждая из которых разделена на несколько параграфов. Первая часть «Юридическая природа объективного права собственности» содержит в себе наиболее общую характеристику и понятие объективного права собственности как гражданского правоотношения. Во второй части «Формы правоотношения собственности» автор попытался выявить те особенности субъектов права собственности, которые послужили причиной выделения соответствующих форм собственности. Здесь предлагается различать шесть моделей форм правоотношения собственности.

Известно, что доктрина в странах содружества по известным причинам имеет общие черты, но при написании работы автор использовал законодательство Республики Казахстан, а для удобства читателя ссылки на законодательство по тексту осуществлялись еще и на соответствующие статьи законодательств Кыргызской Республики и Российской Федерации. Далее мы можем отметить некоторые положения, отражающие общую направленность работы.

В первую очередь, прежде права собственности нам необходимо наблюдать собственность как общественное явление, которое уже здесь имеет некоторые черты юридического отношения, так как это общественное явление содержит в себе такие моменты как общественная воля, которая закрепляет отношения принадлежности вещи хозяину (соответствующая государственной воле, выраженной в законодательстве), и наличие моральных прав у хозяина по отношению к его вещи (соответствующих юридическим правам хозяина). Рассматривая право собственности, мы исходили из видения и различия в нем

элементов юридической сферы (например, правомочия хозяина) и, наряду с этим, элементов неюридической сферы (собственническая связь). При этом собственническая связь как элемент неюридической сферы является основой и причиной правомочий субъекта как элементов юридической сферы и, более того, собственническая связь определяет основные черты права собственности.

Также следует отметить, что сумма трех правомочий собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом не определяет содержания права собственности. Право собственности обладает характеристиками, присущими гражданско-правовому методу и является гражданско-правовым явлением. Правоотношение собственности может быть сформировано не только юридическими нормами, закрепленными в законодательстве, но также и в силу применения гражданского права по аналогии. Что касается различий и ограничений в праве собственности, то они заключаются в различиях только тех элементов, которые относятся к юридической сфере.

В книге высказано предложение включить в круг правосубъектных лиц новых для казахстанской действительности субъектов гражданского права — общество и общину, что соответственно приводит к появлению новых форм собственности — общественная собственность и общинная собственность. Кроме вопросов непосредственно по теме книги, автору пришлось затронуть и некоторые другие, которые могут быть интересны для читателя. Освещены основные моменты в споре о понятии правоотношения, в вопросе о понятии юридического лица, а также высказаны отдельные предложения относительно дееспособности граждан.

Мы надеемся, что книга сможет удовлетворить потребности читателей, и ее прочтение будет для Вас полезным.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЪЕКТИВНОГО ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

§1. Собственность как общественное отношение

Вещи обладают экономической ценностью, и они могут быть желанны для субъекта. Субъект приобретает вещи для того, чтобы их хранить, а после использовать их, так происходит присвоение субъектом вещи. Вещи, присвоенные каким-либо субъектом, обладают для него ценностью, они сохраняются им, по мере сил оберегаются от вредного воздействия окружающей среды, способного уничтожить вещь. Вещи сохраняются, в том числе и от вредного воздействия на вещь других людей, которые могут принести вред вещи, уничтожить ее или изъять из владения хозяина. Присвоение вещи происходит, прежде всего для того, чтобы субъект мог воспользоваться вещами, если не сейчас, то в будущем. Осознание потенциальной полезности вещи (в том числе и полезности выражаемой в обмене) всегда необходимо для хозяина, так как иначе вещь не имела бы ценности для него, не приобреталась бы и не сохранялась бы им. Присвоение возникает тогда, когда проявляется ценность вещи для человека (людей), становящегося при этом, хозяином вещи.

Для хозяина ценность его вещи выражает его психическое отношение к вещи. Для экономической ценности, которая является причиной присвоения, важно и значимо то, что человек знает: 1) вещь является полезной; 2) при отсутствии этой вещи человек, возможно, будет испытывать определенную неудовлетворенность; 3) получение такой же вещи, при ее отсутствии, вероятно, будет сопряжено с затратами времени, сил и средств. Такая ценность, которая является корнем в присвоении, более подробно рассмотрена как ценность абстрактная и ценность сравнительная /1, с. 153/. И абстрактная и сравнительная ценность являются наиболее интересными для нас, так как именно

они выражают психическое отношение хозяина к присвоенной им вещи как таковой.

Как известно, общедоступные вещи не обладают ценностью в такой же мере, в какой они могут быть полезны для человека. Классическим является пример с водой и алмазами. Вода, несомненно, обладает полезностью, однако встречаясь часто и являясь общедоступной, она имеет меньшую ценность, нежели алмазы. Адам Смит, называя ценностью в потреблении — полезность вещей, указывает на частое несоответствие значений «ценности в потреблении» и «ценности в обмене» /2, с. 143/. Получение воды не требует сколько-нибудь значимых затрат труда, времени, средств (ввиду ее доступности), а избыточное количество воды значит, что такое ее количество может покрыть (удовлетворить) ожидаемую потребность в воде. Потому абстрактная и сравнительная ценности воды оказываются минимальными, несмотря на наличие ее потенциальной полезности (жизненной необходимости). Отсюда и мнение о том, что объектом собственности могут быть лишь редкие вещи /3, с. 32—34/.

Большая роль затрат в определении ценности абстрактной и сравнительной может выражаться в сознании человека как суждение типа: «это для меня ценно, потому, что я над этим работал» или же «это мое потому, что я затратил на это свой труд». Отсюда, по-видимому, взгляд на собственность как на заработанное право и суждение о «легитимации собственности» через труд. Предельно просто выразить подобное суждение Дж. Локка можно следующим образом: Затрачивая на получение (производство) вещи свой труд, являющийся так называемой неотчуждаемой собственностью (здесь, по всей видимости, в том смысле, что труд принадлежит человеку, относится к нему) свободного человека, он, таким образом, сочетает предмет со своим личным и неотчуждаемым трудом, и тем самым делает этот предмет своей собственностью /4, с. 277/. Как нам видится, это суждение может быть справедливым только лишь с той точки зрения, что затраты (а через реально произведенные затраты и затраты, предполагаемые на получение такой же вещи) влияют на психическое отношение человека к вещи, и делают эту вещь ценной для него, отчего такая вещь хранится и видится им принадлежащей человеку и не принадле-

жащей другим людям, то есть храниться от других людей. В том, что здесь отношения собственности при исследовании связываются с трудовыми затратами, проявляется то, что абстрактная ценность в обычных условиях равна значению затрат, и в том числе, трудовых затрат.

Таким образом, отчетливо заметной становится большая роль ценности, которая неявно отводилась научной мыслью при исследовании категорий присвоения и собственности. Объектами собственности, как это естественным образом сложилось исторически, могут быть вещи, обладающие ценностью и потому признаки, характерные для ценных вещей, нередко относились учеными и к объектам собственности. Утверждает это и следующее суждение Локка о материальных благах: «Но для чего он дал нам это? Для наслаждения. Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергнется порче» /4, с. 279/.

Здесь демонстрируемое суждение одновременно содержит указание на потенциальную полезность вещи («для наслаждения»), необходимость затрат для приобретения вещи («обратить своим трудом в свою собственность») и осознание нужности сохранения вещи и возможности ее потери («прежде чем этот предмет подвергнется порче»). Все эти моменты как раз характеризуют для нас экономическую ценность вещи. И, значит, все правила и закономерности, применяемые к ценности вещей, хотя прямо не могут относиться к праву собственности, все же имеют значение при исследовании отношений собственности в той мере, в какой объекты собственности являются ценными вещами.

Как правовой институт, как объективное право собственности, а следовательно, и как конкретные общественные отношения, сложившиеся под воздействием права, собственность имеет некоторые различия в разных правовых системах, в разных странах. Существенные отличия так же могут быть обусловлены историческим периодом в тот момент, в который мы изучаем собственность. Однако, при всем этом собственность всегда и везде обладает общими чертами. При этом общеизвестно, что право собственности эволюционировало из владения, исторически предшествовавшего соб-

ственности, здесь мы рассмотрим наиболее широкое и общее содержание собственности как состояния присвоенности (общественного отношения).

Итак, в собственности, как правило, бывает такое имущество, которое обладает ценностью для людей. И очень важно это психическое отношение человека к вещи потому, что оно является необходимым составляющим в отношении человека и вещи в отношениях собственности. Именно ценность вещи, а вместе с ней и все компоненты ценности, позволяют человеку чувствовать нужность присвоения вещи, удержания вещи при себе и сохранения ее.

Вещи могут быть потенциально полезными не только для одного субъекта, но и для многих людей, поэтому вещь может быть желанна и ценна для них всех. Из этих людей, возможно, каждый хотел бы иметь ту или иную вещь, но приобретена она только одним из них. С того момента как человек приобрел вещь, он сохраняет вещь и от других людей, так как не считает допустимым потерю своей вещи. При этом в обществе практически каждый субъект владеет каким-либо имуществом и для каждого из них его присвоенное имущество обладает ценностью. Такое ценное имущество сохраняется субъектами от чужих и от вредного воздействия последних на вещь, и от потери вещи в их пользу. Охрана имущества важна для каждого человека также и потому, что с потерей этого имущества человек теряет средства к существованию.

В результате в обществе возникает такой порядок, где множество людей обладают какими-либо ценными для них вещами и они сохраняют эти вещи при себе. А вещь, сохраняемая конкретным хозяином, принадлежит ему и не принадлежит никому другому. Таким образом, каждая принадлежащая (находящаяся в общественном обороте) вещь имеет своего хозяина. Вещи как бы разделяются между субъектами общества. Тогда мы говорим уже о том, что происходит присвоение хозяином его вещи, а также выделение его имущества из всех остальных вещей, обособление этого имущества, как принадлежащего конкретному хозяину. «Вещи, ставшие в результате производства, распределения и обмена собственностью каких-либо лиц, оказываются в их исключительной власти. Собственник данной вещи противостоит всем другим лицам как монополист,

преграждающий свободный доступ к этой вещи. Его вещь для других есть чужая вещь, она может быть в той или иной форме включена в действительно экономический процесс лишь по воле и желанию собственника» /5, с. 24/.

Собственность, как общественное явление, предполагает наличие вещи (объекта) и хозяина (субъекта) между которыми существует связь и существуют отношения между ними. Хозяин воздействует на вещь и распоряжается ею, а вещь воздействует на хозяина в процессе ее использования. Кроме этого определяются и отношения между людьми по поводу этой вещи. Хозяин наделен возможностью воздействовать на вещь множеством различных способов. При этом другие люди, как правило, не имеют возможности распоряжаться этой вещью против воли хозяина.

Так никто не может без согласия хозяина уничтожить его вещь, изъять эту вещь из владения хозяина, испортить ее, и вообще вещь охраняется хозяином от вредного воздействия на вещь посторонних людей. Во всяком случае, хозяин вещи, обладая ею, сделает все от него зависящее, чтобы сохранить вещь при себе, уберечь ее от вредного воздействия других лиц и отстранить всех других субъектов от воздействия на его вещь. Потому говорят, что отношения собственности включают в себя и отношения хозяина и вещи, и отношения хозяина и других субъектов. Считая необходимым выделить эти два рода отношений, А. И. Бибиков пишет: «экономическое отношение собственности — сложное структурно-функциональное явление, которое опосредует единство двух связей. Во-первых, отношение субъекта к вещи как к своей, выраженное в категории «присвоение», отражающей деятельную сторону этого отношения, направленного на «очеловечивание» условий существования, превращение их в средства жизнедеятельности человека. И, во-вторых, отношение лица, присваивающего вещь, к другим лицам, выраженное в категории «отчуждение», определяющей тем самым социальную направленность деятельности собственника и общественную форму присвоения. Собственность не может существовать в разрыве этих двух связей» /6, с. 8/.

В таком установившемся порядке наблюдается множество конкретных связей между хозяевами и их вещами, и связей между хозяевами и нехозяевами. Все эти конкрет-

ные индивидуально-определенные связи имеют общие черты, они в чем-то одинаковы и повторяются в своей одинаковости. Благодаря повторяемости этих, обладающих общими чертами общественных связей, выделяется общая для всех этих конкретных общественных связей форма. Формируются такие общественные отношения, которые определены как «возникающая в результате и в ходе общественно значимой предметной деятельности (определяемой, в конечном счете, материальными условиями жизни) массовидная структурная совокупность постоянно повторяющихся конкретно-исторических социальных связей, зависимостей и разграничений между субъектами» /7, с. 84/. Каждый отдельный человек и все общество в целом сознают фактическое наличие этих общественных связей и отношений и признают их как должные, а затем общество поддерживает эти вещные общественные отношения.

Общество уважает принцип принадлежности вещи хозяину и уважает право хозяина сохранять вещь (здесь *право* хозяина только лишь в смысле определенной свободы разрешенного поведения). Воздействие на вещь, осуществляемое другими людьми и без согласия хозяина, как правило, обществом не одобряется. Посторонним людям запрещается воздействовать на вещь, и это запрещение, в первую очередь, исходит от хозяина вещи (как мера для сохранения вещи) и во вторую очередь, поддерживается обществом уже в качестве запрещения исходящего от общества (запрещение воздействовать на вещь против воли хозяина).

Такое особенное отношение хозяина к вещи определяет исключительность естественного права собственности, которое принадлежит только собственнику. Как правило, только хозяин вещи решает, кто может воздействовать на вещь, а кто не может этого делать — в силу запрещения хозяина. Общество же охраняет интересы хозяина вещи. То есть вещное отношение не замыкается лишь отношением между хозяином и вещью, но имеют значение отношения всех прочих людей к вещи и к хозяину. В такое вещное отношение включаются не только индивидуальная воля и сознание отдельных людей (нехозяев в этом вещном отношении), противостоящие хозяину как потенциальные нарушители неприкосновенности имущества, но также включается и

общественное сознание и соответствующая воля, которые выступают в защиту интересов хозяина, в защиту неприкосновенности имущества. Только здесь вещное отношение приобретает глубоко общественный характер.

Признание обществом принадлежности вещи хозяину и охрана обществом интересов хозяина определяют абсолютный характер вещного отношения и защиты вещного права.

Осуществляемое обществом признание собственности за хозяином имущества и соответствующие этому признанию запрещения для несобственников (запрещения со стороны общества) оказывать воздействие на имущество — определяют общественный характер собственности. Здесь общество поддерживает интерес хозяина сохранить вещь для себя. Такая реакция общества осуществляется как бы в продолжение интересам и воле хозяина. И общественный интерес в отношении собственности призван обеспечить интересы хозяина. То есть общество не предоставляет хозяину вещь в собственность, не предоставляет ему «право» собственности или свободу обладать имуществом, но лишь признает фактическую присвоенность вещи и защищает интересы хозяина наложением обязанностей (запрещений) на других субъектов.

Общество как бы наделяет хозяина своей силой, своим авторитетом, благодаря чему отношения присвоенности становятся теперь еще более защищенными уже авторитетом и силой не только хозяина, но и общества. С вступлением в вещные отношения общества в них органично вплетаются социальные права и обязанности. Если без участия общества вещные отношения характеризовались бы возможностями субъектов (хозяев) в отношении к вещи и к другим людям (нехозяевам), а также отсутствием возможностей для нехозяев воздействовать на вещь. То при участии в вещных отношениях общества, возможности хозяев становятся уже **моральными или юридическими правами**, а отсутствие соответствующей возможности для несобственников — становятся их **обязанностями, соответствующими запретам общества и государства**.

Если общество, поддерживая интересы хозяина, не позволяет воздействовать на вещь другим лицам против воли хозяина, то самому хозяину, конечно, позволено воздей-

ствовать на вещь практически любым образом, поскольку такое воздействие не может быть против воли хозяина. Исходя из таких соображений, по логике, хозяину должно предоставляться власть над вещью воздействовать на нее любым образом. Так, классическая юриспруденция Древнего Рима понимала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, как право свободное от ограничений по самому своему существу /8, с. 192/.

Тем не менее, реальные возможности воздействовать на вещь все же ограничиваются обществом, и если воздействие приносит вред другим субъектам и обществу, то такое воздействие не одобряется и не допускается обществом. Но эти ограничения исходят уже не из самих вещных общественных отношений. Как помним, общественные отношения и, в частности, данные вещные отношения определяются нами по форме конкретных общественных связей, по тем общим признакам, являющимся определяющими для таких вещных отношений. Благодаря этому вещные отношения выделяются и рассматриваются в качестве самостоятельных общественных отношений отдельно от всяких других общественных связей с участием субъекта (хозяина) и даже, возможно, возникающих по поводу данного объекта (вещи). И значит, если хозяин вещи фактически может быть ограничен в возможности воздействовать на вещь (в том числе и ограничен правом), то это не должно приводить к мысли, что обязательно ограничение вытекает из общественного отношения собственности.

Подобно тому, как человеку естественным образом дана власть воздействовать на свою руку, делать рукой любые движения, какие захочет и физически сможет человек, и в то же время, противоправные действия запрещаются обществом, все же такие ограничения в осуществлении действий никак не влияют на саму возможность человека управлять своей рукой. Также и в отношении хозяина и его вещи, хозяину дана полная власть над вещью, согласно вещному полномочию он может воздействовать на вещь любым образом, и в то же время, не ограничивая самой власти над вещью, общество ограничивает хозяина в его действиях. Такое ограничение не вытекает из вещного отношения, и здесь запрещение не влияет на формальные отношения меж-

ду хозяином и вещью, а влияет на сознание субъекта и его поведение в целом. Таким образом, если рассматривать ссуженно только вещные отношения, то только хозяин имеет власть над вещью и он может воздействовать на нее любым образом.

Кроме возможностей хозяина имеет значение и его воля. Хозяин осуществляет власть по собственной воле. Самостоятельная воля хозяина выражается в осуществлении им таких действий (в отношении к вещи), которые он сам желает и считает нужным, и осуществлении этих действий тогда, когда хозяин сам считает нужным. Воля хозяина предполагается изначально и хозяину не требуется дозволения или разрешения воздействовать на вещь ни от общества в целом, ни от отдельных его субъектов. А потому и правомочие собственника осуществлять воздействие на вещь никем ему не предоставляется, а принадлежит изначально с присвоением им имущества. Хозяин вещи осуществляет власть своей волей /9, с. 41/.

Собственная воля хозяина вещи осуществлять воздействие на вещь не предоставляется ему никем и соответственно этому власть над вещью, как правило, не может теряться им по воле других людей, если он сам не пожелает расстаться с вещью, отчудить ее (здесь действует принцип неприкосновенности собственности). По той причине, что воля хозяина и его власть над вещью принадлежат хозяину вещи, при ограничении полномочий по осуществлению власти над вещью — полномочия хозяина восстанавливаются в прежнем объеме, как только такие ограничения снимаются. В силу этого иногда в качестве признака права собственности выделяют «упругость» собственности /9, с. 32/ (ограничения правомочий собственника и другие препятствия в фактической реализации господства хозяина над вещью не входят в общественное отношение собственности, и собственность, будучи обремененной ограничениями в этом случае, не изменяется). И, по этой же причине, собственность является бессрочной. Никто не предоставляет хозяину власти над вещью и соответственно никто, как правило, не может лишить собственника его права на вещь без воли самого собственника, или устанавливать сроки существования власти над вещью для собственника никто не может. (Вопрос существования не характерных для нашей правовой систе-

мы видов собственности, в том числе временной собственности и расщепленной, будет затронут позже).

В вещном отношении в качестве хозяина выступает только одна сторона, другой стороны хозяина быть не может. Полная власть хозяина не терпит рядом с собой такую же полную власть, равноценную власти собственника. Исключительный характер права собственности побуждал юристов Древнего Рима считать невозможным существование права собственности нескольких лиц на одну и ту же вещь: «Цельз-сын... говорит, что не может существовать собственности или владения двух лиц в целом, и никто не является собственником части предмета, но имеет собственность на часть всего неразделенного целого» (Д. 13.6.5.15) и в результате была выдвинута идея собственности многих лиц на одну вещь в идеальных долях (Д. 50.16.25) /8, с. 194/. Отступлением от этого положения является правовая конструкция так называемой «расщепленной собственности», где собственники не являются полными собственниками над имуществом и в таких отношениях встречаются двое и более сторон, являющихся неполными собственниками вещи /9, с. 106/.

Современная система права в Казахстане не признает расщепленной собственности. В то же время, вещи могут принадлежать как хозяевам, не только отдельным людям, но и группам людей, как субъектам общественных отношений. В этих случаях власть над имуществом принадлежит всей группе как хозяину. Здесь большое значение имеет единая воля группы в отношении к принадлежащей ей вещи. Единство воли — это признак группы-хозяина. И группа людей выступает как единый субъект общественных отношений и в случае моносубъектной собственности юридического лица и в случае общей собственности (долевой или совместной) где обязательно, или же предполагается наличие согласия всех собственников при распоряжении имуществом.

Между хозяином и вещью существует такая связь, где хозяин считает вещь своей. Он, обладая властью над вещью, может воздействовать на нее, а вещь, принося пользу хозяину, может оказывать воздействие на хозяина. Имеют значение ценимые хозяином качества вещи, предполагается, что вещь обладает такими качествами, которыми не

обладают другие вещи. Между конкретным хозяином и вещью существует собственническая связь, и потому, обычно под объектом собственности понимают конкретную индивидуально определенную вещь. Так, считается, что истребование имущества из чужого незаконного владения возможно лишь в отношении индивидуально определенных вещей /10, с. 107/. Без изменения конкретного вещного отношения замещение вещи другой вещью, как правило, невозможно. Благодаря наличию связи между хозяином и вещью, и благодаря невозможности замещения вещи в конкретном вещном отношении, мы можем наблюдать так называемое «право следования» в вещном отношении. В рамках одного конкретного вещного общественного отношения замещение вещи на другую вещь, как правило, невозможно, но замещение хозяина в вещном отношении возможно в порядке универсального или сингулярного правопреемства, например, при наследовании или купле-продаже вещи в собственность другому лицу /11/.

Хозяин вещи может изменять, перерабатывать вещь, уничтожить, сделав ее ничтожной в качестве вещи. При этом измененную вещь мы рассматриваем как ту же самую прежнюю вещь, но измененную в некоторой части. То есть под индивидуально определенной вещью понимается не совокупность определенных полезных качеств вещи, не просто вещь в ее неизменном виде со способностью приносить пользу строго определенным способом. А вещь как структура (или система) материальная и при этом способная приносить пользу. Потому, при изготовлении из старой вещи — новой, причем даже с изменением предназначения вещи, связь между вещью и хозяином сохраняется, и вещь в этом смысле рассматривается как прежняя. Так, юридически это выражается в том, что при переработке право собственности на «новую» вещь, как правило, принадлежит хозяину материалов. Если же вещь изготавливается из материалов, принадлежащих разным хозяевам или же при помощи труда других лиц, тогда имеет место сделка, изменяющая права и обязанности участвующих лиц и потому собственник определяется исходя из условий сделки определенных договором или законодательством, см. ст. 273 Гражданского Кодекса Республики Казахстан (ГК РК) (ср.: ст. 253 Гражданского Кодекса

Кыргызской Республики (ГК КР) и ст. 220 Гражданского Кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

Итак, индивидуальная определенность вещи в вещных отношениях собственности выражает, как правило, определенность в физической структуре (системе) объекта. Физической структурой ощущается то, что для человека являлось «предметом», то, что называлось «материальным» (в смысле осязаемым и «что можно держать в руке»). Конечно, индивидуальная определенность вещей в вещных отношениях может выражаться и иначе, например, безналичные деньги, или лес, являющийся экологической системой. Но в типичных отношениях собственности индивидуализация объекта выражается физической структурой (системой). В силу этого другие объекты права (индивидуализируемые иначе) имеют отличный правовой режим.

Кроме этого, в качестве объекта собственности привычно понимается полезная вещь. По признакам, связанным со способностью приносить пользу, объекты делятся на делимое и неделимое имущество, сложные вещи, главную вещь и принадлежность. Эти признаки проявляются в динамике отношений собственности, в статике отношений, то есть непосредственно в самих общественных отношениях, выражающих присвоенность благ, признаки полезности вещи прямо не проявляются. Естественное происхождение права собственности предопределило то, что объектами исторически были только полезные вещи, но то, что, объект является бесполезным, не влияет на характеристики общественного отношения собственности, выражающие исключительное господство хозяина вещи. Потому теоретически возможно исключить такой способ прекращения права собственности как отказ от него /12, с. 351—352/. И, к примеру, гражданское законодательство прямо предусматривает наличие прав и обязанностей хозяина имущества после того, как он отказался от права собственности, т.е. в этом случае такая связь между хозяином и вещью сохраняется (ст. 250 ГК РК, ст. 280 ГК КР, ст. 236 ГК РФ).

Итак, общественные отношения собственности включают в себя изложенные выше признаки. Общественные отношения собственности заключают в себе и отношения между хозяином и вещью и, главное в этих общественных отношениях, отношения хозяина и других людей (не являю-

щихся хозяевами этой вещи), а кроме этого большое значение имеет признание обществом отношений собственности и поддержка этих отношений. Однако в самом общественном отношении собственности всегда продолжает оставаться на своей главной роли хозяин (и инициатива хозяина).

Общественное отношение собственности начинает формироваться сначала с естественных отношений хозяина и вещи (такие отношения мы можем наблюдать даже у животных, так, в таких отношениях мы увидели бы не только процесс пользования, но и психическое отношение субъекта — животного к вещи, значимость и ценность вещи для такого субъекта, во всяком случае для достаточно развитых животных). Эти отношения становятся общественными уже позже, когда в отношении включаются другие лица, сначала как пассивные субъекты, роль которых сводится лишь к тому, что им не позволено (не позволено хозяином) воздействовать на вещь без воли хозяина, и потом, когда отношения собственности становятся повторяющимися, знакомыми и привычными, достаточно четко выделяется определенная форма общественного отношения. Тогда уже общество поддерживает хозяина в его инициативах и тем самым еще более закрепляет отношения собственности в своей среде. К такой общественной поддержке относится, в том числе, и закрепление общественных отношений собственности государством путем правового обеспечения юридическими нормами (правовой институционализации).

Общественное отношение собственности характеризуется тем, что оно обладает общей для множества отдельных конкретных общественных связей формой. Очень приемлемой для общественного отношения собственности является такое определение, данное общественным отношениям, где они определяются как массовидная структурная совокупность постоянно повторяющихся конкретно-исторических социальных связей, зависимостей и разграничений между субъектами /7, с. 84/. Общественные отношения собственности постоянно повторяются тут и там в разное время. Конечно, общественные отношения собственности изменяются с историческим ходом времени, однако, такие изменения имеют последовательность, генезис развития, отношение собственности всегда обладает одной характерной для них природой.

Право собственности является естественным правом, и было бы ошибкой ограничивать свое внимание только лишь общественными отношениями между субъектами, которые регулируются правом как конкретные реальные правоотношения. Следует отметить, что при рассмотрении отношений собственности нужно учитывать не только связи между субъектами, но и отношения «человек — вещь». Как пишет В. П. Шкредов: «Недооценивать, а тем более игнорировать ту сторону отношений собственности, которая заключается в господстве человека над вещами, — значит совершать не меньшую, если не большую, ошибку, чем анализировать производственные отношения в отрыве от производительных сил» /5, с. 23/. Мы считаем, что собственность, как общественное явление, выражает неограниченную, полную власть хозяина над его вещью, осуществляемую им по своей собственной воле. А всякие юридические ограничения в воздействии на вещь не вытекают из этого вещного отношения. Потому нет множества различных содержаний субъективного права собственности, соответствующих разным ограничениям полномочий для собственника (во всяком случае, для современной собственности, как общественного явления).

В то же время, как будет показано ниже, организация общественного отношения собственности (и правоотношения собственности) может различаться по форме в связи с участием в этих отношениях на стороне хозяина множественного образования людей (группы). Такое различие форм отношений собственности не влечет за собой различий в содержании субъективного права собственности.

Что касается таких вещных прав, где ограничения на имущество действительно вытекают из самого вещного отношения (к примеру, право собственности на земельный участок), то эти отношения выходят за рамки собственности как общественного явления. И здесь, по всей видимости, возможно применение термина собственность лишь условно, так же как и его применение в отношении интеллектуальной собственности. И в той мере, в какой необходима замена термина интеллектуальная собственность /13, с. 9/, в такой же мере необходима замена термина право собственности на землю, так как право собственности (естественное право) — это неограниченное господство над вещью.

Итак, связи, составляющие общественное отношение собственности можно подразделять на отношения между человеком и вещь, где человек имеет возможность воз действовать на вещь, и отношения между людьми, где хозяин может отстранять всех других лиц от его вещи, либо допускать их по своему усмотрению. Такие связи характерны вообще отношениям присвоенности, в том числе и в среде дикой природы. Кроме этих связей в общественном отношении собственности включаются еще такие, которые характеризуют участие в этом отношении общества. Общество, защищая отношения присвоенности в пользу хозяина вещи, устанавливает запреты, и нехозяева становятся обязанными не нарушать общественного отношения, а собственник наделяется моральным (или юридическим) правом. Такие волевые отношения, наличие определенных возможностей у одних субъектов и отсутствие конкретных возможностей у других, наличие прав и обязанностей у тех или иных участников отношения — определяет основные характеристики общественного отношения собственности. Поэтому, неслучайно, некоторые исследователи относят отношения собственности к сугубо юридической категории. «*Один из тех немногих экономистов, — говорит В.П. Шкретов, — кто яростно борется за утверждение того, что собственность является предметом правоведения, юридической науки и не является предметом экономической науки*» /с. 10/. Конечно, общественные отношения собственности имеют свои предпосылки, и в частности отношения ценности, которые традиционно изучает экономика. Общественные отношения собственности — не есть еще юридические отношения, они являются еще только объектом отражения в праве. И собственность как явление может рассматриваться с самых разных сторон, в том числе и с экономической точки зрения как основа для производства и предпосылка для потребления (то есть с вопросами какое имущество, в каком количестве и каким субъектам принадлежит как распределяется). Но в то же время, непосредственно само общественное отношение собственности как таковое действительно характеризуется возможностями субъектов, — хотя еще не юридическими, но социальными правами и обязанностями. Это приближает общественное отношение собственности к юридической науке и делает общ

ственное отношение собственности (обычно называемое экономическим отношением) экономико-правовой категорией, категорией общей для нескольких социальных наук.

§2. Право собственности — естественное право

Право собственности, являясь отражением общественного отношения собственности, безусловно, имеет свои отличия, возникающие в первую очередь, в силу особенности самого права (где собственность отражена). Позитивное право, в качестве норм и правил поведения, закрепленных в законодательстве, является результатом законотворческой деятельности, оно есть выражение воли государства и общества. Здесь в законодательстве мы можем наблюдать ряд норм, регулирующих отношения собственности, возникает правоотношение собственности. В праве собственности так же, как в общественном отношении, выделяются хозяин — субъект права собственности и вещь — объект права собственности. При этом субъект обладает определенными правомочиями в отношении к вещи, которыми не обладают другие субъекты. То есть хозяину принадлежит субъективное право собственности.

Вместе с тем все другие субъекты кроме собственника не обладают субъективным правом собственности и не правомочны воздействовать на объект и распоряжаться им. Они несут обязанность не воздействовать на объект без допущения хозяина. Также они несут обязанность не препятствовать осуществлению собственником его субъективного права собственности. Значит, право собственности не ограничивается только правомочием (разрешением действия) для собственника.

Говоря о праве собственности, для начала, нам следует очертить его основные контуры. «В настоящее время, существу, общепринят взгляд, в соответствии с которым право собственности регулирует статику имущественных (волевых) отношений собственности как состояния принадлежности (присвоенности) материальных благ. Динамика этих отношений, т.е. переход материальных благ от одних лиц к другим опосредуется, в первую очередь, обязательным правом» /14, с. 18/. Отмечается также, что соб-

ственность не является предметом только лишь юридической науки и также оно — не только правовое понятие. «Одним из исходных, хотя и не всегда соблюдаемых правил, служит различие собственности как экономического (общественного и естественного — *Н.С.*) явления и права собственности как юридического феномена» /15, с. 108/. «Из понимания собственности как состояния принадлежности (присвоенности) материальных благ вытекает, что такие отношения присущи любому человеческому обществу, всякой общественно-экономической формации. В отличие от этого, право (в том числе, конечно и право собственности) возникает лишь на определенной ступени, этапе общественного развития, т.е. позднее собственности, которая исторически предшествует праву» /14, с. 13/.

Юридические нормы действуют наряду с другими социальными нормами поведения. Сами такие неюридические нормы, в принципе, могут быть дублированы действием права, однако часто они при этом не формируются законодательством непосредственно. Так, например, считается, что большинство из нормативных предписаний состоит из трех элементов гипотезы, диспозиции, санкции. «Такая структурная организация характерна для нормы права — классической модели нормативного указателя поведения субъекту права (идеальный тип)» /16, с. 15/. «Норма санкционированного обычая только частью содержится в нормативно-правовом акте (гипотеза и санкция). Само же правило поведения, составляющее содержания обычая, находится вне права — в фактических отношениях, складывающихся на практике в ходе применения обычая» /16, с. 14—15/.

По мнению Т. Н. Мирошниченко это «представляет собой специфический способ выражения государственной воли посредством законодательного закрепления общественной практики, применяемый в целях доурегулирования отношений, второстепенных, с точки зрения общественного значения, либо находящихся вне сферы общей юрисдикции советского государства» /16/. Следует, однако, заметить, что, если выделять такие признаки описанного специфического способа как, во-первых, законодательное закрепление общественной практики (отражение в праве общественных отношений и ценностей) и, во-вторых, отсутствие самого правила поведения прямо сформированного законода-

тельством (диспозиции) — то, в принципе, нет необходимости в определении нетипичных способов правового регулирования как отвечающих этим признакам.

Считается, что право вообще в юридических нормах отражает общественные отношения и действует наряду с другими социальными нормами /17, с. 92/. А отсутствие диспозиции достаточно распространенное явление, к примеру, во всех нормах особенной части уголовного кодекса отсутствует указание на запрет преступного деяния /18, с. 184—191/. Сам запрет преступного деяния (или модель незапрещенного поведения) здесь устанавливается какими-то социальными нормами, не являющимися юридически прямо сформированными, но образуемыми под действием права. Отрицание существования такого, не самого удачного для этого случая механизма, равносильно признанию, что уголовный закон не запрещает преступлений, а это явно противоречит действительности. Таким образом, вообще, действие непосредственно нормативного юридического регулирования можно видеть как применяемое «в целях доурегулирования отношений», и это не будет каким-то нетипичным явлением, а наоборот, характерно для права в целом.

Система соционормативной саморегуляции личности включает в себя нормы нравственности, религиозные нормы, правовые нормы, обычаи, традиции и прочее /19, с. 14—15/, и все такие нормы действуют совместно, взаимно дополняя друг друга, и даже участвуя в формировании и поддержании друг друга. «Анализ сложного и многогранного процесса взаимодействия норм права и норм неправового характера в границах рассмотренных областей — пишет С. И. Воробьева, — позволяет обратить внимание на следующее:

— различные общественные отношения для сохранения изменения своих структур и функций требуют социально-нормативной поддержки различной силы;

— в зависимости от объективных потребностей в жизнеобеспеченности экономических процессов и явлений общества, содержание правового воздействия на нормы неправового характера выражается в одобрении существующих социальных нормативов неправового характера, как не противоречащих содержанию правовых предписаний; в содействии развитию новых прогрессивных и позитивных

норм неинституциональной социальной системы; в охране действующих социальных установок неправовой системы демократического и гуманистического характера путем запрета вытеснения старых, регрессивных нормативов...» /20, с. 44—45/.

Особенное значение эти моменты приобретают в правовом регулировании отношений собственности, где право собственности отражает общественное отношение собственности, выступает наряду с общественными представлениями и социальными нормами о праве собственности, включает в себя как юридические так и неюридические элементы права собственности и в общем выступает как естественное право. «Идея естественного права как отличного от совокупности законов, установленных государством, принадлежит к числу древнейших в истории политической и правовой мысли» /21, с. 8/.

В собственности, как явлении, выделяются и связи между хозяином и вещью, и связи между собственником и несобственниками. Об отдельном видении в праве собственности, либо отношений между хозяином и вещью, либо отношений хозяина и нехозяев, пишет М. И. Кулагин. «Например, известные французские цивилисты Обри и Ро подчеркивали: «вещные права являются теми, которые создают непосредственную и прямую связь между вещью и лицом» (Aubry Ch., Reau Ch., Cours de droit civil francais. — P., 1897). Однако большинство юристов считало и считают, что собственность — это отношения между людьми, где праву собственника вещи противостоит обязанность всех и каждого воздерживаться от воздействия на вещь» /22, с. 59/. Безусловно, право собственности, вообще, предполагает не только отношение между вещью и человеком, но кроме этого, еще предполагаются отношения между собственником и несобственником. «Фактическое владение предполагает и включает в себя в качестве существенных моментов как отношения «человек — вещь», так и отношения «человек — человек». Это такое отношение, при котором преграждается свободный, беспрепятственный доступ к данным вещам других членов общества» /5, с. 19/. Соответственно и в праве собственности принято выделять оба этих момента отношений собственности. «При анализе сущности вещных прав выделяются две взаимосвязанные и взаимозависимые сто-

роны, позволяющие в своей совокупности всесторонне и полно охарактеризовать каждый вид вещного права. Это — отношение лица к вещи и отношения между людьми по поводу вещей» /23, с. 12/.

Собственность как явление, предшествует праву собственности. При этом, если выделять в собственности отдельно отношения «человек — вещь» и «человек — человек», то отношения субъекта и вещи здесь являются первичными. Хотя, конечно, те связи между субъектом и вещью, которые могли существовать до становления отношений «человек — человек» (а значит и до собственности как таковой), гораздо беднее, чем отношения хозяина и вещи в собственности. Ведь при присвоении — связи между хозяином и вещью уже предполагают отчужденность от этой вещи других людей, и они (связи) формируются в условиях этой отчужденности.

«Представляется, что собственность исторически возникла как форма индивидуального обладания вещами, как факт разграничения на «мое» и «не мое». Что же касается общинно-государственных форм присвоения, то в их рамках могла существовать проблема «наше» — «не наше» /15, с. 110/. Разграничение на «мое» и «не мое», являясь элементом собственности как общественного явления, уже предполагает наличие отношений с другими лицами, но при этом, оно представляет собой отношение человека к вещи «как к своей». Здесь выделяются два момента, имеющие существенное значение:

1) здесь налицо субъективное, психическое отношение субъекта к вещи «как к своей»;

2) такое отношение субъекта носит еще и объективный момент, т.к. вещь обособлена, и для других лиц она является «чужой».

Этот феномен представляет собой связь между вещью и хозяином, выражающую принадлежность вещи и характеризующую не только право собственности, но и вещные отношения вообще: «кроме права собственности существуют и другие вещные права — права, выражающие и закрепляющие «прямое», фактическое отношение между лицом и вещами, т.е. права, которые в принципе способны придать лицу статус хозяина имущества» /24, с. 101/. Хотя в иных вещных правах такая связь не является той же собственнической связью.

Какова же вообще бывает связь между лицом и вещью? Среди многих элементов этой связи мы можем отметить следующее. Во-первых, эта связь предполагает физическое воздействие на вещь и воздействие вещи на субъекта. Во-вторых, предполагается психическое отношение человека к вещи, заставляющее человека хранить ее (ценность). В-третьих, хозяин вещи считает за благо принадлежность вещи и *считает вещь своей*. Когда в отношения включается общество, оно выступает на стороне хозяина, защищая его от посягательств на его вещь других лиц. В первую очередь, общество считает правильной ситуацию, когда *вещь принадлежит* ее хозяину, т.е. сами отношения присвоенности вещи считаются общественным благом, моральной ценностью, добром. Во вторую очередь, в соответствии с этим, общество выражает свое отношение к тем или иным действиям, устанавливает моральные запреты и права.

«По сути дела, владение в виде отношения «человек — вещь» выражает идеальное, мысленное отношение к средствам производства или к предметам потребления как к своим» /5, с. 19—20/. Здесь отмечают такое отношение хозяина к вещи, когда он считает ее своей. Мы говорим о чувстве собственника, предполагающем бережное отношение к вещи (вызванное ее ценностью) и ревностное отношение по отношению к другим лицам, воздействующим, претендующим или способным претендовать на вещь, и чувство морального права свободно распоряжаться вещью, и чувство ответственности за вещь, и многое другое. Вместе с тем, общество также считает хозяином вещи — ее собственника. Такая связь между хозяином и вещью формируется уже в условиях отчужденности вещи от других лиц — нехозяев, и в условиях, когда общество признает отношения присвоенности как должные, правильные. Здесь общество не просто поддерживает отношения собственности путем запретов и разрешений, путем действий в пользу хозяина. Но общество признает и чувства хозяина, признает саму связь между хозяином и вещью как ценность. Такая связь между собственником и вещью является общественной ценностью и частью общественного сознания.

Выделяя в отношениях собственности такую связь между хозяином и вещью, следует заметить, что она существует (рассматривается) вообще вне всяких прав и обязанностей

не только юридических, но и вне социальных, моральных прав, составляющих правомочия собственника. Единственное право, которое мы можем выделять относительно самой такой связи — это право собственности в самом суженном его понимании — право быть собственником, право считаться собственником. Для удобства нам нужно назвать эту связь — собственнической связью между человеком и вещью.

Отношения собственности предполагают саму собственническую связь между хозяином и вещью, которая, следует еще раз подчеркнуть, лежит вне всяких общественных запретов и разрешений, то есть вне юридической сферы. Однако, именно такая связь признается той общественной ценностью, которая защищается обществом путем осуществления запретов и разрешений, путем наделения субъектов правами и обязанностями. Собственник, когда он наделяется правом собственности, приобретает, в том числе и право быть собственником, т.е. право признания наличия собственнической связи. Соответственно этому норма права предоставляет возможность собственнику требовать признания его права собственности (ст. 259 ГК РК; п. 2 ст. 289 ГК КР).

Право собственности как правовой институт, правоотношение или субъективное право, то есть только как юридическая категория — является отражением общественно-общественного отношения собственности, собственности как общественного явления. Это отражаемое явление, в свою очередь, включает в себя и элементы, лежащие в юридической сфере (права и обязанности), и элементы, выходящие из этой сферы. Потому, и такой подход в изучении права собственности, который предполагает рассмотрение юристами не целостного явления собственности, а лишь те ее стороны, которые выражают регулирующее влияние государства, использование правового инструментария для воздействия на отношения собственности /15, с. 108/, такой подход обязательно будет упираться в проблемы и споры, неразрешимые для права.

Мы глубоко поддерживаем высказывание Е. А. Суханова, что «собственность следует рассматривать как экономико-правовое явление, в котором правовая форма неразрывно слита с экономическим содержанием (что, разумеется,

не препятствует их раздельному научному анализу экономистами и юристами, но предполагает необходимость синтеза обоих подходов для правильного понимания этой сложной категории)» /14, с. 16/.

Само право собственности выражает не просто набор субъективных прав и обязанностей собственника и прочих лиц, но и выступает отражением и продолжением существующих отношений собственности как общественного явления. В том числе, право собственности выражает и связь хозяина и вещи, собственническую связь. В праве собственности вещь индивидуально определена и связь между собственником и вещью вполне конкретна. При этом, собственническая связь, то есть отношение собственника к вещи как к своей являет собой отношение к вещи, характеристику этой вещи. Здесь хозяин, а также и общество *характеризует вещь как свою*, как ему принадлежащую. И также как характеристика предмета принадлежит предмету, относится к нему и не мыслится в отрыве от самого предмета, также и собственническая связь относится именно к вещи. По этой причине в отношениях собственности невозможна замена вещи на другую, хотя возможна замена со стороны хозяина. Так, например, продажа вещи предполагает замещение собственника другим лицом — новым собственником, происходит передача права собственности, правопреемство в прежних отношениях собственности. С гибелью вещи прекращается всякое вещное право (в том числе и право собственности) /23, с. 11/. В случае же гибели собственника право собственности не всегда прекращается, так как и здесь возможна передача права собственности наследникам, правопреемство в отношениях собственности. В силу такого свойства собственнической связи в праве собственности можно наблюдать «право следования», которое означает: «право на вещь лежит в самой вещи; к кому бы эта вещь не перешла, она подлежит этому праву»/23, с. 11/.

Субъективное право собственности, таким образом, включает в себя не только возможность определенного поведения собственника и не только возможность требовать определенного поведения обязанных лиц, но и также право хозяина считаться собственником вещи, право на эту собственническую связь между хозяином и вещью. Легальное определение права собственности включает в себя три правомо-

чия собственника: владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Безусловно, только набор этих правомочий не определяет и не раскрывает содержания права собственности. Собственник действительно обладает рядом правомочий как в отношении к вещи (например, распоряжаться имуществом), так и в отношении к другим лицам, но сумма всех правомочий все равно не дает представления о праве собственности.

«Право собственности является наиболее полным правом на вещь. Собственник обладает самыми широкими распорядительными полномочиями: он может отчуждать вещь, менять ее хозяйственное назначение, ухудшать свойства вещи, даже уничтожать ее... Однако право собственности не следует сводить к набору полномочий. Собственник остается собственником и в отсутствии любого из этих полномочий»/25, с. 340—341/.

Потому, на наш взгляд, следует четко разграничить в праве собственности отдельно наличие конкретных правомочий собственника, — во-первых; и отдельно, наличие собственнической связи, — во-вторых. Только при таком подходе можно решать и споры об определении права собственности (и роли триады правомочий), и споры об ограниченности или неограниченности права собственности, и споры о включении или невключении в право собственности (отношение собственности) отношений хозяина и вещи. О различении собственнической связи и правомочий в праве собственности можно судить и по тому, что собственник имеет право требовать признания права собственности. То есть собственность присутствует и тогда, когда право собственности еще не признано.

Право (т.е. через право — общество), используя свои юридические методы, защищает отношения присвоенности. Так уже в праве собственности появляются права и обязанности. Субъективные права, правомочия появляются только тогда, когда общество начинает поддерживать существующие отношения своими запретами и разрешениями. Но и без такой поддержки обществом связь хозяина и вещи все равно есть. Все равно собственник считается хозяином. Необращение должного внимания на собственническую связь порождает понимание права собственности, согласно которому оно является суммой правомочий, суммой

прав владения, пользования и распоряжения (или более широкого круга правомочий).

Яркий пример такого понимания продемонстрирован М. Ю. Галятиным на примере правового режима собственности в США. «Отвлекаясь от конкретных авторских определений, можно выделить ряд черт, характеристик и принципов, которые раскрывают содержание права собственности.

Во-первых, собственность рассматривается как власть над объектами внешнего мира...

Во-вторых, право собственности представляет собой совокупность некоего неопределенного числа отдельных правомочий...

В-третьих, вследствие своего дискретного характера полномочия собственности могут быть распределены между неопределенным числом субъектов, которые и считаются их собственниками. Поэтому в англо-американской правовой доктрине без труда объясняется возможное и реально существующее его расщепление. Право собственности в метафорической форме представляет собой «вязанку» прав (bundle of rights), в которой каждое из них является определенным, исключительным правомочием...

В-четвертых, источниками права собственности являются закон, прецедент, судебное решение и обычай. Только те права считаются правами собственности, которые получили в них признание. Эта позиция находит свое выражение как в максиме права «without the law there is no property» (нет собственности вне закона), так и в многочисленных судебных решениях...

В-пятых, право собственности, кроме этого, может быть ограничено государством. Мысль о его ограниченном характере в различных определениях в том или ином виде присутствует всегда...

В-шестых, объектом отдельного права собственности (interest) является вещь...» /26, с. 66—69/.

Карл Холтцу, делая сравнительный анализ Американского и Кыргызского законов и практики недвижимого имущества, отмечает следующие виды права на недвижимость (виды права собственности) в общем праве (США):

- 1) fee-simple (неограниченное право собственности);
- 2) fee-tail — урезанная собственность (до смерти не имеющего детей владельца);

- 3) пожизненное владение (на весь жизненный период);
- 4) срочное владение (аренда);
- 5) краткосрочное (периодическое) владение (например, на ежемесячной основе до окончания срока);
- 6) бессрочное владение или владение с молчаливого согласия собственника.

Существуют также «ограниченные права собственности»:

- 1) регулируемое имущество («до тех пор как»);
- 2) имущество, зависящее от будущих условий («но в этом случае... лицо, предоставляющее право, может вновь вступить в свои права»).

Имеется также и отсроченный вещно-правовой интерес:

1) обратная передача (когда собственник передает текущее имущество в юридически меньшем объеме, чем его имущество. Например, когда собственник с неограниченным правом собственности передает имущество в пожизненное владение; в случае смерти имущество переходит обратно к прежнему собственнику, давшему на него право);

2) возможность осуществить обратную передачу в отношении регулируемого имущества;

3) полномочия на прекращение права собственности в зависимости от будущих условий;

4) «выжидательная собственность», когда лицо, ранее предоставившее право и имеющее право на обратную передачу, может передать это право другому лицу, у которого в этом случае возникает право «выжидательной собственности».

Общее право признает также параллельные формы права собственности, соответствующие праву сособственников в общей собственности /27/.

Тенденция к возможности ограничения права собственности также свидетельствует о все большем понимании права собственности как набора правомочий, которые устанавливаются правом и государством, и которые соответственно могут быть государством ограничены. Потребность дать приемлемое объяснение процессам, в которых различного рода ограничения права собственности все множатся, — как пишет М. И. Кулагин, — породила в западном правоведении активные теоретические поиски новых конструкций права собственности. Пожалуй, самой распространенной из них является концепция собственности как социальной функции. Авторы теории социальной функции права (Кант,

Дюги и др.) утверждали, что у субъектов нет прав, они обязаны подчиняться социальным нормам, выполнять возложенные на них социальные функции. Теория социальной функции права, наверное, как ни одна другая, была с энтузиазмом воспринята западным законодателем /22, с. 1/. К сожалению, она нашла такое свое выражение (в отношении права собственности) и в положениях Конституции Республики Казахстан 1995 года (ст. 6 п. 2).

«Увеличение числа ограничений права собственности, расщепление его на частичные права, существующие самостоятельно, превращение бестелесных прав в распространенный объект собственности со всей очевидностью демонстрирует устарелость и неприемлемость трактовки содержания права собственности как совокупности прав по владению, пользованию и распоряжению» /22, с. 66/. Совершенно очевидно, что и всякие попытки расширить круг правомочий собственника или выделить ядро среди этих правомочий не приведут к желаемому результату. Ведь любые правомочия как юридический инструмент, применяемый и устанавливаемый государством, вполне может и расщепляться и ограничиваться этим государством. Ядро права собственности необходимо искать в его естественной природе, диктующей государству и обществу установление всех правомочий собственника.

И. У. Жанайдаров пишет: «Общепринятое понимание содержания прав собственника допускает моделирование ситуации, при которой у собственника не остается ни одного вещного правомочия. Чем же располагает тогда собственник? А. В. Венедиктов считал, что это некий сгусток собственности. Мы со своей стороны стоим на менее мистических позициях. С нашей точки зрения, за собственником сохраняются право требования, право следования и право преимущества» /28, с. 13/. В действительности, если право собственности естественно предполагает наличие собственной связи между хозяином и вещью, то и, следовательно, право устанавливает правомочия собственника (в т.ч. требования, следования и преимущества). Собственническая связь и является тем самым сгустком собственности, духовным отношением, когда собственник считает вещь своей и сам считается хозяином вещи.

При субъективности этого духовного отношения, соб-

ственническая связь обладает и элементами объективного характера. Так как она обусловлена объективными началами — ценностью вещи, понятиями о полезном и вредном, добром и злом, которые приняты в человеческом обществе и, соответственно, собственник обладает чувством морального (нравственного) права, считает вещь присвоенной. Собственник связан с вещью собственнической связью и считает вещь присвоенной из того, что он действительно осуществил те или иные действия, получил вещь — по праву. Такое психическое отношение относится к общественному сознанию.

В частности и у К. И. Скловского мы видим наличие своеобразного признания в собственности собственнической связи и ее значения. Он отмечает множество примеров, фактически способных навести на мысль о том, что связь субъекта и вещи первоначально могла восприниматься как неразрывная связь, где вещь образно является частичкой личности субъекта собственности /29, с. 132—144/. Сущность собственности — проявление в ней лица /29, с. 133/. «В конце концов, такое лапидарное определение, как отношение к вещи как к своей, при всей кажущейся ненаучности оказывается довольно глубоким, если учесть, что «своей» можно считать вещь, если понимать ее как пространственное расширение личности, ее потенциала /29, с. 158/. К. И. Скловский цитирует Д. В. Дождева: «Гражданская форма, в которой устанавливается обязательство, в древности представляла собой ритуал социально значимого обмена ролями в связи с вещью» /30, с. 174/. При этом, К. И. Скловский критикует проводимые Е. М. Штаерман с большой настойчивостью взгляды о меньшей, чем это было принято считать, «связи собственности с правом отчуждения», в том числе путем манципации /31, с. 343/.

К. И. Скловский, цитируя Гегеля, отмечает: «Договор предполагает, что вступающие в него *признают* друг друга лицами и собственниками ... момент признания в нем уже содержится и предполагается» /32, с. 128—129/. Отличие гегелевской концепции в том, что договор, взаимодействие воли противоположных субъектов, создает право собственности, которое до этого взаимодействия двух (по крайней мере) лиц еще не развернулось, не существует /29, с. 48/. Итак, если «захват и внешнее владение всегда оказываются

ся бесконечным образом более или менее неопределенными и несовершенными» /32, с. 110/, непрочными и неполными, то в договоре собственность обнаруживается как полная, бесспорная и совершенная, становится собственностью для всех, правом собственности, так что договор — это форма собственности /29, с. 47/. Возражения против концепции «право собственности — договор, — пишет К. И. Скловский, — со стороны юристов могут последовать в принципе с довольно банальных позиций «преувеличения роли договора». Ведь реализация собственности именно в качестве абсолютного права происходит и при завещании, и других односторонних действиях и, наконец, при уничтожении вещи. Здесь уровень аргументации, конечно, снижается, и только поэтому можно было бы ее проигнорировать, ведь общетеоретическое, философское обоснование собственности исходит из кардинальных свойств предмета, допуская привлечение периферийных уже по аналогии. Действительно, завещание (односторонняя сделка) предполагает вступление в наследство (вторая односторонняя сделка), а две односторонние сделки можно уже рассматривать как своего рода договор... Что касается уничтожения вещи, то во многих случаях это право ограничено и т.д.» /29, с. 49—50/.

Однако К. И. Скловский не отмечает этой собственнической связи до договора или вне договора. Нет видимого отнесения собственнической связи и к общественному сознанию и, вообще, признание собственнической связи видится не в отношении общества, а в отношениях индивидуальной воли каждого субъекта договора. В силу этого вещное отношение и собственническая связь у него возникают только после и в результате оборота вещей.

Право собственности, таким образом, не сугубо юридическая категория, т.к. оно включает не только правомочия (субъективные права и субъективные обязанности) установленные государством, но и выражает наличие собственнической связи между хозяином и вещью. Субъективные права (правомочия внутри самого субъективного права собственности) вторичны, они принадлежат тому, кто уже является хозяином в отношениях присвоенности (и даже без наличия у хозяина этих правомочий), тому, кто связан с вещью собственнической связью.

Хозяин принадлежащей ему вещи, отстранив от вещи

всех других лиц, фактически получает *полное господство* над вещью. Общество и право, поддерживая хозяина, предоставляют собственнику соответствующие права, такую практику, во всяком случае, можно было наблюдать в римском частном праве /25, с. 340—344/. Такой же подход к праву собственности, несмотря ни на что, можно наблюдать в теоретических разработках и в последнее время. «Право собственности как форма отношения лица к вещи есть неисчерпаемая совокупность возможностей, предоставляемых субъекту объективным правом, которые воплощаются в любых действиях, требуемых для ведения товарного производства» /33, с. 5/. «Например, немецкий юрист Т. Хасс утверждает, что только то право, которое предоставляет неограниченное господство над вещью, включая бесспорные правомочия по владению, пользованию, распоряжению и управлению вещью — является собственностью. Все прочие права на вещь собственностью быть не могут» /22, с. 59/. Право собственности — только полное господство над вещью.

Однако, предполагая, что право собственности предоставляет собственнику полное господство над вещью, а правомочия всех других лиц не могут этому соответствовать — все равно не это определяет право собственности. «Конечно, правомочия распоряжения имуществом у нанимателя (несобственника — *Н.С.*) всегда уже, чем аналогичное правомочие собственника. Но дело не только в том, что нанимателю недостает каких-то конкретных возможностей, чтобы «сравняться» с собственником (тем более, что последний, абстрактно говоря, может наделить другое лицо любыми принадлежащими ему самому правомочиями).

Дело в том, что правомочия собственника, как и само право собственности в целом, дают возможность собственнику, опираясь на закон, отстранять всех третьих лиц от «хозяйственного господства» над принадлежащим ему имуществом, если на то нет его воли. В этом смысле правомочия собственника носят действительно особый, исключительный характер (что, несомненно, является прямым отражением, следствием особенностей его экономического положения).

Аналогичные правомочия могут быть и у несобственника (например, у того же нанимателя), но они уже не носят

исключительного характера. Ведь они не только не «исключают» прав на это имущество самого собственника, но и возникают по его воле, а не только по воле управомоченного собственником лица» /14, с. 22/.

Иначе говоря, право собственности обладает главным отличием — для собственника вещь «своя», а для всех других лиц, она «чужая». Соответственно, закон предоставляет ему возможность «отстранять всех третьих лиц от «хозяйственного господства» над принадлежащим ему имуществом, если на то нет его воли». Эта возможность «является прямым отражением, следствием его экономического положения» — то есть положения хозяина в общественном отношении собственности, который реально связан с вещью собственнической связью. Причем собственник самостоятельно, инициативно, по своей воле владеет имуществом.

Наличие реальных отношений собственности между хозяином и вещью толкает общество (государство), выступающее на стороне хозяина устанавливать правомочия собственника, закрепляющие его господство над вещью и закрепляющие принадлежность вещи хозяину. «Правовое регулирование отношений собственности складывается из правил (норм) поведения, которые, во-первых, устанавливают саму возможность (или невозможность) принадлежности материальных благ определенным лицам (их коллективам), тем самым закрепляя юридически фактическое (экономическое) состояние присвоенности этих благ.

Во-вторых, это — правила, устанавливающие характер и границы поведения владельцев имущества, охраняемые законом, то есть их правомочия, характеризующие конкретные возможности «хозяйственного господства» над имуществом.

Наконец, в-третьих, сюда включаются и правовые способы защиты от посягательств других лиц на охраняемое «состояние присвоенности» материальных благ и предоставляемые им возможности хозяйственного господства над имуществом» /14, с. 16/.

Правомочия собственника отличаются от правомочий хозяина в других вещных отношениях. Различия в правоотношениях охраны состояния присвоенности от посягательств других лиц, то есть состояния отчужденности последних от вещи коренятся в основном, в том, что если

собственности собственник — единственный и полный хозяин, то в других вещных отношениях хозяин вещи может терпеть рядом с собой и других «хозяев», или других лиц, имеющих те или иные правомочия на вещь или по поводу этого имущества, либо терпеть ограниченность права и пр.

Различия в правомочиях, характеризующих конкретные возможности господства над имуществом, находят причину в том, что если в отношениях собственности хозяин обладает полным господством над вещью, то в иных вещных отношениях господство хозяина может быть ограничено или же, в силу особенностей объекта, изменен характер осуществления этого господства.

Нормы, определяющие правомочия собственника, соответствуют отношениям собственности, где собственник обладает полным господством над вещью, и они должны устанавливать такое полное господство. Однако, реальные возможности собственника осуществлять воздействие на вещь ограничены. Во-первых, реально ограничены физические возможности человека. Возможности могут быть ограничены, например, общей обязанностью для всех лиц не причинять вреда другим субъектам, обязанностью не совершать преступлений и пр. И возможности могут быть ограничены тем, что другие лица волей собственника наделяются правами на его имущество (например, правом оперативного управления). Здесь, в этих случаях ограничивается реальная юридическая возможность собственника, несмотря на общее право (разрешение) осуществлять в отношении вещи любые действия. Так, предоставленная возможность владеть и пользоваться по своему усмотрению, например, автомобилем, существует параллельно обязанности соблюдать правила дорожного движения.

Такое понимание собственности как неограниченного господства возможно только при единственно-правильном его понимании как *формы* общественного отношения (являющейся идеальной моделью). Только такой подход вообще позволяет видеть отношения собственности, т.е. выделить общие черты и определить собственность как таковую (подробнее об этом см. §4 первой части этой книги), а значит, позволяет рассматривать отношения собственности (также и юридические) абстрактно, отдельно от других отношений.

Право собственника воздействовать на принадлежащее ему имущество представляет собой, подтверждающее отношение присвоенности, *разрешение* для собственника в условиях, когда другим лицам такое действие без разрешения хозяина запрещено (в поддержку интересам собственника). При этом, права вообще могут предполагать юридическое обеспечение возможности разрешенных действий, выраженное в обязанностях других лиц, не препятствовать его осуществлению. В праве собственности собственническая связь порождает прежде вот это общее разрешение воздействовать на имущество, а юридическое обеспечение возможности осуществления этих конкретных действий уже вторично.

Мы можем наблюдать и отсутствие *реальных* фактических материальных возможностей любого воздействия на имущество, при том, что такое воздействие для собственника, в принципе, разрешено. Несмотря на разрешенность любого воздействия общей нормой, можно наблюдать другие обязанности (в других правоотношениях), реально ограничивающие даже юридическую возможность осуществления разрешенных общей нормой действий. Такая ограниченность *реальных* правомочий характерна для всех субъективных прав без исключения (уже в силу того, что существует общая обязанность не совершать уголовных преступлений). Однако, тем не менее, право собственности является не только юридическим, но и общественным явлением, и, потому, собственническая связь между хозяином и вещью реально создает общее разрешение воздействовать на имущество любым образом. Это разрешение существует независимо от других обязанностей, то есть оно само по себе не ограничивается, когда ограничиваются реальные правомочия собственника. «Понятие ограничения собственности относится к полномочиям собственника и не затрагивает сущности института: понятие собственности не принимает идею ограничения» /25, с. 344/.

В том числе, и в ограничениях, когда собственник ограничен в своих реальных правомочиях, в силу того, что он своей волей наделил вещным правом другое лицо и тем самым принял соответствующие обязанности, право собственности как таковое не ограничилось, так как общее разрешение и господство над вещью сохранилось. Реаль-

ные правомочия собственника в том случае будут восстановлены после снятия обременяющих его обязанностей. «Именно способность собственности восстанавливаться в полном объеме сразу же по прекращении конкуренции других вещных прав (или по снятии законодательных ограничений) — так называемая эластичность собственности — выступает одним из бесспорных признаков этого права» /25, с. 340—341/. Как правильно замечено, эластичность собственности (называемая еще упругостью собственности) проявляется и в тех случаях, когда реальные правомочия ограничены законодательством (например, ограничения в силу тех или иных обстоятельств). В этих случаях также правомочия собственника должны восстановиться в полном объеме при снятии соответствующих обременяющих обязанностей собственника.

Собственность как общественное явление предполагает полное господство над имуществом, соответственно право должно отражать отношения собственности, предоставляя собственнику правомочия, соответствующие полному господству над вещью без ограничений самого вещного права собственности. Право собственности не должно включать в себя никаких ограничений (в самом праве собственности, в самом вещном отношении), а если такие ограничения вещное право предполагает, то оно, уже по этой причине, не является правом собственности, но является иным вещным правом.

Собственность и право собственности — это естественное право и общественное (экономико-правовое) явление, и именно с позиций его целостности, включающей и элементы юридической природы и элементы, выходящие за сферу собственно юридическую нужно подходить к его пониманию. В том числе и в том, что «собственность не принимает идею конечного срока: временная собственность невозможна» /25, с. 343/.

Такая целостность собственности предопределяет ее основные характеристики. Бессрочность права собственности обусловлена тем, что государство не наделяет собственника правом собственности и соответственно не может установить его срок. Собственническая связь между хозяином и вещью образуется в силу естественного — общественного факта, все другие собственники, за исключением первона-

чального приобретателя являются «наследниками» первого хозяина, вступившими в уже существующую собственническую связь в порядке универсального или сингулярного правопреемства. Право (государство) лишь признает и поддерживает существующее состояние присвоенности вещи.

Так называемое «право следования» в праве собственности обусловлено тем, что собственническая связь, лежащая за пределами юридической сферы, представлена характеристикой вещи как принадлежащей хозяину («своей» для хозяина и «чужой» для других лиц), а значит, собственническая связь как характеристика безотрывна от вещи, которую она характеризует.

Упругость (или эластичность) права собственности тоже находит причину в элементах, лежащих вне юридической сферы, которые определили объем возможностей собственника (неограниченный). И при всяком ущемлении правомочий собственника, последние вновь восстанавливаются при снятии ущемляющего правом действия.

Неограниченность права собственности (по мнению авторов, разделяющих иной подход к пониманию правоотношения и субъективного права — наиболее полный объем правомочий собственника) обусловлен естественной природой права собственности, когда в праве отражается общественное отношение собственности, предполагающее господство лица над вещью.

Невозможность «расщепления» собственности — прямое следствие понимания целостности собственности как явления, предусматривающего не только наличие в нем правомочий («вязанку» прав), но и главное — единственную собственническую связь, являющуюся первичной по отношению к правомочиям.

Исключительность права собственности и его абсолютный характер — проявление собственнической связи, где для собственника вещь «своя», а для всех других — «чужая».

Инициативность собственника в осуществлении права собственности (его осуществление «своей властью и в своем интересе», «по своему усмотрению», «независимо от всех других лиц» /14, с. 24/) также коренится в отношении фактического господства лица над вещью, которое естественным образом создается сначала самим собственником и только потом поддерживается обществом.

Таким образом, право собственности как юридическая категория отражает и формируется теми элементами, которые лежат вне права. Однако, включаясь в отношения присвоенности, право все-таки вносит в них свои коррективы и это связано с особенностями правового метода. То есть, если право стремится поддержать отношения присвоенности, то всякие изменения этого статического состояния в праве собственности являются как бы побочным эффектом.

Другой момент, делающий возможным некоторое несоответствие права собственности в сравнении с отношением собственности как общественного явления, связан с тем, что законодательство выступает лишь инструментом регулирования отношений в руках государства. А значит, процесс образования естественного права собственности, исходя, конечно, из естественной природы собственности как общественного явления, преломляется через сознание и волю законодателя. Нормативное право, таким образом, не зависит *прямо* от общественного отношения собственности, но опосредованно, и потому возможны вольные или невольные погрешности в их отражении.

Право собственности не только отражает отношение присвоенности, но оно закрепляет его, формирует его как неотъемлемая часть отношений собственности, регулирует общественные отношения. Именно в целях эффективного регулирования общественных отношений, необходимо адекватное отражение в праве общественного отношения собственности. «Необходимость учета неправовых норм в процессе правотворчества в развитом социалистическом обществе обосновывается следующими обстоятельствами:

— наличием единой экономической основы данного общества;

— важностью ценностного, нравственного, политического обоснования правовых норм;

— гармоничным сочетанием социальной практики и преобразующей роли права;

— социально-психологическими мотивами поведения, дальнейшим повышением уровня правосознания, воспитания убежденности в справедливости правовых норм и необходимости их неуклонного соблюдения;

— рассмотрением права в качестве элемента системы социально-нормативного регулирования» /34, с. 8/.

§3. Правомочия собственника

Итак, право отражает и закрепляет отношения собственности, устанавливая юридические нормы, оно регулирует общественные отношения собственности. Между тем отмечается, что с функциональной точки зрения, правовые нормы могут осуществлять специфически юридическое регулирование общественных отношений, являться действительно социальной силой, только воплощаясь в сети конкретных субъективных прав и юридических обязанностей, в их реализации /35, с. 10/. «Субъективное право собственности есть юридические возможности личности, являющиеся средством удовлетворения ее разнообразных интересов и потребностей. Оно связано с субъектом общественных отношений как его наличное право, представляющее ему возможность активно действовать, пользоваться и участвовать в создании социальных благ. Это и послужило именовать субъективное право «субъективным», т.е. принадлежащим субъекту» /35, с. 9/.

Субъективное право, прежде всего, предоставляет определенную свободу поведения личности, которая обеспечивается ей обществом и государством. «Имею право» означает для субъекта его возможность поступить определенным образом. Такая возможность специально *обеспечивается* управомоченному субъекту. При этом, субъективное право является продуктом социальной жизни и выступает как элемент саморегуляции общества. Объективно оно появляется в процессе эволюционного становления и развития общественных отношений, совершенствования системы общественной организации.

Предполагается, что первоначально социальные нормы выступали как модели *должного* поведения (обычай и т.п. как обязанности), в качестве примеров, которым нужно было следовать. При этом социальное регулирование опиралось в основном на механизмы положительной реакции общества на одобряемые действия и отрицательной реакции на неодобряемые. В отсутствие сложной системы социальных норм, обеспечение свободы поведения субъекта могло быть осуществлено только лишь отсутствием негативной и наличием позитивной общественной реакции (социальной ответственности).

Да и необходимость специального обеспечения свободы поведения субъекта, т.е. права, по видимости, появляется позже, с развитием и усложнением общественных отношений и уклада жизни. Так и Л.А. Сивкова отмечает: «С общественным разделением труда К. Маркс связывал серьезные изменения в обществе, а именно, неравное распределение труда и его продуктов, появление имущественного неравенства, противоречие между интересом отдельного индивида и общим интересом всех членов общества, *обособление индивида путем получения им определенного исключительного круга деятельности*» (выделено мной — Н.С.) /35, с. 10—11/. Таким образом, субъективное право с присутствием ему специальным обеспечением свободы поведения, как элемент общественной саморегуляции могло формироваться уже позже применения тех социальных норм, которые обязывали и запрещали, то есть после применения субъективной обязанности.

Об обеспеченной свободе поведения говорят, что социальная свобода как мера возможного поведения — это личное право индивида в общесоциальном смысле, то есть неюридическое право /35, с. 11/. «У общесоциального и юридического права, — заключает Л. А. Сивкова, — адекватная социальная природа, единая «предметная» субстанция — объективно оправданная мера свободы поведения» /35, с. 13/. Юридическая специфика субъективного права раскрывается через его связь с государством. Признание государством субъективного права в качестве такового является субъективным фактором в процессе возникновения и функционирования юридической формы /35, с. 13/.

Вообще, нормы права в своих предписаниях устанавливают и субъективные права — возможное поведение, и также юридические обязанности — должное и необходимое поведение. При этом, субъективное право реализуется по инициативе и воле управомоченного, а исполнение обязанности требует еще и внешний фактор, вызывающий необходимость исполнения (под угрозой ответственности или из общего уважения к праву общественному порядку, или привычки следовать определенным моделям поведения сложившимся в общественной среде и пр.). В общем, применение методов объективного права, выступающего при формировании мотивов поведения личности как внешний фактор

(воля государства и общества), становится необходимым при установлении и реализации, в первую очередь, обязанностей. Эти же субъективные юридические обязанности используются для обеспечения субъективных прав, когда обязанности налагаются на третьих лиц для обеспечения возможности определенного поведения управомоченного субъекта.

Метод правового регулирования, в своей основе, опирается на установление разного рода обязанностей для тех или иных лиц, и в существующей системе субъективных юридических обязанностей можно различать следующие элементы, образующие субъективные права. Во-первых, как противоположность субъективным обязанностям субъективное право фактически означает отсутствие запрета на осуществление конкретного правомочного действия. Именно этот момент определяет основное в содержании понятия субъективного права — то, что субъективное право предоставляет субъекту правомочие — разрешение на собственное инициативное действие. «Субъективная сторона осуществления гражданских прав составляет социально-психологический (внутренний) механизм с помощью которого нормативные предписания объективируются в правомерном поведении» /36, с. 46/.

Кроме того, правомочие субъекта юридически обеспечивается таким образом, что предоставляет ему реальную свободу правомочного поведения. Такое юридическое обеспечение субъективного права выражается через определенные обязанности, налагаемые на других лиц или освобождение от тех или иных существующих обязанностей правомочного субъекта. К примеру, при наличии общей позитивной обязанности или общего запрета для круга лиц, управомоченный субъект, входящий в этот круг, может быть освобожден от такой обязанности, которая мешает осуществлению субъективного права. В обеспечение субъективного права на других лиц (в том числе и государство) могут быть наложены соответствующие правомочию обязанности, позволяющие управомоченному субъекту реализовать свое право, защитить его. Кроме того, может признаваться обязанность для всех других лиц не препятствовать осуществлению управомоченным лицом его субъективного права (т.е. обязанность не совершать таких действий, которые бы препятствовали осуществлению субъективного права).

При этом, если обеспечивающие субъективное право обязанности и освобождения от общих обязанностей не формулированы отдельно юридическими нормами, то само по себе субъективное право, в ряде случаев, может предполагать и устанавливать своим действием конкретные обязанности на определенных субъектов или конкретные освобождения от обязанностей. Предусматривает ли субъективное право такое юридическое обеспечение, вытекающее из самого правомочия как такового, и если да, то какие именно обязанности и на каких лиц оно налагает или от каких обязанностей оно освобождает управомоченного — ответы на эти вопросы могут быть разными для каждого конкретного вида субъективного права.

А вообще, система гарантий реализации субъективных прав содержит не только указанные способы обеспечения субъективных прав. В *общем*, гарантии реализации субъективных прав (и также обязанностей) разделяются на общие и специальные. К общим относятся социально-экономические, политические, идеологические и иные условия жизни общества, к специальным — собственно юридические гарантии, и те и другие находятся в неразрывном единстве и взаимодействии /37, с. 8/.

«Законодатель путем установления в правовых нормах субъективного права (и юридической обязанности) непосредственно определяет основные направления и виды деятельности людей, объем социальных возможностей, гарантированных законом. Вместе с тем, установление нормативными актами государства или судебной практикой — рамок юридической свободы, не означает ограничения свободы личности..., а главным образом определяет границы юридической обеспеченности, защиты государством этой свободы» /35, с. 13—14/.

В качестве основных черт, характеризующих юридическую специфику субъективного права, выделяют такие, как:

- 1) закрепление прав в нормативных актах государства или судебной практике;
- 2) формальная определенность возможного поведения, выражающаяся в конкретных видах правомочий;
- 3) юридическая обеспеченность использования субъективного права возложением юридической обязанности на соответствующих лиц;

4) гарантированность мерами государственного принуждения в случае нарушения юридических прав или неисполнения юридических обязанностей /35, с. 14/.

Субъективное право собственности прямо предусматривает наличие трех наиболее известных правомочий собственника: владения, пользования и распоряжения имуществом. При этом, право собственности в законе определяется через эти правомочия: право собственности есть признаваемое и охраняемое законодательными актами право субъекта по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом (ч. 1 п. 1 ст. 188 ГК РК, ср. п. 1 ст. 222 ГК КР; ст. 209 ГК РФ). Однако, на наш взгляд, следует остерегаться такого подхода к праву собственности, согласно которому указанные правомочия определяют содержание права собственности /38, с. 359/, ведь сумма этих правомочий не способна дать полное представление о праве собственности и выразить его основные черты. Это, в частности, могло навести на мысли о возможности «считать право собственности особым вещным правом, которое в принципе может существовать при отсутствии всех трех правомочий» /38, с. 363—364/. Это значит не только то, что указание на эти три правомочия недостаточно, но может свидетельствовать о том, что в принципе, для того чтобы раскрыть содержание субъективного права собственности недостаточно только поставить вопрос и ответить на него: что может или что правомочен делать собственник, обладая правом собственности? Правомочия владения, пользования и распоряжения, а при более широком толковании правомочий собственника и другие правомочия, являются элементами только лишь юридической части в праве собственности, а сама собственность в принципе способна существовать и вне позитивного права. Правомочия собственника устанавливаются законодательством в целях поддержки и юридического обеспечения права собственности, это мы постараемся показать и в ходе дальнейшего рассмотрения каждого из трех указанных законом правомочия собственника.

Закон определяет **право владения** как юридически обеспеченную возможность осуществлять фактическое обладание имуществом (ч. 2 п. 2 ст. 188 ГК РК). «Право собственности. — пишут авторы учебника, — не связано жестко ни

с обладанием (держанием), ни даже с владением в данный момент. Кроме того, на сегодняшний день законодателю не удалось выявить правовые сущностные признаки права владения» /38, с. 360/. В такой ситуации признание трех правомочий собственника содержанием права собственности может направить нас по такому ложному следу: «на практике приходится исходить из «принципа исключения» — то, что не покрывается правами пользования и распоряжения, является правом владения» /38, с. 360/, «а если собственник покрасил велосипед или переставил его из одной комнаты в другую? По нашему мнению, данные действия относятся уже к осуществлению правомочия владения. То есть, действие, не являющееся распоряжением, использованием полезных естественных свойств вещи и не приносящее выгоды, может быть отнесено к сфере права владения» /38, с. 360/.

Очевидно, что такие действия собственника как покраска велосипеда или перестановка его из одной комнаты в другую — не являются осуществлением правомочия владения, скорее эти действия подпадают под правомочия собственника совершать в отношении вещи любые действия (п. 3 ст. 188 ГК РК; п. 3 ст. 222 ГК КР; п. 2 ст. 209 ГК РФ). И «принцип исключения» здесь для определения сущности права владения не может применяться, ведь право собственности не есть только лишь сумма трех правомочий. И в этом мы согласны со Скрыбиным С. В. «понимание в качестве владения — пишет он — всего того, что не вошло в содержание двух правомочий, представляется неправильным» /39, с. 105/.

Здесь следует задаться вопросом: что дает собственнику правомочие владения? Прежде всего, возможность владеть вещью, фактически обладать ею, держать ее. Владение вещью позволяет собственнику контролировать вещь, физически воздействовать на нее, пользоваться ею. Так, правомочие владения посредством обеспечения возможности собственника владеть вещью юридически закрепляет отношения собственности. Характерно для права собственности, что юридическое обеспечение владения сводится в основном лишь к возможности истребовать свою вещь из чужого незаконного владения (ст. 260 ГК РК; п. 1 ст. 289 ГК КР; ст. 301 ГК РФ). На наш взгляд именно с этой позиции сле-

дует раскрывать понятие права владения, которое устанавливается для юридического закрепления и защиты реальных отношений собственности, в принципе, способных существовать и вне права. Юридическая значимость права владения в практической деятельности сводится к праву истребовать вещь из чужого незаконного владения.

Относительно права пользования И. У. Жанайдаров отмечает: «Социальная ценность собственности заключается в возможности потреблять присвоенные объекты материального мира» /28, с. 6/. Нами пользование понимается как удовлетворение потребностей и желаний пользователя в том числе, включая и пользование посредством обмена вещи на другое имущество и извлечение выгоды. Пользование ложится и в основу ценности вещи и, значит, является предпосылкой присвоения. Безусловно, пользование, часто являющееся основным интересом собственника, должно подлежать соответствующей правовой защите как *законный интерес хозяина имущества*.

Однако, встает вопрос, можно ли говорить о наличии субъективного права пользования как исключительного права собственника? По всей видимости, нет, ведь пользование как таковое представлено процессом, где вещь воздействует на субъекта, удовлетворяя те или иные потребности. А правомочие это, в первую очередь, не запрещение и разрешение на определенное *действие* субъекта. Пользование не есть действие, хотя и может быть опосредованно им (не всегда), и значит нельзя говорить о *праве* пользования. С этих позиций мы позволим себе прокомментировать интересное на наш взгляд определение пользования данное С. В. Скрябиным. «Правомочие пользования есть юридически обеспеченная возможность собственника действовать в гражданском обороте от своего имени и в своем интересе в соответствии с законом или целевым назначением вещи» /39, с. 118/. Опустим вопрос об ограничении правомочия и отметим: правомочие пользования определяется как *возможность действовать* и тем самым *пользование представлено как действие*, что действительно более подходит для правомочия. В этом проявилась потребность видеть пользование как действие, уж коли мы говорим о *правомочии*. Кроме того, пользование отождествляется с действием, которое осуществляется от своего имени и в своем интересе.

Действительно пользование представляет собой осуществление своего интереса, ведь пользование — это процесс удовлетворения своих желаний и потребностей /40, с. 3—11/. И пользование не может осуществляться иначе как от своего имени, ведь действие от чужого имени — это представительство, а представительство всегда должно осуществляться в интересах представляемого. Потому, по-видимому, можно говорить о невозможности осуществлять пользование от имени другого лица, о невозможности применения здесь представительства (хотя сегодня юридическая действительность предусматривает это).

Далее, однако, перед нами встанет вопрос: может ли пользование рассматриваться в качестве действия, направленного на осуществление интереса? Мы знаем, что пользование может осуществляться и без каких-либо активных действий пользователя. В качестве примера можно привести выгодоприобретателя по договору доверительного управления или же пользователя ценной бумаги, получающего дивиденд (процент) по ней. Пользование это процесс удовлетворения своих желаний и потребностей, но этот процесс не всегда и не обязательно сопряжен с действием пользователя. Потому, следование такой логике, что если правомочие должно выражать возможность действия, то пользование это действие, дало бы нам только одно преимущество: нам можно было бы не оспаривать мнение привычное и разделяемое большинством. С другой стороны, мы можем конструировать и другую позицию: если пользование это не действие, то ему соответствует не правомочие, а *свобода осуществления законного интереса*. Эта позиция, на наш взгляд, более правильна.

Соответственно и обеспечение пользования должно осуществляться не по принципу исключительности правомочия пользования, где всем кроме собственника пользоваться его имуществом запрещено. Но должно осуществляться по принципу обеспечения законного интереса собственника использовать свое имущество, где действие права направлено на обеспечение возможности пользования собственником и, в частности, посредством обеспечения владения хозяином принадлежащим ему имуществом и запрещением действий, направленных на воспрепятствование пользования, а также возмещением убытков, упущенной выгоды.

Соответственно пользование, не являясь правомочием и субъективным правом, не может быть исключительным правом. Это фактически подтверждается и положением, что пользование имуществом, находящимся в собственности, «должно одновременно служить общественному благу» (п. 2 ст. 6 Конституции Республики Казахстан). Известно, что в пользовании работающим предприятием фактически участвуют и юридический собственник предприятия — юридическое лицо, и учредители (участники) юридического лица, получая дивиденды, и трудовой коллектив, получая оплату труда, и государство, облагая хозяйственную деятельность налогами.

Кстати, актуальная и для западной цивилистики проблема конкуренции прав трактуется в ракурсе пользования имуществом как конкуренция одного пользователя имущества и другого пользователя другого имущества /41, с. 218—219/. Решение этой проблемы, судя по высказываниям, видится в ограничении права: «Доктрину злоупотребления правом, таким образом, можно определить как установление запрета на такое осуществление права, которое направлено исключительно на причинение вреда кому-то другому. Эта доктрина не знакома общему праву, которое с успехом заменяет ее критерием разумности» /41, с. 211/.

На наш взгляд, необходимо исходить из различения субъективного права, где в это понятие включен такой элемент как *разрешение* конкретного управомоченного действия, а правомочие рассматривается как правомочие на *действие* субъекта, которое в принципе, можно, запрещать и разрешать. И, с другой стороны, различения свободы, где в обеспечение включены лишь элементы объективной возможности, способствующие осуществлению конкретного интереса (например, посредством наложения обязанностей на других лиц). В последнем случае такой элемент как разрешение отсутствует, так как здесь осуществление интереса само по себе не является действием, которое можно было бы запретить или разрешить. Пользование относится к осуществлению интереса, но не является действием /42/.

Именно к свободе пользования, но не к субъективному праву мы можем отнести следующее высказывание Н. Д. Егорова: «Для удовлетворения своих потребностей в материальных или духовных благах человек нуждается не в субъектив-

ном праве на них, а в самих этих материальных и духовных благах... Потребность же в праве возникает у человека потому, что потребление материальных и духовных благ происходит в обществе с ограниченным количеством указанных благ... Поэтому по своей общественной сущности субъективное право — это право на соответствующее поведение других людей, а не на поведение самого управомоченного. Собственное поведение управомоченного по использованию материальных или духовных благ обеспечивается наличием указанных объектов» /43, с. 6/.

С этих позиций и конкуренция между разными пользователями выступает не как конкуренция субъективных прав, а лишь в качестве конкуренции интересов пользователей. Если конкуренция прав предполагала бы спор, где есть разрешение на правомочные действия для обоих субъектов, при том, что эти одинаково разрешенные действия взаимоисключают друг друга, то при конкуренции интересов пользователей мы не предполагаем самого разрешения ни для одной, ни для другой стороны. Следовательно, обеспечение свободы осуществления интереса пользования для каждой из сторон, при конкуренции интересов, может осуществляться в соответствии с принципами разумности, справедливости или целесообразности.

Что касается ограничения свободы пользования подобного, предусмотренному в ст. 6 Конституции Республики Казахстан, где интересы пользователя пересекаются с общественными интересами и претензиями на то, что пользование имуществом должно одновременно служить общественному благу, то в этих случаях соответствующие ограничения не рассматриваются как ограничения субъективного права собственности. И наложение соответствующей обязанности на собственника в этом положении не имеет смысла, если пользованию не может соответствовать исключительное субъективное право.

Итак, в праве собственности мы не можем говорить о праве пользования как составляющем содержание субъективного права собственности. Здесь речь может идти о *законном интересе собственника* использовать свое имущество и о *свободе пользования* как о мере юридической обеспеченности соответствующего интереса.

Относительно такого правомочия собственника как пра-

во распоряжения имуществом следует отметить, что закон это правомочие определяет как юридически обеспеченную возможность определять юридическую судьбу имущества (ч. 4 п. 2 ст. 188 ГК РК). В п. 3 в той же статье Гражданского Кодекса Республики Казахстан (см. также: п. 3 ст. 222 ГК КР; п. 2 ст. 209 ГК РФ) указано и такое правомочие собственника: «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, в том числе отчуждать это имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, свои правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом».

Безусловно, распоряжение связано с воздействием на вещь. Причем в таком воздействии можем выделять и воздействие, изменяющее права и обязанности субъекта (например, съесть яблоко или сжечь дрова), и также воздействие, которое не изменяет субъективных прав и обязанностей. Таким образом, создается впечатление, что если определение в ч. 4 п. 2 ст. 188 ГК РК охватывает только первую часть из частей выделенных здесь в воздействии вообще, то правомочие собственника по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия (п. 3 ст. 188 ГК РК) может охватывать и вторую и первую части. Кроме того, можно выделять и такое распоряжение, когда юридическая судьба вещи изменяется волей собственника, хотя и без непосредственного физического воздействия на имущество (например, при продаже недвижимости). При таком распоряжении собственник передает свое *право на имущество* другому лицу. В принципе и такое действие можно отнести к воздействию на само имущество, ведь в результате действия фактически изменяется юридическое положение этого имущества, хотя физического воздействия на него не было. Но в любом случае, в целом, можно считать, что распоряжение следует рассматривать как воздействие на имущество.

Из трех правомочий собственника право пользования исключается, так как ему соответствует не субъективное право, а законный интерес и свобода пользования. Право владения представляет интерес в качестве элемента юриди-

ческой защиты отношений собственности, и практическая ценность его заключается только лишь в возможности собственника изъять свое имущество из чужого незаконного владения. Таким образом, нет практической необходимости в раздельном видении права владения и права истребовать вещь из чужого незаконного владения (хотя теоретически последнее правомочие должно наблюдаться как мера защиты правомочия владения — одного из большого множества возможных правомочий собственника). И значит, с точки зрения правового регулирования, возможно, не указывать отдельно право владения собственника. В этой ситуации ответом на вопрос: на какие действия в отношении своего имущества правомочен собственник, достаточно было бы сказать — правомочен распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Однако такой ответ достаточен только при соответствующем понимании права распоряжения.

На наш взгляд распоряжение имуществом не должно рассматриваться как выжимка из вообще воздействия на имущество. Не должны раздельно наблюдаться *конкретные виды* воздействия как определяющие юридическую судьбу вещи (подпадающие в таком видении под определение распоряжения) и не определяющие юридическую судьбу вещи (при таком подходе не подпадающие под определение распоряжения). Напротив, распоряжение должно быть видимым *в целом* как осуществление господства над имуществом. То есть в этом случае распоряжение включает в себя вообще осуществление собственником любых действий в отношении вещи, в том числе осуществление контроля над имуществом и управление им. И в этом смысле, распоряжение *в целом* есть определяющее юридическую судьбу вещи воздействие. Право распоряжения дает собственнику возможность в целом осуществлять господство над имуществом.

Следует отметить и возможность иного понимания распоряжения. Во-первых, когда под распоряжением понимаются отдельные виды воздействия, определяющие юридическую судьбу имущества, например, съесть яблоко, продать, завещать, заложить имущество и т.п. В смысле, определенном ч. 4 п. 2 ст. 188 ГК РК. В этом случае, за пределами понятия распоряжения остаются всякие другие отдельные виды воздействия на имущество, например, покрасить

велосипед. Так, к примеру, С. В. Скрябин относительно производства собственником *различного рода изменений имущества* пишет: «...право собственности при этом остается неизменным. Неизменной остается также юридическая судьба вещи — вещь принадлежит тому же лицу, что и ранее. Поэтому нельзя в подобной ситуации видеть осуществление собственником правомочия распоряжения» /39, с. 121/. Правомочие, соответствующее этим другим видам воздействия, безусловно, должно включаться в содержание права собственника и защищаться в соответствии со статьей 264 ГК РК — защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения (см.: ст. 304 ГК РФ). Значит правомочия собственника, при таком понимании распоряжения, кроме распоряжения должны включать отдельное правомочие осуществлять в отношении вещи любые действия. С. В. Скрябин пишет об этом в подразделе «Другие правомочия собственника»: «мы также полагаем нецелесообразным определение всех возможных правомочий собственника как носителя соответствующего вещного права. Предугадать все многообразие юридических отношений, все практическое многообразие невозможно. Более правильно в данном случае законодательно предусмотреть право собственника на совершение любых действий со своим имуществом, ... как это в принципе и определено в пункте 3 статьи 188 ГК РК» /39, с. 125/. Причем, правомочие осуществлять в отношении имущества любые действия поглощает в себе (включает в себя) правомочие «распоряжения». «...пункт 3 этой же статьи (п. 3 ст. 188 ГК РК в сравнении с ч. 4 п. 2 ст. 188 — *Н.С.*) расширяет возможности собственника по реализации его субъективного права... Нетрудно заметить, что законодатель в данном случае конкретизирует содержание правомочия собственника по распоряжению вещью, тем самым значительно расширяя объем последнего» /39, с. 103/. Однако, на наш взгляд, если одно правомочие определять юридическую судьбу имущества («распоряжение») уже поглощается правомочием осуществлять в отношении имущества любые действия, то в такой ситуации вообще нет необходимости указывать отдельно такое правомочие «распоряжения». В продолжение этих взглядов С. В. Скрябина мы заключаем: действительно собственность предполагает господство лица над вещью /39, с. 99/; и субъектив-

ное право собственности включает в себя правомочие совершать в отношении своего имущества любые действия; и это правомочие по содержанию уже вобрало в себя все возможные действия с вещью. С позиции юридической техники это правомочие вполне может быть названо правомочием распоряжения.

Во-вторых, возможность иного понимания распоряжения может проявиться, когда под распоряжением понимают осуществление действий с принадлежащим субъекту правом собственности, в качестве примеров можно привести те действия, которые конкретизированы в п. 3 ст. 188 ГК РК (п. 2 ст. 222 ГК КР; п. 2 ст. 209 ГК РФ). В этом случае за пределами понятия распоряжения остается воздействие непосредственно на объект (перекрасить велосипед, съесть яблоко). Так, к примеру, по этому признаку поразному может пониматься и объект права собственности (чем распоряжается собственник), М. Ю. Галятин отмечает: «... объектом отдельного права собственности (interest) является вещь (в США — *Н.С.*), объектом же права собственности, рассматриваемого с позиции континентального права, является само правомочие. Объектом права собственности является право, а не вещь» /26, с. 69/. Вообще, такое разделение воздействия непосредственно на имущество и осуществление действий с правом собственности имеет значение для теории, но с точки зрения правового регулирования, на наш взгляд, нет необходимости отдельно указывать два разных правомочия собственника.

Итак, право распоряжения, являясь юридически обеспеченной возможностью определять юридическую судьбу имущества, по сути, представляет собой право *осуществлять господство над вещью*.

§4. Гражданско-правовое отношение собственности

Собственность мы рассматривали как общественное отношение, рассматривая право собственности, мы затронули субъективное право собственности, также, наряду с этим принято выделять и объективное право собственности. Право вообще (объективное) чаще понимается как «институциональное образование» и проще как совокупность юридических

норм (нормативный подход). Видимо отсюда и возникает понимание объективного права собственности как совокупность норм, регулирующих соответствующие отношения. Говоря о гражданско-правовых нормах, регулирующих общественные отношения собственности, Е. А. Суханов отмечал: «Их совокупность и составляет гражданско-правовой институт (подотрасль) права собственности или право собственности в гражданско-правовом понимании» /14, с. 18—19/. И далее следовало: «В совокупности перечисленные нормы гражданского права составляют право собственности в объективном смысле — как особый гражданско-правовой институт, закрепляющий, регулирующий и охраняющий состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ определенным лицам» /14, с. 19/.

Вслед за этим возникает и видение права собственности как комплексный (межотраслевой) институт права, т.к. нормы, регулирующие данные конкретные общественные отношения (социальные связи) существуют не только в гражданском праве, но и в других отраслях права.

«Право собственности, прежде всего, представляет собой юридический институт — совокупность правовых норм, значительная часть которых, имея гражданско-правовую природу, входит в подотрасль гражданского права, именуемую вещным правом. Однако в институт права собственности включаются не только гражданско-правовые нормы... Иначе говоря, право собственности как юридический институт представляет собой не гражданско-правовой, а комплексный (многоотраслевой) институт права, в котором, однако, преобладающее место занимают гражданско-правовые нормы» /41, с. 310/.

Внутри института права собственности различают еще более узкие группы норм — компоненты права собственности. «В рамках института права собственности существуют относительно обособленные группы правовых норм, каждая из которых посвящена своему собственному кругу проблем. Такие группы представляют собой компоненты права собственности» /44, с. 77/. Выделяют и различные теоретические модели права собственности «теоретическая модель права собственности — это типовое соотношение между главными компонентами, образующими данный институт» /44, с. 78/. И поскольку «в социальном отношении на

первый план выдвигаются разные компоненты этого права и постольку на отдельных этапах истории в его состав входят неодинаковые компоненты» /44, с. 78/ существуют различные теоретические модели права собственности как юридического института.

Как правовой институт право собственности является межотраслевым институтом и, хотя в нем преобладающее место занимают гражданско-правовые нормы, институт права собственности сам по себе не выражает гражданско-правового характера собственности. Отношения собственности, являясь конкретными общественными отношениями, регулируются юридическими нормами различных отраслей права.

В действительности очень многие реальные конкретные общественные отношения (и кроме отношений собственности) регулируются нормами различных отраслей права одновременно. И даже если пойдем дальше, то увидим, что общественные отношения вообще регулируются не только юридическими нормами, но также, к примеру, и нормами морали. Как указывает В. Н. Протасов: «Право регулирует поведение людей через внедрение правовых отношений в определенную сферу человеческой деятельности, через ее «наполнение» правовыми связями и зависимостями, где правовая структура действует наряду с иной социальной структурой, имеющейся в данной сфере, совместно влияя на поведение людей» /17, с. 92/.

Говоря о конкретных реальных общественных связях с участием конкретных хозяев и наличием конкретных вещей (здесь имея в виду не общественные отношения как массовидную и повторяющуюся форму отношений, а конкретные индивидуально-определенные социальные связи) мы действительно замечаем, что они регулируются одновременно множеством норм самых разных отраслей права. И говоря о таких отношениях, мы в принципе не можем ожидать, что те или иные конкретные связи будут урегулированы только лишь нормами одной отрасли права.

Однако под общественными отношениями собственности мы понимаем не просто конкретные общественные связи, а совокупность повторяющихся общественных связей, обладающих определенной формой. Общественное отношение собственности — это отношение в тех его чертах, кото-

рые повторяются в разных конкретных общественных связях. В сравнении с конкретной реальной общественной связью, обладающей множеством самых разных своих граней и характеристик, общественное отношение собственности в таком понимании является более ограниченной по содержанию определяющими ее рамками.

Даже если понимать объективное право собственности как совокупность юридических норм, для определения понятия объективного права собственности нам необходимо четко представить себе, в первую очередь, общественные отношения собственности для того, чтобы выявить те юридические нормы, предметом регулирования которых являются эти общественные отношения. В этом смысле институт права собственности является отражением конкретных общественных отношений собственности. В то же время, только лишь видение объективного права собственности как совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения собственности недостаточно для понимания объективного права собственности. Ведь объективное право собственности в этом случае, когда оно представлено как юридический институт, отражает не общую форму отношений собственности, а явно более широкую группу отношений. В результате того, что институт права собственности является межотраслевым юридическим институтом и называется объективным правом собственности, такое объективное право собственности, являясь отражением общественных отношений собственности, не выражает, или, во всяком случае, недостаточно выражает гражданско-правового характера собственности, как общественного явления. Нам представляется, что для понимания права собственности необходимо акцентировать внимание на гражданско-правовом характере общественных отношений собственности. Соответственно, объективное право собственности должно видеться как явление, относящееся к сфере гражданско-правовой отрасли.

Предметом гражданско-правовой отрасли, в соответствии с законодательством, являются товарно-денежные и иные, основанные на равенстве участников, имущественные отношения, а также связанные с имущественными личными неимущественные отношения. Личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, регулируют-

ся гражданским законодательством, поскольку иное не предусмотрено законодательными актами, либо не вытекает из существа личного неимущественного отношения. Семейные, трудовые отношения и отношения по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, по своим внешним признакам относящиеся к предмету гражданского законодательства, регулируются им только в случаях, когда эти отношения не урегулированы соответственно семейным, трудовым законодательством, законодательством об использовании природных ресурсов и охране окружающей среды. При этом имущественные отношения, основанные на принципах власти и подчинения, не являются предметом гражданско-правовой отрасли (ст. 1 ГК РК, ст. 1 ГК КР, ст. 2 ГК РФ).

Известно, что предмет гражданского права «образуют главным образом имущественные отношения» /45, с. 3/. Как пишет С.С. Алексеев: «Самое главное при исследовании предмета той или иной отрасли права — это выявление его ядра, т.е. тех общественных отношений, глубинное социально-экономическое, политическое содержание которых и вызвало к жизни данную отрасль, предопределило своеобразие ее юридического режима» /46, с. 172/. Вообще, имущественные отношения тесно связаны с вещными отношениями, выражающими присвоенность, в первую очередь, материальных благ субъектам. Имущественные отношения возникают по поводу именно таких благ, которые в той или иной мере присвоены или могут быть присвоены теми или иными субъектами. Состояние присвоенности материальных и нематериальных благ, возможности распоряжения и пользования этими объектами, как раз и определяют объекты общественных отношений как имущество.

Более того, если общественные отношения собственности видеть как выражение наиболее развитых в ходе исторического становления отношений принадлежности, как продолжение отношений принадлежности вообще, и как отношения, входящие в современную систему вещных отношений, тогда можно говорить о том, что и отношение собственности являются необходимой основой или предпосылкой становления имущественных отношений вообще. Имущественно-стоимостные отношения, составляющие основу предмета гражданско-правовой отрасли, предполага-

ют «взаимную оценку их участниками количества и качества труда, воплощенного в том материальном благе, по поводу которого эти отношения возникают» /3, с. 12/. Действительно, блага, представляющие собой имущество, первоначально предполагают их экономическую ценность, психическое отношение к оцениваемой вещи, основанное на учете трудовых затрат. Такое имущественное отношение возникает в случае, когда имущество (вещь) может сохраняться субъектом, то есть расценивается как реально или потенциально принадлежащее ему. Такая оценка имущества является необходимой основой и для всех товарно-денежных отношений. В этом смысле, верно, что «собственность и товарно-денежные отношения — два неразрывно связанных элемента экономических отношений, которые в единстве воплощают связи, соответственно, субъекта и объекта (лица и вещи) и субъекта с субъектом» /47, с. 5/.

Итак, общественные отношения собственности, являясь по своей природе имущественными отношениями, основанными на принципах равенства сторон, носят гражданско-правовой характер. И при наличии различных точек зрения об отраслевой принадлежности права собственности рядом авторов отстаивается его гражданско-правовая природа /29, с. 4/.

Вероятно, такая определенность гражданско-правового характера отношений собственности совсем не случайна. Отрасль гражданского права с характерными для нее методами регулирования, как раз формировалась, прежде всего, как отрасль, регулирующая отношения собственности, отношения, схожие с отношениями собственности (всякие отношения принадлежности), и отношения, связанные и основанные на таких отношениях (прочие имущественные отношения). Именно относительно таких имущественных отношений формировался метод гражданско-правового регулирования, определяющий гражданское право как отрасль. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений определяется как «правовой метод, который характеризуется юридическим равенством субъектов права, их диспозитивностью и инициативой формирований и реализаций гражданских правоотношений, возложением мер имущественной ответственности и защиты (в случае нарушения гражданских прав),

которые выполняют, в основном, восстановительную функцию» /48, с. 18/.

Именно особенностям отношений собственности соответствуют такие признаки гражданско-правового метода как равенство сторон, диспозитивность и инициатива в формировании правоотношений. Ведь общественное отношение собственности, как помним, это сначала естественное отношение присвоенности материальных благ хозяину, где инициатива присвоения принадлежит самому хозяину как самостоятельному субъекту среди таких же равных ему субъектов. Лишь после этого общество поддерживает установившиеся отношения в интересах хозяина. Вытекающему из этого имущественному характеру отношений и отношений защиты обществом интересов собственника соответствуют такие характеристики гражданско-правового метода в указанном его определении как меры в основном имущественной ответственности и защиты, и их выполнение в основном восстановительной функции.

Такой гражданско-правовой метод впоследствии распространился и на неимущественные отношения, относящиеся к предмету гражданско-правового регулирования. В этом смысле верна точка зрения, согласно которой в сферу действия гражданско-правовой отрасли втягиваются нетипичные для нее неимущественные отношения, для которых оказалось возможным использовать уже сложившийся гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений /45, с. 15/. «Так, например, случилось с гражданским правом, которое использовано для опосредования и защиты личных неимущественных отношений» /46, с. 172/.

При этом, как указывается, некоторые авторы общность признаков имущественных отношений и личных неимущественных отношений видят как раз в том, что последние, так же как и имущественные отношения гражданского права, выражают принадлежность определенных благ определенным лицам и характеризуются обособленностью лиц в этих отношениях, их автономностью и равенством. Именно на основании общности указанных признаков неимущественные отношения включаются в предмет гражданского права /49, с. 15/.

Н. Д. Егоров по этому поводу замечает: «Принадлежность тех или иных благ конкретным лицам выражают все

общественные отношения, поскольку любое общественное отношение возникает по поводу какого-либо материального или нематериального блага, способного удовлетворять потребности человека» /47, с. 15—16/. Действительно, если говорить о принадлежности вообще в самом широком ее понимании, то такая принадлежность всяких мыслимых материальных и нематериальных благ может наблюдаться, если не во всех, то в большинстве конкретных общественных отношений. Если же говорить о принадлежности подобной принадлежности материальных благ в имущественных отношениях, то следует признать, что нематериальное благо в неимущественных отношениях, принадлежащее субъекту, принадлежит ему совсем не таким же образом, каким вообще могут принадлежать блага материальные и другое имущество. В этом же смысле можно заметить, что если, как указывает Н. Д. Егоров, как и в имущественных, «в личных неимущественных отношениях также осуществляется взаимная оценка их участниками индивидуальных качеств личности» /47, с. 12/, то сходство здесь заканчивается лишь на том, что и в тех и в других отношениях предполагается какая-то оценка, т.е. какое-то психическое отношение. Однако сам характер такого отношения и оценивания в имущественных и неимущественных отношениях принципиально отличается. В имущественных отношениях проявляется экономическая ценность благ.

Понятно, во всех случаях неимущественных отношений, относящихся к предмету гражданского права, мы можем наблюдать субъективные права, охраняемые отраслью. Если же привычно выявлять объект права — нематериальное духовное благо, то увидим разнородность этих различимых благ в разных неимущественных отношениях.

О. А. Красавчиков среди неимущественных отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования выделяет личные неимущественные, неимущественные отношения, складывающиеся по поводу объектов творческой деятельности и организационные отношения /48/. Объектами, так называемых, *личных* неимущественных отношений, как правило, являются блага, выражающие характеристику субъекта, его качества, отраженные в сознании окружающих (честь и достоинство, имя и пр.), в которых осуществляется индивидуализация личности посредством

выявления и оценки ее морально-политических и других социальных качеств /47, с. 7/. «Одна из специфических черт данного вида личных неимущественных отношений — неотчуждаемость (непередаваемость) указанных духовных благ, их неразрывная связь с личностью как таковой» /48, с. 13/.

В отличие от таких личных неимущественных, неимущественные отношения, складывающиеся по поводу объектов творческой деятельности, «характеризуются тем, что соответствующие духовные (нематериальные) блага, по поводу которых складываются эти социальные связи, имеют свое самостоятельное социальное бытие, не зависящее от личности как таковой» /48, с. 13/. Таким образом, здесь уже охраняемым благом видится не характеристика субъекта (к примеру, абстрактно здесь была бы возможна его характеристика как автора литературного произведения), но охраняемым благом считается сам результат творческой деятельности (само литературное произведение). В этом смысле, охраняемое материальное благо называется объектом так называемой «интеллектуальной собственности».

Как указывается, организационные отношения «в отличие от рассмотренных выше не обладают уже такой прямой или косвенной связью с личностью участника соответствующего общественного отношения» /48, с. 14/. Если привычно выделять в организационных отношениях охраняемое нематериальное благо, то им, по всей видимости, будет некий порядок организации отношений, позволяющий обеспечить законные интересы тех или иных субъектов.

Итак, не всегда в неимущественных отношениях мы можем видеть принадлежность личности нематериальных благ (не наблюдается, например, в организационных отношениях). Да и в тех случаях, когда такая принадлежность охраняемых духовных благ конкретному субъекту различима, определение этих благ, их выявление осуществляется по разным основаниям. В результате, если в одних случаях охраняемое благо — есть выражаемая людьми характеристика личности, то в других — результат творческой деятельности. Это не может не наводить на предположение, что выделение охраняемого обществом нематериального блага как принадлежащего субъекту, осуществляется лишь по подобию с имущественными отношениями, где в

действительности принадлежащее субъекту материальное благо существует реально. Так, в неимущественных отношениях, в отличие от имущественных, нельзя всегда наблюдать отношения между субъектом и принадлежащим ему благом. Принадлежность наблюдается только в силу общественного характера отношений. Напротив, в случаях принадлежности материальных благ в имущественных отношениях, мы можем наблюдать не только принадлежность субъективного права, но и фактическую, естественную принадлежность материального объекта, позволяющую воздействовать на этот объект. (Такая принадлежность может наблюдаться и при отсутствии правового регулирования — в животном мире).

В случае неимущественных отношений охраняемое нематериальное благо выступает скорее не как объект принадлежности, а как признанная обществом ценность. К примеру, такая же ценность, какой является жизнь человека, которая охраняется уголовным правом (в данном случае уголовным) не в поддержку интересов хозяина (человека), а как ценность для общества. По тому же принципу охраняется, например, и свобода личности, когда обвинение и последствия уголовно-правовой ответственности наступают здесь независимо от подачи жалобы потерпевшим (публичный порядок уголовного преследования статья 32 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан).

В то же время как принадлежащее тому или иному субъекту в неимущественных гражданских общественных отношениях мы можем характеризовать всякое соответствующее охраняемому нематериальному благу и ценности — субъективное право. *Регулирование этих неимущественных отношений подобно отношениям имущественным (выражающим принадлежность), делает неимущественные отношения в определенной части подобными имущественным отношениям.* Принадлежность духовного блага выявляется по подобию с имущественными отношениями в результате применения гражданско-правового метода. (Это, кстати, не говорит о нецелесообразности применения к неимущественным отношениям гражданско-правового метода). И теперь то, что неимущественные отношения выражают принадлежность благ, не является причиной их от-

несения к предмету гражданско-правового регулирования (скорее это является следствием).

Итак, если отношения собственности относятся к предмету гражданского права и даже более того, метод гражданско-правовой отрасли формировался специально для регулирования отношений собственности, схожих с ними отношений и отношений, связанных с отношениями присвоения, то необходимо подчеркивать исключительно гражданско-правовой характер общественных отношений собственности и объективного права собственности. Объективное право собственности является отражением общественных отношений собственности. При этом право, отражая общественные отношения собственности, имеет специальные цели и методы такого отражения, а потому право собственности не только является самостоятельным явлением, но и в чем-то отличается от общественного отношения собственности.

Право, безусловно, тесно связано с категорией правосознания, если говорить о совокупности юридических норм, то эти юридические нормы есть результат правосознания, объективированное в материи правосознание. «Отражение правосознанием экономических отношений обладает своей спецификой. Этому процессу отражения свойственны противоречия, объясняющие, почему правовые представления, отражая общественное бытие, не могут с ним совпадать, как не может совпадать образ предмета с самим предметом» /50, с. 17/. Объективное право собственности как юридический институт (межотраслевой) не выражает гражданско-правового характера права собственности. В действительности же право собственности есть нечто целое, не сводимое к совокупности юридических норм. Далее следует уточнить, что мы понимаем под таким отражением общественных отношений собственности — под объективным правом собственности.

Право осуществляет свое действие, воздействуя на людей. Люди обладают сознанием и способны воспринимать действие права. Когда люди воспринимают действие права, у них формируется правосознание. И после этого люди осуществляют свою деятельность исходя уже из того, что они восприняли. Правосознание реализуется в поведении людей, а значит и в реальных общественных отношениях. Так, право регулирует поведение людей, общественные отношения.

Вообще, право оказывает свое воздействие на сознание индивидов не только посредством установления правил поведения, посредством установления субъективных прав и обязанностей, но и в различных формах и различными способами /51, с. 81/. Как указывает С. С. Алексеев, понятие правового воздействия — «широкое понятие, которое характеризует право в действии, все направления и формы влияния права на общественную жизнь, в том числе и на функционирование права в качестве духовного фактора» /52, с. 145/. Право, оказывая духовное (идеологическое) воздействие, действует по двум основным каналам — информационному и ценностно-ориентационному /53, с. 291/. Кроме того, право вообще участвует в формировании мировоззрения /18, с. 186/. «В принципе юридическое воздействие с рассматриваемой стороны, основанной на особенностях права как формы общественного сознания, не отличается от влияния на общественную жизнь других духовных, идеологических форм и средств (средств агитации, пропаганды, массовой политической информации, нравственного воспитания и т.д.)» /52, с. 145/. Во всех случаях, действие осуществляется через сознание людей. Право при всяком своем действии формирует правосознание и действует через правосознание /50, с. 58/.

Влияние права как духовного (идеологического) фактора, при всей своей значимости, не является для права специфическим по своей основе /52, с. 145/. Здесь для нас важно, и это следует выделить отдельно, что право осуществляет свое действие и непосредственно через установление определенных моделей поведения, установление субъективных прав и обязанностей при помощи правовых средств (которыми, в частности, являются юридические нормы). Речь идет о правовом регулировании, которое определяется как «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» /52, с. 145/. Отличительная черта правового регулирования состоит в том, что оно имеет свой, специфический механизм. В механизме правового регулирования, согласно его стадиям, выделяют три

основных звена: юридические нормы — основа правового регулирования; правовые отношения, субъективные права и юридические обязанности, переводящие правовую энергию юридических норм на уровень конкретных субъектов — носителей прав и обязанностей; акты реализации прав и обязанностей /52, с. 150/.

Право, регулируя общественные отношения посредством механизма правового регулирования, устанавливает определенные модели поведения. Да и сами юридические нормы уже представляют собой некие модели. Ю. В. Кудрявцев в нормах права (среди юридических норм) наблюдает две стороны-модели: «С одной стороны, это веления государства, модели требуемого (допускаемого, поощряемого или запрещенного) государством поведения людей характеризуются долженствованием, с другой — модели, носящие как бы описательный характер: они выражают связь между обстоятельствами, поведением и действиями государства» /54, с. 71/. Как пишет Ю. Г. Ткаченко: «правовая норма — это модель, содержащая правило поведения, формируемая в правосознании господствующего класса и получающая с помощью государства общеобязательный характер. Особенность этой модели в том, что она раскрывается через права (возможное поведение) и обязанности (должное поведение)» /7, с. 106/. Естественно, юридическая норма как модель представляет собой нечто идеальное, относящееся к сознанию (гносеологическому образу). Однако норма объективирована в законодательстве конкретным способом. Толкование юридических норм, как известно, в первую очередь, осуществляется в соответствии с буквальным значением их словесного содержания (ст. 6 ГК РК), то есть способ объективирования в законодательстве идеальной модели имеет существенное значение. Поэтому, говорим, что норма — это только такая модель поведения, которая объективирована конкретным способом (вербально в законодательстве).

Объективное право собственности как отражение общественных отношений собственности (независимо от того, понимать ли его как совокупность юридических норм или нет) — есть отражение в сознании, идеальная модель общественного отношения собственности. Однако такая модель, несомненно, отличается от отдельной нормы, тоже являющейся моделью. Во-первых, объективное право собственно-

сти возникает под действием многих норм. И оно, в качестве отражения общественного отношения собственности, имеет с последним общие черты. Объективное право собственности также как и общественное отношение имеет хозяина-субъекта и вещь-объект включает в себя и отношения между вещью и хозяином и отношения между хозяином и прочими лицами, государством. Объективное право собственности полнее отражает общественное отношение собственности, чем любая из отдельных юридических норм. И главное, норма является моделью, объективированной в нормативном акте с помощью языка определенным образом (имеет конкретную формулировку). А объективное право собственности — это модель, которая, в принципе, не обязательно должна быть объективирована в законодательстве, не обязательно формулируется в языке именно заданным образом. И может быть объективирована не только вербально (но, например, с помощью схем, в реальном поведении, при инсценировании отношения и т.п.), а может и не быть объективированной вообще. Во всех этих случаях мы все равно будем говорить об объективном праве собственности. Эти последние характеристики юридической нормы и объективного права собственности, как моделей, явившиеся отличием характеризующих явлений, вследствие вызывают также и то, что мы уже не можем быть удовлетворены видением объективного права собственности, как совокупности юридических норм, регулирующих общественные отношения собственности, объективное право собственности является цельным самостоятельным явлением.

Итак, объективное право собственности есть отражение общественного отношения собственности, оно является моделью отношения собственности и относится к сфере правосознания, на основании которого и осуществляются правомерные действия в области отношений собственности. Объективное право собственности все же, конечно, связано с юридическими нормами, регулируемыми общественные отношения собственности. В процессе реализации юридических норм обычно выявляют и понятие правоотношения. Нам представляется, что *объективное право собственности как раз и является правоотношением собственности*. В юридической науке изложено несколько пониманий правоотношения, но чаще всего эти понимания тем или иным образом

связаны с идеальным (с сознанием). В одних случаях правоотношение является идеальным (идеологическим) отношением, в других, имеет соответствующую идеальную форму. Далее, прежде чем приступить к рассмотрению непосредственно правоотношения собственности, нам необходимо подробнее остановиться на проблеме понятия правоотношения.

Верно, когда понятие правоотношения раскрывают сначала через понятие «общественное отношение» /17, с. 7—8; 7/. Общественные отношения понимаются не просто как отношение в обществе. Как отмечает В. Н. Протасов, отношение можно понимать, как взаимоотношение обособленных предметов, явлений /17, с. 8/. А общественные отношения как вид отношений отличает главным образом то, что они а) есть отношения между людьми и б) тесно связаны с их деятельностью /17, с. 10/. Ю. Г. Ткаченко, ссылаясь на работы А. В. Дроздова, указывает на наличие у общественных отношений специфики, обусловленной тем, что они принадлежат к иному классу явлений, чем отношения в живой и неживой природе /7, с. 77/. «Общественные отношения — это возникающая в результате и в ходе общественно значимой предметной деятельности (определяемой, в конечном счете, материальными условиями жизни) массовидная структурная совокупность постоянно повторяющихся конкретно-исторических социальных связей, зависимостей и разграничений между субъектами» /7, с. 84/. По-видимому, здесь предметом своих исследований социальные науки видят не вообще отношения в обществе, а несколько суженное понимание общественного отношения.

Для понимания общественного отношения собственности важно видеть, что чаще всего под общественными отношениями понимают повторяющиеся связи, которые определяются некоторыми общими для всех этих конкретных связей чертами, позволяющими выделить эти связи в отдельный вид общественных отношений. Все эти отдельные и конкретные общественные связи сходны друг с другом, они обладают одной (одинаковой) формой — формой данного общественного отношения. Определение этой общей для всех связей формы общественного отношения позволяет моделировать в нашем сознании идеальное общественное отношение. В результате повторяемости этих отдельных связей, их совокупность обладает массовидным характером.

В тоже время, мы не можем исключать возможность и нужность рассматривать сами отдельные связи, единичные отношения в обществе, в данном случае не обладающие массовидным характером. А потому следует признать, что определение общественного отношения, такое как указанное выше обладает научной ценностью и очень *пригодно для нашего исследования*, однако чрезмерно сужает понятие общественного отношения, которым оперирует множество различных социальных наук. В частности и в юридических науках необходимо видеть в качестве общественного отношения не только массовидную совокупность повторяющихся связей, но и саму конкретную единичную связь — отношение между конкретными субъектами.

В теории права подверглось критике известное понимание правоотношения как общественного отношения урегулированного нормами права. В результате, на основе этого исходного взгляда выделилось два (наиболее признанных и разработанных) направления в понимании правоотношения /7, с. 96—97; 55, с. 99—101/. Оба этих направления служили общим шагом в разработке общей теории правоотношений. В результате углубления научного знания и внимания, они исходили из одной точки и в своей борьбе двигались в общей сложности в одном векторе. Отсюда и очевидная близость этих двух спорящих позиций. Так В. Н. Протасов, в качестве трех подходов к проблеме правоотношения в правовой теории, выделяет «первую» исходную позицию, где правоотношение — есть урегулированное правом общественное отношение /17, с. 26/. «Вторую» позицию, где правоотношение «предполагается формой регулируемого нормами права общественного отношения» /17, с. 30/ (здесь речь идет о понимании правоотношения как общественного отношения, обладающего правовой формой и высказывании «Правоотношение есть вид или форма самого реального отношения, и отдельно от него, вне этого отношения, такая форма вообще существовать не может» /56, с. 183/). «Третья» позиция представлена Ю.К. Толстым, где правоотношение является идеологическим отношением, оно «выступает посредствующим звеном между нормой права и теми общественными отношениями, на которые норма права воздействует» /57, с. 30/. При этом, о двух последних позициях В. Н. Протасов замечает, что «третья позиция мало чем отличается от

предыдущей» /17, с. 31/. Обходя вниманием вопрос о том, можно ли считать правоотношение самостоятельным идеологическим отношением (нематериальным) или же его следует рассматривать как общественное отношение (материальное по содержанию), В. Н. Протасов действительно большее внимание уделяет именно форме такого отношения, его структуре. В этом выступает вперед общий для обоих взглядов и новый в теории права акцент, и задвигается на задний план предмет споров исследователей.

Сегодня можно видеть важное для обоих направлений (позиций) общее развитие в теории правоотношений, которое и определяет правовой характер исследуемых отношений. Понимание правоотношения, где оно является общественным отношением, урегулированным нормами права, потребовало выявить признаки, отличающие правоотношение от других общественных отношений. Как результат правового регулирования общественное отношение становится соответствующим требованиям законодательства и, тем самым, реальным общественным отношениям придает определенную форму. «Правовое регулирование экономического отношения... придает ему новый вид или новую форму — форму правоотношения» /56, с. 183/. Тогда говорят о том, что правоотношение являясь общественным отношением имеет форму, характерную именно для правоотношения /58, с. 279—281/. Словами Ю. Г. Ткаченко: «В самих общественных отношениях правовой характер проявляется в том, что «застывающие» в них действия обретают с помощью права четкость, формализованность, организованность в интересах господствующего класса» /7, с. 101/. Внешне по форме конкретное реальное общественное отношение похоже на такие же конкретные общественные отношения, урегулированные этими же юридическими нормами. Правовая форма таких конкретных отношений является общей и единой для всех таких конкретных общественных отношений. Эта единая и общая для всех этих отношений правовая форма — есть абстракция, идеальный образ, так как вычленение неких общих, определяющих вид признаков, возможно лишь в сознании. При этом, становится возможным на основе выделения общих, определяющих вид правоотношения признаков, выстраивать идеальные образы общественных отношений, обладающих той

же правовой формой. Отсюда, у разных исследователей правоотношения рассматриваются не только как реальные общественные отношения, обладающие правовой формой (по инерции вслед за взглядом как на общественное отношение урегулированное юридической нормой), но также и как идеальные (идеологические) отношения.

Те взгляды, которые разделяют точку зрения, где правоотношение есть реальное общественное отношение, апеллируют к необходимости рассматривать в целостности реальное общественное отношение, содержащее в себе конкретное поведение субъектов и правовую форму этого отношения (являющуюся при этом, идеальной), которую оно принимает в результате действия норм права /58, с. 281; 55, с. 90—91; 56, с. 183/. В противоположность этому ставится иная точка зрения, которая правоотношение видит как идеальную модель (образ) общественного отношения, идеальное (идеологическое) отношение. При этом, модель видится как включающее в себя общие признаки реальных общественных отношений, новое идеальное отношение — правоотношение. «Правоотношения являются общественными отношениями, они представляют собой определенную связь людей в обществе, определенный вид общественных отношений, именно в идеологических, надстроечных в отличие от материальных, производственных отношений, составляющих базис общественной жизни» /51, с. 82/. Ю. К. Толстой так пишет об этом: «Правильнее определять правоотношения как особые идеологические отношения» /57, с. 20/.

Р. О. Халфина отмечает, что высказывания О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского: «Правоотношения и есть не что иное, как та форма или тот вид, который приобретает общественное отношение, будучи урегулированным нормами права» /56, с. 183/ являются отступлением от занимаемой ими и разделяемой ею позиции в научном споре. Она критикует понимание правоотношения как идеологического отношения: «Ю. К. Толстой исходит из того, что правоотношение может быть отделено от реального общественного отношения, формой которого оно является, что правоотношение — всегда идеологическое отношение. Между тем, как показано выше, реальное общественное отношение, если этот вид отношений урегулирован правом, может выступать только как правоотношение и абстрагирование право-

вой формы не может дать полной информации о регулировании общественного отношения» /55, с. 101/.

Действительно, понимание правоотношения как идеального отношения у Ю. К. Толстого (и у других правоведов, разделяющих эту точку зрения) часто фактически связывается с реальными общественными отношениями, как будто правоотношение все еще должно иметь «материальное содержание». Об этом свидетельствуют такие высказывания: «Всякое правоотношение может возникнуть лишь при наличии определенных предпосылок. К ним относятся: 1) норма права... 2) правоспособность... 3) юридический факт...» /57, с. 3/ «в тех случаях, когда норма права предусматривает возникновение правоотношения из неправомерного действия, задача правопорядка состоит именно в том, чтобы правоотношение не возникло» /57, с. 5/. Это свидетельствует о том, что под правоотношением Ю. К. Толстой понимает отношение, которое в определенных случаях может и не возникнуть (как будто реальное), а юридический факт и правоспособность у него находятся за пределами понятия правоотношения и одновременно являются предпосылками. Наделенность субъекта идеологического правоотношения правоспособностью не включается как составная самого правоотношения, а также и зависимость наступления прав и обязанностей от юридических фактов не входит в идеологическое отношение. Так у Ю. К. Толстого понятие правоотношения оказалось все еще суженным до прав и обязанностей субъектов. Что на наш взгляд показывает — такая позиция является следующим шагом вперед (за пониманием правоотношения как реального общественного отношения), но все еще требующим дальнейшего продвижения в намеченном направлении. В то же время, четко заметно, что правоотношение как таковое отличают те его признаки, которые лежат в сфере идеального, отсюда вполне понятен вывод, что правоотношение само относится к идеальному образу.

Мы не можем согласиться с тем, что правоотношение как идеальное отношение (строго говоря) и есть форма реального общественного отношения (материального), «абстрагирование» которой Р. О. Халфина наблюдает. Дело в том, что при рассмотрении правоотношения как идеального отношения, речь должна идти уже не о форме, а о самостоя-

тельном общественном отношении, являющемся идеальным отражением реальных общественных отношений. Такое идеальное отношение обладает теми характеристиками реальных общественных отношений, которые являются необходимыми для нас. Такое идеальное правоотношение уже содержит в себе идеальное поведение (т.е. отражение того, что называлось «содержанием» по отношению к «форме» — правоотношению).

Можно добавить, что правоотношение, как правило, предполагает лишь некие общие характеристики. Реальное поведение людей в тех или иных конкретных общественных отношениях может быть совершенно различным, однако, для исследователя интересны лишь некоторые черты поведения, которые являются юридически значимыми. Поэтому появилась необходимость говорить о правоотношении именно как об идеальном (идеологическом) общественном отношении. Также, если под правоотношениями понимать только реальные общественные отношения, то мы не сможем говорить о правоотношении в условиях, когда, например, юридическая норма уже существует, но ее реализация возможна только потенциально, с наступлением каких-либо событий (юридических фактов), наступлением сроков для вступления в силу нормативного акта и прочее. В этих же условиях существование и исследование правоотношений как идеальных правовых общественных отношений возможно, как возможно так называемое опережающее отражение действительности в сознании. Потому мы разделяем точку зрения, согласно которой правоотношения — идеальные.

Итак, углубление научного знания привело к тому, что правоотношение стало пониматься как идеальное общественное отношение, являющееся моделью, либо в другом случае, в правоотношении стало уделяться пристальное внимание к правовой форме общественного отношения, также относящейся к сфере идеального, которая и определяет общественное отношение как правоотношение. Характерно, что многие ученые, под правоотношением понимающие реальные общественные отношения, формализованные правом, признают, что «правовая форма конкретного отношения может быть предметом исследования» /55, с. 90/. А также и те, которые видят правоотношение как идеальное

общественное отношение считают: «Можно рассматривать производственное (материальное) отношение и волевые формы его выражения как некое единство. Однако такое единство различного рода отношений не будет только материальным (производственным отношением или его «звенном»), не будет только идеологическим отношением, а образует сложное явление, обнимающее и то, и другое общественное отношение» /59, с. 30/. Близость двух спорящих позиций очевидна, ведь предыдущим этапом в разработке понятия правоотношения для их обоих было понимание правоотношения как общественного отношения урегулированного нормой права. Представляется при этом, что борьба двух взглядов должна была привести к дальнейшему продвижению в разработке понятия правоотношения.

Правоотношение мы понимаем как идеальное правовое общественное отношение, являющееся отражением в сознании реальных общественных отношений. Правоотношение является общественным отношением, но идеальным, то есть построенным в сознании (представляемым или воспринимаемым нами). В правоотношении сторона является правосубъектным лицом. Это свойство субъекта уже включено внутрь содержания правоотношения. Также и юридический факт может быть уже включен в правоотношение. Действительно, в качестве общественного отношения мы можем видеть в целостности явление, где лица, обладающие качествами правосубъектности, в условиях наступления тех или иных юридических фактов, наделяются правами и (или) обязанностями. Правоотношение же может быть отражением этой целостности. Потому мы не можем говорить, что у такого правоотношения всегда есть «предпосылки», такие как правоспособность и юридический факт.

Как уже указывалось выше, правоотношение, как модель, отличается от правовой нормы, которая тоже является моделью, во-первых, тем, что идеальная модель-норма объективирована вербально, в том или ином законодательном акте, конкретно определенным образом, а идеальная модель — правоотношение, в отличие от нормы, может быть объективирована любым иным образом или же вообще может быть и не объективированной. Правоотношение может формироваться под действием сразу нескольких юридических норм. Правоотношение представляется как образ пра-

вомерного общественного отношения. «Правоотношение — это способ реализации правовых норм, метод правового регулирования, а вместе с тем и результат действия правовых норм, поскольку общественные отношения становятся правоотношениями именно вследствие того, что они предусматриваются, регулируются нормами права» /55, с. 83/.

Правоотношение, как идеальный образ, формирующийся в сознании людей, является общим для всех. У разных людей под воздействием тех же юридических норм формируется идентичное правоотношение, при этом правоотношение формируется на основе вообще правовых знаний, относящихся к общественному сознанию. Мы не можем называть правоотношением ошибочное представление того или иного конкретного человека о правомерном поведении (правовом общественном отношении). Значит, правоотношение относится к образу общественного сознания, и потому, следующая особенность идеологических отношений относится и к правоотношениям: «будучи продуктом общественной жизни, и, проходя, прежде чем сложиться, через сознание отдельных людей, они, тем не менее, объективны, представляя собой совокупность идей и взглядов людей, отражающих общественное бытие с позиций социальных групп, слоев или прослоек» /60, с. 36/. В этом смысле правоотношение — это образ общественного сознания принадлежащего массам.

С другой стороны, так же как общественное отношение, например, отношение собственности может быть повторяющейся связью, «массовидной совокупностью связей» встречающихся во многих индивидуально определенных связях-отношениях с определенными индивидуально хозяевами и индивидуально определенными вещами, а наряду с этим и сами отдельные индивидуально определенные связи мы можем называть общественными отношениями, даже если они для нас являются не повторяющимися, а какими-то особенными. Так же и правоотношениями мы можем называть не только общие модели, как правоотношение собственности вообще, но и конкретные индивидуально определенные правовые связи. «Для применения правовых норм важно не только констатировать юридический характер данного общественного явления, но и определить, кто

является конкретным участником данного отношения, каков объект данного субъективного права, определить место и время возникновения и исполнения прав и обязанностей для данных конкретных лиц. В силу этого в советском гражданско-правовом законодательстве сложилось понимание категории конкретного правоотношения, как индивидуально определенной связи управомоченного лица с обязанным лицом (или лицами), выражающейся в конкретных корреспондирующих друг другу правах и обязанностях» /58, с. 277—278/. Однако, конкретное правоотношение будет, тем не менее, идеальным общественным отношением, являющимся отражением (возможно и опережающим отражением) реального общественного отношения. Под правоотношением в данной работе мы понимаем идеальное правовое общественное отношение, в то же время, в юридической литературе могут встречаться и взгляды на правоотношение, как на реальное общественное отношение, принявшее форму правоотношения. Эти последние взгляды также имеют право на существование, тем более, если они могут быть полезны в использовании.

Итак, объективное право собственности, как указывалось выше, не есть совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения собственности (не есть институт права собственности). Действительно, объективное право собственности является отражением общественного отношения собственности в праве, да и норма права, так же как и объективное право собственности, является некой моделью, однако модель объективного права собственности не может быть сведена к сумме моделей-норм, регулирующих отношение собственности. Объективное право собственности является целостным явлением. Притом, что объективное право собственности является идеальным отражением в праве общественного отношения собственности, оно одновременно со сходством отличается от общественного отношения. И это понятно, право призвано еще и регулировать общественные отношения, воздействовать на них, а значит и в чем-то изменять их. Объективное право собственности, как отраженное общественное отношение, является правовым общественным отношением, оно соответствует правовым предписаниям, требованиям. Объектив-

ное право собственности — это правоотношение собственности.

Итак, собственность носит гражданско-правовой характер, а понимая право собственности как правоотношение, мы видим его гражданско-правовым отношением. Гражданские правоотношения обладают своими, только им присущими признаками. Считается, что главные из них — это «равное правовое положение и равные правовые возможности, которыми они (участники — *Н.С.*) обладают в данных отношениях. Специфическими признаками являются относительная автономия участников гражданского правоотношения, проявляемая ими инициатива при осуществлении своих прав, осуществление прав по своему усмотрению, ответственность за невыполнение обязанностей друг перед другом, особый характер этой ответственности (восстановление нарушенного положения), особый исковый порядок защиты прав и т.д.» /49, с. 89/. Не случайно, здесь явно прослеживается связь характерных признаков гражданско-правовых отношений с методом гражданско-правовой отрасли. Поскольку гражданско-правовые отношения формируются методом гражданско-правового регулирования, постольку они и отличаются от других правоотношений признаками, вытекающими из применения гражданско-правового метода.

В свою очередь, гражданские правоотношения по общепринятому мнению делят на определенные виды: а) имущественные и неимущественные; б) абсолютные и относительные; в) вещные и обязательственные /49, с. 91—93/. Правоотношение собственности относится к имущественным, абсолютным, вещным правоотношениям. Считается, что правоотношение собственности как таковое должно обладать и признаками, характерными для всех правоотношений. О. С. Иоффе указывал на следующие четыре признака правоотношений вообще: 1. Всякое правовое отношение всегда существует как отношение между конкретными лицами. 2. Всякое правовое отношение юридически закрепляет взаимное поведение участников. 3. Всякое правовое отношение регулируется нормами права, установленными или санкционированными государством. 4. Всякое правовое отношение в своем обеспечении обеспечивается силой государственного принуждения /61, с. 18—19/.

Здесь видно, что у О. С. Иоффе правоотношение понимается как реальное общественное отношение, урегулированное правом, — поэтому оно «регулируется нормами права», а не формируется им. Что еще более значительно в этом случае, правоотношение здесь понимается как конкретное правоотношение между конкретными лицами. Также и Д. М. Генкин считал, что «правоотношение всегда должно быть конкретно в том смысле, что содержанием его являются права и обязанности определенных лиц» /62, с. 34/.

Однако такое узкое понимание правоотношения не соответствует тем представлениям о правоотношении, которые мы используем для определения правоотношения собственности как идеальной правовой модели общественного отношения, причем отношения не конкретного, а повторяющегося в своей форме. Понимание правоотношения только как конкретного вообще не позволяет рассматривать правоотношение собственности как таковое. Так, Д. М. Генкин, исходя из понимания правоотношения как конкретного, заключает: «...субъективное право может существовать и вне правоотношения, не являясь его элементом. Таковыми являются все субъективные абсолютные права...» /62, с. 39/. Основанием этого вывода служит следующее, он пишет: «определение субъективного права собственности как элемента правоотношений собственника со всяким и каждым, устанавливающих для всякого и каждого пассивную обязанность воздержания от нарушения правомочий собственника, представляется искусственной конструкцией, оторванной от реальных явлений жизни. Нельзя представить себе, что собственник вступил в правоотношение со всеми лицами, которые не знают даже о существовании данного лица и о принадлежности ему той или другой вещи и которых не знает сам носитель права собственности» /62, с. 37/.

«Указанное выше воззрение, — замечает С. С. Алексеев, — основывается на том, что правоотношения рассматриваются только в виде конкретных, полностью индивидуализированных правовых связей, в которых субъекты взаимодействуют друг с другом» /63, с. 88/. Из такого же понимания правоотношения только как конкретного вытекает и то мнение, согласно которому обязанными лицами по

отношению к собственнику по поводу конкретных объектов могут быть лишь те лица, которые находятся в более или менее непосредственном соприкосновении с собственником. Действительно, в этом случае представляется весьма затруднительным определить субъектов правоотношения, а, следовательно, и момент возникновения и прекращения конкретного правоотношения /62, с. 39—40/. Для нас при рассмотрении правоотношения собственности, такое узкое понимание правоотношения только как конкретного, должно быть недостаточным. Здесь, рассматриваемое нами правоотношение собственности является не конкретным, идеальным гражданско-правовым отношением.

Известно, что действие гражданского права может быть осуществлено не только непосредственно действием юридических норм, но и по аналогии закона и даже по аналогии права. И значит, правоотношение собственности может формироваться не только юридическим институтом собственности как совокупностью юридических норм. Это, например, проявляется и в том, что сама собственническая связь в нашем законодательстве не фиксируется нормами права. Также это можно проследить и на другом примере.

Так, нормы о праве собственности, нормы о защите права собственности (вещные способы защиты права) прямо не предусматривают обязанность для не собственников не воздействовать на чужую вещь, не оказывать на нее вредного воздействия, хотя эта обязанность непосредственно включена в отношения собственности как таковые. Обязанность не оказывать на чужую вещь вредного воздействия закрепляется в законодательстве как общая обязанность не причинять вреда, и, соответственно, защита собственности здесь осуществляется обязательственными способами как право собственника требовать возмещения имущественного вреда и право своими действиями предотвращать вред (самозащита). Таким образом, те отношения, которые входят в правоотношения собственности — не входят в юридический институт собственности, а там где должны бы применяться вещные способы защиты отношений собственности — де-юре применяются обязательственные. Потому мы также присоединяемся к мнению вышесказанному Н. Д. Егоро-

вым, что «важно перевести «на язык права» и другую социальную сторону отношений собственности...: собственник вправе устранять любое воздействие на принадлежащее ему имущество со стороны всех третьих лиц» /64, с. 37/. Кстати, если выделять непосредственно правомочия действий собственника в отношении его вещи, то в целом их можно характеризовать как господство над вещью или как право осуществлять в отношении вещи любые действия (распоряжаться).

Итак, объективным правом собственности называется (1) идеальное правовое общественное отношение собственности, которое (2) является естественным правом, (3) формируется на основе действия юридических норм, составляющих гражданско-правовой институт права собственности, а также на основе представлений о праве собственности, и (4) обладает общей для множества конкретных общественных связей формой.

Часть II

ФОРМЫ ПРАВООТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ

§1. О форме собственности

Конституция Республики Казахстан отдельно выделяет собственность государственную и частную: «В Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность» (п. 1 ст. 6).

«В Кыргызской Республике признаются и защищаются государственная, коммунальная, частная и иные формы собственности.

Кыргызская Республика гарантирует разнообразие форм собственности и их равную правовую защиту» (п. 1 ст. 4 Конституции Кыргызской Республики, 5 мая 1993 г.).

«В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» (п. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации, 12 декабря 1993 г.)

Такое разделение берет начало в идее о наличии форм собственности и необходимости равной защиты разных форм. Правоотношение собственности и правовой институт собственности позволяют видеть отношения собственности в целом как одно явление. Но юридическое отношение собственности закрепляло и некоторые различия в правовом режиме, устанавливающем правомочия собственника для тех или иных субъектов. В разных формах собственности, в основном, различия касались тех или иных ограничений собственника по содержанию правомочий, по объектам собственности и даже по защите права собственности.

Предполагалось, что право собственности обладает своими особенностями в разных социально-экономических формах, что, конечно, может быть верно, но с оговоркой, что различия относятся только к юридическому институту (элементы юридической сферы), зависимому от законода-

теля. Соответственно, выделялись типы собственности и, в частности, в СССР социалистический тип.

«В пределах одного и того же социалистического типа в СССР существуют различные виды и формы собственности. Вид отношений собственности зависит от того, кто выступает в качестве собственника. Когда собственник представлен отдельным индивидом, имеет место индивидуальная собственность. В тех же случаях, когда собственником становится определенное коллективное образование, возникает общественная собственность» /47, с. 18/. «Форма собственности определяется социально-экономическим содержанием отношений собственности. Различия в содержании предопределяют существование трех форм социалистической собственности: государственной, колхозно-кооперативной и профсоюзно-общественной. Индивидуальная собственность представлена двумя формами: личная собственность и собственность индивидуальных производителей» /47, с. 18/.

К настоящему времени режим собственности претерпел значительные изменения в сторону сближения тех форм собственности. В 1991 году Е. А. Суханов отмечал: формы (виды) права собственности отличаются друг от друга не по содержанию правомочий (оно теперь абсолютно одинаково у всех собственников), а по характеру объектов и их правовому режиму. Не всякое имущество может принадлежать на праве собственности отдельным гражданам (прежде всего, по соображениям общественной безопасности). Целевыми рамками ограничены права собственности общественных организаций и фондов как коллективных собственников /14, с. 46/. При этом форму (вид) права собственности он определяет как правовой институт (т.е. включенным в элементы юридической сферы), закрепляющий принадлежность материальных благ определенным субъектам и устанавливающий правовой режим имущества /14, с. 45—46/. Система форм собственности Е.А. Сухановым представлена в следующем виде. Во-первых, это — право собственности государств и административно-территориальных образований. Во-вторых, это — право собственности юридических лиц (коллективов). В-третьих, — право собственности граждан /14, с. 46—47/.

Жанайдаров И. У. при определении системы собствен-

ности в Республике Казахстан предлагал исходить из того, что собственность, в принципе, едина по своей природе и объективно не имеет форм в смысле, ранее принимаемом советским законодательством исходя из деления по признаку субъективной принадлежности /28, с. 3/. Другие авторы все же придерживаются мнения о наличии форм в праве собственности. «Для нас очевидно, — пишет Ж. К. Сутемгенова, — что законодательство предусматривает различный правовой режим для имущества в зависимости от субъекта права собственности. Так, право государственной собственности отлично от права частной собственности (по кругу объектов, например), правовой режим коммерческих организаций также отличается от правового режима имущества некоммерческих организаций, поскольку последние могут использовать его, т.е. имущество только для выполнения уставных задач. Соответственно, возможна классификация форм собственности по этому критерию. Возможна также классификация форм собственности в зависимости от вида имущества... Так законодательство содержит специальные правила для недвижимого имущества... Независимо от того, будет ли существование различных форм собственности легально закреплено, они существуют, поскольку закон устанавливает особенности правового режима имущества...» /65, с. 9—10/.

Для решения этого вопроса нам нужно иметь в виду, что право собственности является целостным явлением, включающим в себя элементы неюридической сферы и элементы сферы юридической. Право собственности является естественным правом и отражает отношения собственности как общественное явление (или является их отражением). В этом смысле, отражаемое явление и сама форма собственности — едины, и оно не может предусматривать различий. Но правовая часть, будучи инструментом законодателя, может содержать в себе некоторые особенности и в том числе ограничения, толкающие на мысль о существовании соответствующих ограничениям форм собственности.

Следует отметить, что собственность выражает статические моменты, она отражает производство не как процесс, не как динамику отношений, а как момент статический, как состояние присвоенности, принадлежности материальных благ индивиду или коллективу /14, с. 11/. Непосред-

ственно правоотношение собственности формируется нормами, закрепляющими состояние присвоенности. И, кроме того, собственность, в принципе, по своему существу — неограниченное право, хотя и правоотношение собственности все же может быть ограничено юридическими нормами, формирующими его (когда мы говорим о дефектах отражения). При этом, однако, право собственности не должно быть ограниченным, и потому, к примеру, могли возникнуть и такие умонастроения: «Некоторые буржуазные авторы усматривают в растущем числе ограничений права собственности доказательство исчезновения самого права собственности и появления вместо него нового права на «санкционированное государством использование своего имущества» /66, с. 209/. Все это необходимо будет помнить и учитывать далее.

Характеризуя правотворческую деятельность законодателя, Л. А. Луць отмечает: «Познавательная, оценочная, регулятивная деятельность правотворческого органа, в онтологическом аспекте, субъективна, ибо: протекает, существует в его сознании, неразрывно связана с его активным, действенным волеизъявлением, его личностными (интеллектуальными и др.) возможностями... В гносеологическом аспекте указанные виды деятельности субъекта правотворчества, как показывает ее анализ, объективны...» /67, с. 15—16/. Но, наряду с этим, «правотворчеству присущи субъективные моменты гносеологического характера: правильность познания и оценивания зависит от личных качеств правотворческого субъекта — его правосознания, профессиональной подготовки..., от субъекта правотворчества в той или иной мере зависят темп, способы, «техника» этой деятельности, выбор им из объективно возможных и юридически допустимых вариантов урегулирования общественных отношений какого-то одного варианта» /67, с. 15—16/.

Правовой институт собственности волей законодателя действительно может устанавливать и некоторые ограничения правомочий собственника, которые, конечно, не являются отражением непосредственно отношений собственности. Кроме того, право, само по себе, применяя правовой метод к отношениям собственности, вносит в него некоторые свои особенности, связанные уже не с «чистотой» отражения собственности, а с самим применением правового

метода. К примеру, собственность юридического лица, являющегося правовой конструкцией, может иметь некоторые свои особенности, выраженные в моментах формирования воли, при распоряжении имуществом, в наличии тех или иных прав на это имущество у участников юридического лица и т.п.

Кроме этих моментов, необходимо учитывать, что не все правовые связи, влияющие на фактическое осуществление собственником своих правомочий, являются элементами правоотношения собственности. Так, к примеру, нельзя считать ограничением самого права собственности то, что собственнику запрещены преступные действия (что соответственно сказывается на его реальных правомочиях использования тех или иных предметов). А значит, нам следует отличать ограничения правоотношения собственности от ограничений реальных правомочий на имущество, вытекающих не из правоотношения собственности, а из других правоотношений. К результатам таких ограничений можно отнести различия в правомочиях коммерческих и некоммерческих организаций, когда ограничения и различия наблюдаются не непосредственно в правоотношении собственности (идеальном гражданско-правовом отношении), а в других правоотношениях (организационно-правовой формы юридического лица). Или другой пример, когда для движимого и недвижимого имущества различия заключаются в обязанности государственной регистрации сделок с недвижимостью, тогда различия также находятся вне правоотношения собственности, ведь последнее отражает и закрепляет статику присвоенности. Если само право распоряжения имуществом как правомочие входит в правоотношение собственности, то механизм осуществления передачи права на имущество находится вне его.

Итак, то, что правовой режим имущества, устанавливающий правомочия собственника в рамках принадлежности его на основе одного и того же права собственности, фактически бывает разным (из-за тех или иных искажений и ограничений), это может быть результатом: 1) самого применения правового метода, когда образование различий режима — неизбежно; 2) установления некоторых ограничений и искажений правоотношения собственности из соображений и воли законодателя; 3) правового действия на

реальные правомочия собственника, которое не затрагивает самого правоотношения собственности. Отдельно нужно отметить, что различный правовой режим имущества может существовать и в силу того, например, что он отражает и закрепляет действительно отличное от собственности отношение (например, в случае с правами на деньги, на землю или же в случае прав на продукты интеллектуальной деятельности), но де-юре такой режим назван правом собственности.

С этими искажениями в элементах юридической сферы права собственности связывается и выделение различными юристами форм собственности. Хотя случай неадекватного названия права, к примеру, не может служить причиной образования форм собственности, так как отношения собственности он и не представляет. И хотя, случай правового действия на реальные правомочия собственника, не затрагивающего самого правоотношения собственности, никак не может определить формы собственности, так как лежит вне правоотношения собственности. А при его применении может возникать бесчисленное число возможных юридических режимов, соответствующих самым разным запрещениям и разрешениям, устанавливаемым законами, подзаконными актами и даже договорами и не только гражданским правом. Но все же два предыдущих фактора: из самого применения правового метода и из установления различий в правоотношениях собственности из соображений и воли законодателя — в принципе могут обусловить наличие разных форм правоотношения собственности. Оба фактора выделения форм собственности имели место в советской юридической действительности. Но в настоящее время, от прежнего подхода, когда волей законодателя устанавливалась неравенство собственников и соответствующих форм собственности — мы отошли. По содержанию правомочий право собственности теперь не различается, и это соответствует отсутствию форм собственности в отношении присвоенности, которое по своему содержанию (в отсутствии элементов юридической сферы) одинаково для всяких конкретных отношений.

Во всяком случае, выделение форм собственности всегда связано только лишь с некоторыми различиями в юридической части элементов права собственности. С этим свя-

зано, например, и то, что право собственности как таковое сохраняется в своих основных чертах, хотя с ходом исторического времени в праве собственности могут изменяться его отдельные характеристики, появляются, изменяются и прекращаются разные формы собственности (типы, виды и пр.). Формы собственности могут иметь различия в разных государствах, так, к примеру, даже в родственных правовых системах социалистических стран отличия могли проявляться в том, что «в европейских социалистических странах складывается единая индивидуальная собственность граждан, которая формируется преимущественно на базе личной собственности, включая при этом такой элемент частной как возможность применения наемного труда (значительно ограниченную),» /68, с. 12/ в то время как в советской доктрине и юридической реальности личная и частная собственность определялись как самостоятельные формы.

Об отнесении форм собственности только в юридическую часть свидетельствуют и примеры, связанные с переходом имущества из одной формы собственности в другую вместе с его отчуждением и сменой собственника. «Если гражданин продает вещь государственной организации, то правомочия последней, вытекающие из права государственной собственности, обуславливаются не содержанием субъективного права личной собственности гражданина и не волей сторон, выраженной в конкретном правоотношении, а нормами права, определяющими содержание государственной социалистической собственности. При переходе собственности от государства к кооперативной организации содержание субъективного права собственности меняется и определяется нормами для кооперативной собственности» /62, с. 44/.

Таким образом, с передачей собственности передаются не конкретные правомочия собственника, соответствующие форме собственности, а отношение собственности как явление. То есть в праве собственности можно выделять, кроме той части, которая образует форму, еще и другую часть, которая является единой для всех форм собственности. «Правоотношение по договору купли-продажи переносит на покупателя, как правило, только право собственности как таковое, а содержание приобретенного субъективного пра-

ва собственности в подавляющем большинстве случаев определяется самой нормой права» /62, с. 43/.

Отсюда можно сделать и другой вывод. Передача права собственности не означает правопреемства во всех правовых составляющих права собственности, но это все же правопреемство в праве собственности. Право собственности включает в себя и такой элемент как собственническая связь между хозяином и вещью, где вещь является принадлежащей хозяину. Общество в лице государства наделяет хозяина вещи конкретными правомочиями, *потому что он является хозяином*, ведь эти правомочия вторичны по отношению к собственнической связи. Правомочиями собственника право наделяет любого правосубъектного хозяина и при изменении в собственнической связи лица на стороне хозяина — новый хозяин обладает правомочиями собственника «потому, что он является хозяином». Право собственности в целом включает в себя множество элементов, в том числе и собственническую связь, и правомочия собственника. При передаче права собственности правомочия как вторичные элементы не передаются от продавца к покупателю, но получают покупателем, «потому что он хозяин». Правопреемство права собственности — есть, а правопреемства правомочий собственника нет.

Итак, выделение форм собственности относится только к юридической сфере элементов права собственности. В правоотношении собственности, так же существуют и объект и субъект. Субъект в правоотношении собственности, как правило, обладает *субъективным правом собственности*. Особенности субъектов правоотношения и общественных отношений собственности могут определять и связанные с этим некоторые отличия правоотношений собственности. Заостряя внимание именно на существенных отличиях субъектов правоотношения собственности, вызывающих и особенности организации самого правоотношения собственности, далее мы рассмотрим этих субъектов и соответствующие правоотношения.

§ 2. Правоотношение собственности физических лиц

Право регулирует поведение людей, ведь понимать предписания юридических норм способен только общественный человек с развитой психикой, которого право обязует действовать определенным образом. «Характеризуя сознание как высшую форму отражения — пишет Г. И. Прибытков — и, указывая на то, что это такое отражение, которое происходит на социальном уровне развития материи, мы ни на минуту не можем сомневаться в том, что сознание как идеальную, духовную реальность, т.е. как совокупность чувствований, переживаний, мыслей производят не какие-либо чувствующие, переживающие, мыслящие множества, а всегда живые и конкретные в своей единичности люди» /69, с. 3/. Роль формы общественного сознания — правосознания, как отмечается, состоит в том, что без него не могут сложиться правоотношения /70, с. 90/. Потому, в первую очередь, способностью быть субъектами права вообще, на которых могут распространяться, и могут быть направлены правовые предписания, наделены отдельные люди.

Все субъекты права наделены правоспособностью. «Правоспособность необходимое условие для правообладания, т.е. необходимая предпосылка субъективного права. Правоспособность как возможность иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности — абстрактная, т.е. общая возможность, принадлежащая всякому и каждому. Иначе говоря, правоспособность — это только возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом» /71, с. 5/.

Первоначально, право не знало юридического лица. Сейчас же, физические лица как субъекты правоотношений выступают наряду с юридическими лицами, прочими субъектами. Особенности физических лиц как субъектов права собственности, помимо тех особенностей, что связаны с их не коллективностью, не юридической личностью, являются некоторые особенности их дееспособности, что имеет значение и при приобретении права собственности, и в осуществлении и защите имеющихся правомочий. Обладать же правом собственности, в принципе, граждане могут всегда. Для этого достаточно их правоспособности. Правоспособ-

ность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью (ст. 13 ГК РК, ст. 52 ГК КР, ст. 17 ГК РФ).

Гражданская дееспособность — способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их — возникает в полном объеме с наступлением восемнадцатилетия, либо вступлением в законный брак для лица не достигшего восемнадцатилетнего возраста (ст. 17 ГК РК, ст. 56 ГК КР, ст. 21 ГК РФ). Различается дееспособность граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, и граждан в возрасте до четырнадцати лет (ст.ст. 22, 23 ГК РК, ст.ст. 61, 63 ГК КР, ст. ст. 26, 28 ГК РФ). Кроме того, гражданское право предусматривает возможность ограничения решением суда гражданской дееспособности (ст. 27 ГК РК, ст. 65 ГК КР, ст. 30 ГК РФ), а также признания гражданина недееспособным (ст. 26 ГК РК, ст. 64 ГК КР, ст. 29 ГК РФ).

Дееспособность как таковая непосредственно не влияет на образование форм правоотношения собственности. Но, допуская некоторое отвлечение от вопроса формы собственности, мы чуть подробнее остановимся на вопросе дееспособности, так как она имеет значение в вопросе гражданской правосубъектности лиц и также для понимания как субъектов гражданского права коллективных субъектов (юридические лица и другие организации), которые будут рассмотрены ниже.

«Дееспособность — понятие правовое, объективно существуют лишь ее психологические предпосылки» /72, с. 13/. Как правило, дееспособность гражданина ставится в зависимость от этих психологических предпосылок. Предпосылкой дееспособности называется субъективная способность человека к юридически значимым действиям. Эта способность предполагает наличие конкретных и четко сформированных желаний, отражающих действительные потребности человека, а кроме этого, способность адекватно выразить эти желания, способность, выражая свою волю, осуществлять действие, направленное на достижение своих намерений.

Желания должны отражать действительную позицию данного лица, адекватную и без пороков, вызванных пато-

логическими состояниями. Здесь мы хотим заметить, что эти патологические состояния могут быть вызваны не только психологическим заболеванием или алкогольной, наркотической зависимостью. Например, известны случаи, когда люди, попав под воздействие авторитарной религиозной секты, впадают в такое состояние, в котором их воля явно имеет порок, чем легко пользуются люди, в чью зависимость попадают сектанты. В таком патологическом состоянии сектанты способны не только принести в дар злоумышленникам все свое имущество, но и, как показывают примеры, покончить жизнь самоубийством. К слову, привести к этим патологическим состояниям могут не только религиозные секты, и проблема коренится не в вопросе о религии и свободе совести, а значит и решение проблемы должно быть общим для всех подобных механизмов впадения в зависимость. Возможно, что своевременное вмешательство близких для сектанта людей помогло бы выбить главный мотив такой авторитарной секты — обогащение, если бы гражданское законодательство позволяло ограничить дееспособность лица на основе не только психиатрической экспертизы, но и на основе заключения психологической экспертизы.

Предметом психологической экспертизы здесь может быть вопрос о впадении лица в психологическую зависимость от отдельных людей и в такое патологическое состояние, когда здоровые желания человека могут быть извращены в силу его зависимости от других людей и в силу возможно неадекватного отражения действительности (заблуждения в мировоззрении), чем предельно увеличивается риск совершения лицом действий, вредных для него (здесь слово «вредные» означает не субъективную оценку человека, а объективную оценку, и потому, убыток, например, является вредным результатом).

Кстати, гражданское право фактически признает ограниченно дееспособными некоторых лиц, здоровые желания которых могут быть извращены возможным заблуждением и зависимостью от других людей, чем вызывается повышенный риск вредного для себя поведения, эти лица — дети. Но в этом случае заблуждения и зависимость детей предполагается.

Закон не лишает вообще несовершеннолетних детей воз-

возможности выступать в гражданско-правовых отношениях и вообще лично приобретать гражданские права и обязанности. Несовершеннолетние до 14 лет имеют право, например, на совершение мелких бытовых сделок, исполняемых при самом их совершении. И все же здесь есть некоторые недостатки. Нельзя не признать, что психические способности детей развиваются по-разному и применение жестких возрастных рамок неизбежно приводит к тому, что люди с равными психическими возможностями попадают в неравное правовое положение, и это сказывается на формировании представлений о равенстве и справедливости в обществе.

Как отмечает Е. А. Чеганова, «Неправильно лишать несовершеннолетних, способных понимать значение своих действий, руководить ими и предвидеть их последствия, возможности лично приобретать и осуществлять имущественные и личные права, и освобождать их от обязанности нести ответственность за неправильную реализацию этих прав. Это не только ограничивает права несовершеннолетних граждан, но и ведет к ослаблению у них чувства личной ответственности перед обществом за свое поведение, отрицательно влияет на процесс формирования у подростков уважения к закону» /73, с. 8/.

Появление у несовершеннолетнего способности понимать значение своих действий, руководить ими, предвидеть их последствия должно расцениваться как достаточное основание для наделения его правом лично заключать имущественные сделки, осуществлять личные неимущественные права, а также для привлечения его к гражданской ответственности» /73, с. 9/.

На наш взгляд, было бы возможным признавать в судебном порядке за такими лицами полную дееспособность на основании заключения той же психологической экспертизы. В принципе, объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным предусмотрено Гражданским Кодексом Кыргызской Республики (ст. 62) и Гражданским Кодексом Российской Федерации (ст. 27), однако порядок, предусмотренный соответствующими статьями, не совсем соответствует нашим представлениям. Более того, возможно не только признание за несовершеннолетними полной дееспособности, но и расширение дееспособности лиц, не дос-

тигших четырнадцати лет до пределов, определенных законом для лиц, не достигших восемнадцати лет, а также снятие ограничений дееспособности для совершения ими определенных судом действий или до определенных судом пределов, исходя из заключения эксперта психолога. Кроме того, предусмотренное пунктом 3 статьи 22 ГК РК (п. 4 ст. 61 ГК КР, п. 4 ст. 26 ГК РФ), ограничение дееспособности несовершеннолетнего также должно осуществляться судом на основании заключения психологической экспертизы.

В случае такой организации этих отношений, неравенство граждан по возрастному признаку в этом вопросе было бы снято, и разница правового положения в обществе для людей разного возраста заключалась бы только в презумпции. Если для ребенка возможность заблуждения и зависимость от других людей (взрослых), приводящие к повышению риска вредных для себя действий предполагаются, и для снятия ограничения дееспособности необходимо доказать обратное. То для взрослого предполагается независимость от других людей и адекватное отражение реальности, и в случае доказательства иного его дееспособность может быть ограничена. Поскольку возникает потребность введения в широкую практику психологической экспертизы, следует заниматься изучением вопросов такой экспертизы соответствующим специалистам.

Далее следует отметить, что предпосылками дееспособности являются не только психологические предпосылки, но и физическая способность человека выразить свою волю. Потому, возможно было бы в интересах лица, не имеющего никаких пороков в психике, но физически неспособного выразить свою волю (например, парализованного человека) признать его ограниченную дееспособность и назначить опекунов (попечителей). Эти вопросы также должны быть отражены в законодательстве.

Также отметим, что наличие каких-то предпосылок, психологических предпосылок необходимо не только для дееспособности лица, но и для его правосубъектности. Так, субъектом права не может признаваться лицо, которое не отвечает понятным требованиям — лицо должно обладать и быть носителем сознания и значит, способностью воспринимать действие права, должно являться членом человеческого общества и участником общественных отношений.

Правосубъектность иногда понимается как совокупность таких качеств, как правоспособность и дееспособность. В действительности же гражданскую правосубъектность правильнее видеть как способность лица быть субъектом гражданского права и выступать в качестве субъекта гражданских правоотношений /74, с. 19/. Конечно, гражданская правосубъектность предполагает способность лица иметь права и обязанности и соответственно приобретать субъективные права и субъективные обязанности. Однако, в этом случае, способность правосубъектного лица приобретать права и обязанности не тождественна дееспособности. Во-первых, субъективные права и обязанности в принципе могут быть предоставлены объективным правом. Так, к примеру, такие права, как право на жизнь, личную свободу гражданина, право на честь, достоинство и деловую репутацию принадлежат гражданам и юридическим лицам изначально и приобретаются ими в силу рождения (создания) или в силу закона /75, с. 119/. Во-вторых, приобретение субъективных прав может осуществляться не лично, а через представителей даже недееспособными лицами. Значит неспособность лица лично своими действиями приобретать права и обязанности не вызывает его не правосубъектность. Способность правосубъектного лица вообще, в самом широком смысле, приобретать права и обязанности не обуславливается иной способностью — лично, своими действиями приобретать права и обязанности — дееспособностью. Нельзя говорить о том, что правоспособность одного правосубъектного лица дополняется дееспособностью его представителя /73, с. 6/, так как правосубъектность вообще не требует дееспособности, и, во всяком случае, дееспособности другого лица.

Представитель недееспособного лица может осуществлять права за представляемого, если это осуществление права совпадает с приобретением прав для недееспособного. И приобретение прав и обязанностей для недееспособного возможно только в некоторых отношениях, например, в отношениях по поводу личных неимущественных прав дееспособный самостоятельно не только осуществляет, но и приобретает субъективные права. В тех случаях, когда представитель действует в интересах и от имени недееспособного, представитель всегда должен осуществлять эти действия так, как если бы он был на месте представляемого.

Представитель замещает (представляет) волю недееспособного так, как предположительно сделал бы представляемый не имея пороков воли. Всякие ограничения дееспособности и назначение недееспособному представителей в лице опекунов и попечителей всегда должны быть в интересах недееспособного лица, в том числе и ограничения, предусмотренные статьей 27 Гражданского кодекса Республики Казахстан, когда гражданин вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит в тяжелое материальное положение *себя и свою семью* (соответствующие дополнения предлагаем внести в п. 1 ст. 27 ГК РК).

Как указывалось, гражданская дееспособность в образовании формы собственности решающего значения не имеет. Но отметим, что граждане — отдельные люди как субъекты права являются самыми целостными субъектами. Они не только, как правило, обладают полной дееспособностью, но и предпосылки дееспособности лучше проявляются у отдельных людей (как субъектов права), ведь достоверно сформировать волю всего коллектива без исключений и выразить ее — сложнее. Граждане являются непосредственными носителями сознания, в отличие от всех остальных субъектов гражданского права, и потому, они способны воспринимать правовые предписания непосредственно, они — первые субъекты права. Все что характерно для права собственности вообще, характерно и для права собственности физических лиц. И даже: право собственности физических лиц является основным (общим) содержанием права собственности, а право собственности других субъектов обязательно содержит в себе и особенности, связанные с особенностью самих субъектов — их коллективностью, юридической личностью.

§3. Особенности правоотношения общей собственности

Общая собственность может выступать как общая долевая собственность — с определением долей в общем имуществе, и общая совместная собственность - без определения долей. Общая собственность является долевой, за исключением случаев, когда законом предусмотрено образование совместной собственности (п.п. 1—4 ст. 209 ГК РК, п.п. 2, 3 ст. 266 ГК КР, п.п. 2, 3 ст. 244 ГК РФ). Собственность на недвижимое имущество может возникать также в форме кондоминиума, при котором отдельные части недвижимости находятся в индивидуальной (раздельной) собственности субъектов, а те части недвижимости, которые не находятся в раздельной собственности, принадлежат собственникам недвижимости на праве общей долевой собственности. Доля каждого собственника в общем имуществе кондоминиума неотделима от его раздельной собственности на часть недвижимости (п. 6 ст. 209 ГК РК, ст. 247 ГК КР, ст. 290 ГК РФ).

Считается, что «правоотношение общей собственности — это система правовых связей сособственников между собой и с третьими лицами, единое правоотношение с множественностью управомоченных субъектов»/76, с. 3/. Правоотношения между собственниками в праве общей собственности характеризуются множественностью лиц, состоящих между собой в экономической и юридической связи по поводу общего имущества, и единством объекта собственности /77, с. 11/. В общественном отношении собственности в качестве хозяина выступает одна сторона, другой стороны-хозяина быть не может. В случаях общей собственности множества лиц на имущество, в качестве хозяина выступает вся группа сособственников как субъект общественных отношений. Здесь большое значение имеет единая воля группы в отношении к принадлежащей ей вещи.

Конечно, если люди как субъекты общественных отношений обладают сознанием, волей, то группа людей как таковая не может обладать сознанием независимым от сознания ее членов. Однако участники группы могут иметь общее идеальное — присущее им всем (взгляды, суждения, интересы и т.п.). «Коллективное сознание — это то общее, что имеется у всех (или у большинства) людей, принадле-

жащих к той или иной (классовой, национальной, возрастной и пр.) общности, а, следовательно, то, что отличает сознание одной общности от другой» /78, с. 131/. Общая воля группы как выражение коллективного сознания, есть воля всех людей, принадлежащих к данной группе. Группа, выступая в общественных отношениях собственности, выражает волю людей — участников группы. Группа представляет собой ее членов.

Общество вырабатывает такое отношение к группе, обладающей коллективным сознанием, общими интересами, общей волей, которое схоже с отношением к конкретному единичному субъекту. Таким образом, общество относится к группе как к субъекту общественных отношений. Члены группы также осознают свою принадлежность к группе, осознают общность своих интересов и они могут понимать, что выступают в качестве одного субъекта общественного отношения. Коллектив, являющийся хозяином в вещном общественном отношении, выступает как единая сторона. Так, требование единства воли собственников выражается в том, что при распоряжении имуществом, находящимся в общей собственности, необходимо достижение соглашения между сособственниками, согласие всех сособственников (ст. ст. 212, 220 ГК РК, ст.ст. 269, 272 ГК КР, ст.ст. 246, 247, 253 ГК РФ). Либо такое согласие предполагается.

В необходимости согласия проявляется стесненность субъективных прав сособственников в праве общей собственности на одно имущество /76, с. 6/. Так как группа сособственников, являясь субъектом общественных отношений, не является субъектом гражданского права, она не обладает субъективным правом на имущество. Субъективными правами на имущество обладают участники общей собственности, являющиеся субъектами гражданского права. Здесь мы подвергнем сомнению высказывание, что «субъективное право собственности как элемент содержания правоотношения остается тем же субъективным правом собственности, независимо от количества управомоченных субъектов правоотношения собственности. Поэтому, исходя из числа управомоченных субъектов правоотношения собственности, не представляется возможным различать право индивидуальной и право общей собственности» /76, с. 6/. Субъективное право сособственника общего имущества *отличает*

ся в первую очередь, тем, что он, для распоряжения общим имуществом, должен получить согласие всех собственников. Т.е. отличается теми правоотношениями, которые складываются между собственниками и самим наличием этих правоотношений. Распоряжается имуществом вся группа как субъект общественных отношений — она является стороной-хозяином в отношениях собственности (общественных, пока еще не правовых отношений). Отсюда и ограничения при распоряжении имуществом для собственников как субъектов права.

Ранее в советской юридической литературе, в большей степени было принято мнение о дифференциации форм собственности по признаку различающегося объема правомочий разных субъектов права в отношениях собственности, различного режима охраны для разных форм собственности, различий в круге возможных объектов собственности и прочее. Существовало мнение, согласно которому общая собственность, в случаях наличия среди собственников субъектов разных форм собственности, ведет к слиянию собственности разных форм (кооперативной и государственной) и образованию новой формы собственности — общенародной собственности, в лице межхозяйственной кооперации /77, с. 13/. Подобные взгляды встречали критику, утверждающую, что «общая собственность — это не особый вид собственности. Это лишь правовая форма совместного обладания одним и тем же имуществом на праве собственности нескольких лиц (физических, юридических)» /62, с. 148/. Из того, что правовой режим объектов разных форм собственности (например, личной собственности и государственной собственности) различен, а в общей собственности в качестве собственников могли участвовать разные субъекты, из этого мог быть сделан и такой вывод: «так как правовой режим государственной собственности и личной собственности граждан различен, в связи с чем правовое положение объектов общей собственности становится неопределенным, общая собственность государства и граждан носит лишь временный характер» /62, с. 147/. Могло также утверждаться, что «все формы собственности существуют самостоятельно и в тех случаях, что когда на базе имущества субъектов различных форм собственности образовывается право общей собственности со своей долей, то она не ра-

формы мы объединяется с другой группой, а укрепляется или уменьшается в зависимости от состояния деятельности собственников. Формы собственности не является отдельной формой собственности, а составляет лишь вид собственности» /77, с. 13/.

С нашей точки зрения действительно верно, что отождествление общественной собственности (общенародной) с правом общей собственности не представляется научно состоятельным. «При общей собственности объект один, субъектов — несколько. В общественной собственности объектов несколько, а субъект — один (члены общества в коллективной форме)» /77, с. 12/. Правоотношение общей собственности все же выделяется как отдельная форма правоотношения собственности, но здесь отделение форм собственности осуществляется уже по иным признакам.

Группа людей как сторона общественных отношений представляет собой людей в части присущей им всем (например, воли, присущей им всем при распоряжении имуществом). Здесь коллектив выступает как субъект только в общественных отношениях. Субъектом права группа собственников в общей собственности не выступает, потому не обладает субъективным правом собственности. Строго говоря, вообще *не должно быть субъективного права общей собственности*. Но какое-то субъективное право в общей собственности могут иметь сособственники, однако оно резко отличается от субъективного права собственности и не является таковым, оно лишь составляет правоотношение общей собственности, как часть составляет целое. В силу этого право общей собственности имеет существенные отличия от права моносубъектной собственности.

Здесь может возникнуть вопрос: являются ли субъективные права сособственников в общем имуществе вещным правом? Это субъективное право собственников определяет отношения субъекта и определенного имущества, причем индивидуально определенного. Субъективное право сособственников в общей собственности или соответствующее ему правоотношение является абсолютным, так как предполагает (в силу того, что оно составляет правоотношение общей собственности) обязанности всех других субъектов, не являющихся сособственниками (обязанность не воздействовать на имущество без воли на то собственников и другое).

Это право, по всей видимости, является особым вещным правом как субъективное право, составляющее вещное правоотношение общей собственности наряду с субъективными правами других лиц, являющихся сособственниками общего имущества. И право выделения доли из общего имущества входит в субъективное право сособственника. Именно в этом, субъективное право собственника общего имущества частично (один из элементов, участков субъективного права) может сохраняться и у участников юридического лица (например, у участников полного товарищества) как право выделения доли из имущества, принадлежащего на праве собственности юридическому лицу при выходе из его состава участника юридического лица.

Форму правоотношения общей собственности образуют и те связи, которые присущи правоотношению собственности вообще (отношения сособственников к вещи и отношения собственника к нехозяйевам), и связи, возникающие между сособственниками. С. Э. Арзиани делает вывод, что не все отношения между сособственниками являются собственническими. Если правоотношения, возникающие при достижении согласия сособственниками по поводу общего имущества (распоряжению им), являются собственническими, так как опосредствуют специфику отношений нескольких субъектов к одной и той же вещи и «как к своей и как к чужой». То «к обязательственным правоотношениям относятся: соглашение о способе выдела доли (ч. II ст. 115 ГК УССР); соглашение о порядке пользования общим имуществом (ст. 118 ГК УССР); право преимущественной покупки продаваемой доли (ст. 114 ГК УССР)...; право кредитора — участника общей долевой собственности предъявить иск о выделе доли его должника для обращения на нее взыскания (ст. 116 ГК УССР); правоотношения между сособственниками по расходам, связанным с общим имуществом (ч. III ст. 113 ГК УССР)» /76, с. 6/. При выделе и отчуждении своей доли собственник распоряжается своим субъективным правом и для осуществления этих прав не требуется согласия остальных сособственников /76, с. 7/, хотя последние могут обладать правом преимущественной покупки.

Доля является выражением участия сособственника в правоотношении. Если право собственности есть правоотношение, где субъектом выступает собственник, то доля

сособственника определяется тем, что он участвует в правоотношении наряду с иными сособственниками. Доля есть степень соучастия в правоотношении. При этом, возможно, что вообще группа субъектов, не являющаяся самостоятельным субъектом гражданского права, может выступать и в других правоотношениях. В этих случаях возможно аналогичное определение доли уже в других правах. Например, в праве землепользования и иных вещных правах, или в случаях, когда доля в общем имуществе также принадлежит обоим супругам как группе в целом. Потому можно говорить о праве общего землепользования, и тогда идеальная (условная) доля будет аналогом весьма распространенных и испокон веков принятых отношений /79, с. 127/.

Как считает Н. Ю. Линникова, внутренняя связь сособственников общего имущества может быть простой и сложной. «Она является простой, когда доли в праве общей долевой собственности принадлежат отдельным гражданам, и сложной, когда доли принадлежат супругам или членам колхозной семьи (двора). В последнем случае доля в праве общей долевой собственности принадлежит на праве общей совместной собственности» /80, с. 9/. Здесь необходимо задаться вопросом: может ли доля в праве общей собственности принадлежать вообще на праве собственности? Если доля в общей собственности не является материальным объектом, то на праве собственности она принадлежать не может.

С. Э. Арзиани считает, что в общей собственности, как в долевой так и в совместной, существует доля в праве и доля в имуществе. «Под долей в праве следует понимать неполноту, неисключительность, стесненность субъективного права каждого собственника. Это право стеснено в равной мере. Размером определяется не доля в праве, а доля в имуществе, являющаяся идеальной, арифметически выраженной (в виде дроби или процентах) долей в общей вещи» /76, с. 3/.

Неполноту, неисключительность и стесненность субъективного права сособственника можно видеть, когда мы сравним его с субъективным правом собственности, когда ожидаем субъективное право собственности у каждого из сособственников. Но здесь полезно наблюдать целиком правоотношение общей собственности, где в качестве субъектов участвует множество лиц, хозяином общественного отно-

шения является группа сособственников, которой, при условии ее правосубъектности, и принадлежало бы право собственности. Так как группа сособственников не правосубъектна, в правоотношении общей собственности субъективного права собственности нет. Следовательно, с этих позиций не нужно искать долю в субъективном праве собственности, но возможно искать долю в правоотношении. Соответственно не нужно отдельно выделять долю в имуществе, которая, в отличие от доли в субъективном праве, могла бы определяться размером.

Объект права общей собственности (имущество) является материальным объектом и даже идеальное его разделение, по всей видимости, должно осуществляться на конкретно определенные доли, а не идеальные. Но доля в общей собственности — это доля в правоотношении, она выражает соучастие собственника в правоотношении и вполне может определяться размером, и само выражает при этом, субъективное право сособственника на общее имущество. Из этих долей складывается возможность в целом группы сособственников как хозяина в общественном отношении собственности осуществлять господство над имуществом.

Вернувшись к выделенным Н. Ю. Линниковой простой и сложной связям сособственников, заметим, что доля в общем имуществе (в праве общей собственности) не может, к примеру, принадлежать супругам на праве общей совместной собственности, так как доля не является вещью, однако уполномоченными лицами в качестве сособственника являются в данном случае, несколько лиц. Супруги, которым принадлежит доля, выступают как единый субъект *общественного* отношения, хотя они и не обладают правоспособностью. Их доля в общем имуществе не определена индивидуально для каждого из супругов, но определена для обоих в целом.

Группа сособственников в общей собственности выступает как единый хозяин с объединенной волей всех сособственников — как субъект общественных отношений /25, с. 399—400/. И отношения людей к общей собственности вольно или невольно складываются часто аналогично с тем как для моносубъектной собственности. Такое отношение к общей собственности неизбежно, т.к. отвечает реально существующему общественному отношению. Потому, на наш

взгляд, возможно было бы признавать за такой, относительно постоянной группой, как семья, даже правосубъектность с момента регистрации брака, причем, право собственности должно принадлежать всей семье, как юридическому лицу, в качестве своих членов, включающему супругов, детей.

Включение детей в качестве членов семьи как субъекта гражданско-правовых отношений также должно способствовать охране интересов одной из самых незащищенных групп населения — детей. Кроме того, как по этому поводу (об имущественных правах членов семьи — не супругов) аргументирует К. Ш. Хамраев: «для восточной семьи характерны свои особенности: совместное ведение хозяйства, общность семейной «казны», общность материальных интересов и, следовательно, совместное распоряжение семейным имуществом под руководством старших» /81, с. 18/.

Кроме того, целесообразным было бы, на наш взгляд, признавать зарегистрированное юридическое лицо правопреемником группы его учредителей как субъекта общественных отношений, выступающей в соответствующих правовых отношениях. Например, если учредители до госрегистрации юридического лица приобрели имущество в общую собственность, либо приняли на себя иные общие права или обязанности (долевые или солидарные).

§ 4. Особенности правоотношения собственности юридических лиц

Юридическое лицо является субъектом права, наделенным правоспособностью (ст. 35 ГК РК, п. 3 ст. 84 ГК КР, п. 3 ст. 49 ГК РФ), и может выступать субъектом права собственности. Однако, как правосубъектный хозяин, юридическое лицо имеет существенные особенности, проявляющиеся и в некоторых чертах правоотношения собственности.

Исторический процесс образования юридического лица своими корнями уходит в римское право. Идея, что община — это отличный от членов ее составляющих, субъект права окончательно выработалась только в императорское время «долг объединения не является долгом отдельных лиц, и то, что должно объединение, не должны отдельные

лица» (D. 3, 4, 7, 1) /71, с. 142—143/. Римские юристы уподобили коллективные образования, фикс лицу. Коллективное целое обладает одной *persona* и здесь значение термина приближается к современному понятию юридического лица. В то же время, под *persona* вообще понимался не реальный субъект общественных отношений — человек, но личность, воспринимаемая правом как сторона отношений. Так могла рассматриваться даже возможность представления одним человеком нескольких *persona* /25, с. 253—254/. Под *persona* могла пониматься сторона в идеальном, абстрактном общественном отношении — правоотношении. Коллективные образования могли обладать *persona* как частные лица /25, с. 268/, но отсюда римские юристы не делали вывода, что существуют два вида лиц — люди и коллективные образования. Лишь в капиталистическом обществе понятие юридического лица получило свою определенность /71, с. 143—145/. Уже на вопрос, почему организации признаются субъектами права (обладающими *persona*) появились теории юридического лица, раскрывающие его сущность.

Теории юридического лица можно свести к следующим направлениям. «Теории фикции» где юридическое лицо понимается как искусственный идеальный субъект, фикция, созданное лишь для условной «привязки» к нему субъективных прав и обязанностей. В развитие этих взглядов была выдвинута теория «персонифицированной цели» или «целевого имущества» (Бринц А. Ф.) в которой считается, что права и обязанности могут принадлежать как человеку (субъекту), так и служить определенной цели (объекту). «Теория интереса» выдвинутая Р. Ф. Иерингом, выдвигала концепцию, где права и обязанности фактически принадлежат лицам, использующим общее имущество, а юридическое лицо представляет собой некий центр для их прав и олицетворяет их общий интерес. В противоположность фикционным теориям стали выдвигаться теории, признающие реальность юридического лица. «Органическая теория» Гирке, рассматривавшего юридическое лицо как особый «телесно-духовный организм» («союзную личность»). Реальность существования юридических лиц предполагает не их «искусственное» создание, а признание правом реально существующих образований. В цивилистической науке советского периода в 20-е годы получила распространение

«теория персонифицированного (целевого) имущества», однако позже была отвергнута. «Теория государства» С. И. Аскназия утверждала, что за государственным юридическим лицом всегда стоит само государство или «всемирный коллектив», являющийся действительным собственником его имущества. «Теория коллектива» (А. В. Венедиктов, С. Н. Братусь) видела за юридическими лицами коллектив рабочих и служащих предприятия, а так же всемирный коллектив, организованный в социалистическое государство. «Теория директора» видела в качестве носителя юридической личности государственного юридического лица его руководителя, уполномоченного действовать от имени предприятия. «Теория социальной реальности» признавала юридическое лицо как социальную реальность, однако, не пыталась выявить его людской субстрат. Значительную известность получили концепции таких авторов как О. А. Красавчиков, А. А. Пушкин, Б. И. Пугинский /82, с. 116—119; 83, с. 172—178/.

Таким образом, науке известно множество взглядов относительно юридической природы, сущности юридического лица. И в последнее время казахстанская наука также уделяла должное внимание проблеме понятия юридического лица. И. П. Грешников пишет: «юридических и физических лиц нет в реальной жизни, человек или организация становятся субъектом права с помощью категории лица. Понятие лица — есть правовая конструкция, применимая там, где необходимо обозначить обособленную правоспособность человека, организованности, государства... Так как юридическое лицо является общеправовым понятием и не существует в реальной, обыденной жизни, оно идеально, у него нет и не может быть предметных признаков. Предметные признаки и другие характеристики присущи организованности со статусом юридического лица, которая осуществляет хозяйственную и/или иную деятельность» /84, с. 4/. Итак, И. П. Грешников юридическим лицом называет лишь идеального субъекта права как сторону в идеальных правоотношениях (*persona*). Причем, по его мнению, юридическое лицо не может обладать предметными признаками. Однако, представляется, что для правового регулирования отношений с участием организаций все же необходимо достаточно четко видеть в юридическом лице эти организованности, обладающие предметными признаками. Конечно,

юридическое лицо, являющееся субъектом идеального правоотношения в этом смысле (как идеальная сторона) отличается от самой реальной организации. И идеальное абстрагирование позволяет допустить, в принципе, максимальное отвлечение, когда идеальное отражение показывает лишь то, что субъект является стороной в общественных отношениях, и не показывает людской субстрат. Но все же, для адекватного регулирования общественных отношений нужно, чтобы юридическое лицо полнее отражало саму организацию. А потому, юридическое лицо может наблюдаться как отражение организации *вместе с ее признаками*. И потому, в тех случаях, когда исследователь в качестве предмета видит какие-то признаки организации юридического лица, не обращая внимание на отношения отражения (юридического лица) и отражаемого (организации), не обращая внимания на их разграничения, в этих случаях юридическое лицо и организация могут становиться тождественными понятиями, а их отличия с этих позиций становятся ничтожными, которыми иногда можно пренебречь.

Для понимания сущности юридического лица как правоспособного субъекта гражданского права действительно необходимо помнить, что действие права осуществляется посредством установления определенных нормативных требований того или иного поведения. Требования всегда направлены на сознание людей и формируют правосознание.носителем сознания (индивидуального или общественного), безусловно, является человек, наделенный способностью ощущать воспринимать, мыслить, ведь сознание предполагает не только отражение какого-либо воздействия, но построение идеальных образов, построение своего собственно внутреннего мира /85/.

Право «регулирует определенные общественные отношения, т.е. отношения между людьми: отношения между отдельными лицами, группами лиц, их объединениями и учреждениями. Поэтому в качестве субъектов права могут выступать либо отдельные лица, либо организованные определенным образом группы лиц, коллективы людей. Из этого следует, что при выяснении сущности всякого юридического лица, в том числе и юридической личности государственных учреждений, предприятий и организаций, необходимо определять тех конкретных лиц, которые стоят за тем или иным юридическим лицом» /86, с. 38—39/.

«Юридическое лицо как волевое единство, — это, прежде всего, организованный коллектив людей, воля которых находит свое выражение в деятельности юридического лица» /87, с. 10—11/. За юридическим лицом как субъектом права необходимо наблюдать конкретных людей, на которых предполагается и должно быть направлено действие права. В противном случае, нам придется столкнуться с признанием того, что право для регулирования отношений с юридическим лицом сможет оказывать воздействие лишь на другие лица, но не сможет оказывать воздействие на само юридическое лицо. Итак, за юридическим лицом должны быть видимы конкретные *сознательные личности*, индивиды.

И сейчас в Казахстане, в Гражданском кодексе РК под юридическими лицами признаются организации (ст. 33 ГК РК, ст. 83 ГК КР, ст. 48 ГК РФ). Организацию законодательство, по всей видимости, понимает как «объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур» /88, с. 931/. **Юридическое лицо как организация — объединение людей, — представляет собой этих людей и потому, поддается правовому воздействию** /89, с. 178/.

Вообще, группа людей, в том числе и та, которая представлена юридическим лицом, обладает качествами, которые позволяют ей воспринимать правовые предписания, носить правосознание могут только люди, конкретные личности, а коллектив (организация) обладает сознанием, только в качестве коллективного сознания, т.е. сознания индивидов его составляющих. Члены коллектива юридического лица имеют общее коллективное сознание — общие интересы, волю и т.п. Общая воля юридического лица выражается как воля всех людей коллектива. Группа, выражая свою волю, выражает волю всех ее членов, она представляет собой своих участников. Организация, выступая от своего имени, выступает от общего имени членов организации, но в данном случае последние выступают как части целого, а не в отдельности. Они представлены лишь в той части, которая является общей для всех участников коллектива, которая выражается организацией (лишь то сознание, что относится к коллективному).

Вообще группа людей, обладающая коллективным сознанием и в общественных отношениях выступающая как

сторона, представляет собой членов этой группы, но членов коллектива не полностью как они есть, а лишь в той части, которая является общей для всех людей, части присущей им всем (части коллективного сознания). Члены группы представляются группой только лишь в качестве членов этой группы. А такая группа, как юридическое лицо, обладает еще и правосубъектностью. Юридическое лицо, как группа, выступая в отношениях, представляет своих участников лишь в части коллективного сознания и коллективного действия, т.е. в части деятельности юридического лица. И, кроме этого, строго говоря, юридическое лицо представляет не полностью не только участников юридического лица, но даже целую группу участников оно представляет лишь в части деятельности осуществляемой *от имени* юридического лица.

Члены группы (юридического лица) осознают принадлежность к этой группе, осознают общность своих интересов, и они как самостоятельные личности могут понимать требования закона, адресованные ко всей группе в целом, эти требования они понимают как требования, адресованные ко всем им, и предназначенные для них всех в целом. Однако право может регулировать только поведение людей и оно, оказывая воздействие на организацию, на всех ее членов в целом, направляет воздействие на психику каждого из группы, и только через воздействие на членов группы, право реализует свое воздействие на всю организацию.

Коллективность юридического лица не является обязательным признаком юридического лица, но исторически, юридическое лицо возникло в результате признания правосубъектности за коллективами. Именно коллективность вызвала потребность в выделении какой-то части, являющейся общей для всех членов (присущей всем). Так возникла другая сторона общественных отношений, а затем и лицо в правоотношениях, отличающаяся от лиц его составляющих — возникла относительно самостоятельная организация. Но, возможно и существование юридического лица представляющего всего одного человека, т.е. не являющегося коллективом. И здесь происходит своего рода обособление некоторой части из единичной личности. Здесь юридическое лицо представляет не участника в его целостности, а представляет его только в той части, которая осуществляется от имени юридического лица. Здесь так же фор-

мируется самостоятельный субъект права, отличный от его участника. Итак, юридическое лицо всегда представляет собой его участников лишь в части деятельности юридического лица.

Известно, что коллектив людей, составляющий организацию юридического лица, понимался по-разному. В эпоху социалистического уклада, когда основную долю юридических лиц составляли государственные организации, наиболее распространены были точки зрения, которые понимали под коллективом юридического лица — трудовой коллектив предприятия и/или государство как общенародный коллектив трудящихся. Относительно буржуазных юридических лиц В. П. Грибанов в 1961 году писал, что они «представляют собой санкционированные нормами буржуазного гражданского права объединения большего или меньшего числа частных предпринимателей, преследующие извлечение прибыли» /86, с. 20/.

Но кто же действительно является участниками юридических лиц? Статья 36 ГК РК рассматривает участников как учредителей юридического лица, при этом известно, что участниками юридического лица могут быть и лица, не являющиеся его учредителями — к примеру, акционеры акционерного общества, вступившие в общество уже после его регистрации. Однако только лишь видение за юридическим лицом учредителя (участника) организации не удовлетворяло советских ученых, так как выявлялись еще некоторые вопросы, особенно в условиях социалистической экономики, когда юридические лица в основной своей массе все представляли государство. «Если вопрос об определении круга лиц, стоящих за юридическим лицом — кооперативной организацией, решается сравнительно просто — это коллектив членов данной кооперативной организации, то решение этого вопроса применительно к государственным учреждениям, предприятиям, организациям представляет значительные трудности» /86, с. 39/.

Так профессор С. И. Асканзий считал, что за юридическим лицом — государственным предприятием, учреждением или организацией стоит само советское государство, организованный в государство всенародный коллектив (участник). Однако в советской гражданско-правовой литературе отмечалось, что такая трактовка сущности юридического лица не может объяснить юридического лица как самосто-

ятельной хозяйственной единицы. Исходя из нее, отношения между двумя государственными организациями приходится рассматривать как отношения государства с самим собой. И с другой стороны, как объяснить тот факт, что государство не отвечает по долгам государственных юридических лиц и наоборот? /86, с. 41/.

Потому, в объяснении сущности юридического лица советская цивилистика пошла в следующем направлении. Ю. К. Толстой исходил из того, что «за каждым государственным юридическим лицом стоят: 1) само социалистическое государство, как единый и единственный собственник предоставленного госоргану имущества; 2) ответственный руководитель госоргана (директор предприятия), который получает от государства средства производства и другое имущество и, становясь, разумеется, его собственником, утверждается как уполномоченный Советского государства по управлению этим имуществом, согласно планам, преподанным государством» /90, с. 88/. Ответственный руководитель, — по мнению Ю.К. Толстого, — как в области административного управления, так и при установлении гражданских правоотношений, выражает свою собственную волю, содержание которой определяется волей государства. Выражая свою волю в области гражданско-правовых отношений, ответственный руководитель госоргана выступает как носитель гражданской правоспособности госоргана /90, с. 89/.

Аналогично «теории директора», выдвинутой Ю. К. Толстым, «теория администрации» видела в числе лиц, представленных юридическим лицом: 1) государство; 2) всю администрацию, а не одного директора. Широкое распространение в юридической литературе получила так называемая «теория коллектива», выдвинутая профессором А.В. Венедиктовым. Согласно ей за каждым государственным юридическим лицом стоят: «1) само социалистическое государство, весь советский народ в лице своего социалистического государства как единый и единственный собственник всего фонда государственной собственности и 2) возглавляемый ответственным руководителем коллектив рабочих и служащих данного юридического лица как коллектив, который под руководством дирекции непосредственно осуществляет задачи, возложенные государством на это юридическое лицо, и в непосредственное оперативное уп-

равление которого государство выделило соответствующую часть единого фонда государственной собственности» /9, с. 665/.

Итак, для себя мы можем отобрать из этого следующее: советская юридическая наука четко видела за юридическим лицом его участников, а за государственными юридическими лицами — государство, являющееся участником. И при этом, большинством юристов отмечалось, что коллектив рабочих и служащих (трудовой коллектив, включая директора и всю администрацию) также выражает волю юридического лица. Л. Ф. Мильковой, к примеру, «воля юридического лица трактуется как необходимая предпосылка его деятельности во вне, связанная с его способностью инициативно направлять свою деятельность в сфере гражданско-правовых отношений на достижение поставленных перед ним целей, обусловленных экономическими интересами» /91, с. 8/. При этом отмечается, что волею юридического лица может выражаться и не только органами юридического лица, так как выражают его волю и многие работники, действуя в пределах своей компетенции /91, с. 13—14/. «Действия юридического лица в гражданском обороте складываются из многочисленных актов, видов работ, производимых различными частями этой своеобразной функциональной системы» /91, с. 12—13/. Воля юридического лица «не может быть приравнена ни к воле органа, ни к воле коллектива работника. Поскольку юридическое лицо есть система, а не сумма индивидов, воля юридического лица не объединение индивидуальных волей, а их равнодействующая качественно иная воля, содержание которой подчинено интересам и целям деятельности юридического лица как самостоятельного социального образования» /91, с. 12—13/.

В отличие от Л. Ф. Мильковой, И. С. Соколов четко выделяет в качестве субъектов, формирующих волю юридического лица — его участников, отдельно от коллектива работников и, в частности, исполнительного органа. Рассматривая общественную организацию (объединение) он показывает, что деятельность, осуществляемая исполнительным органом, имеет не первоначальное, а производное от воли коллектива общественной организации происхождение, а, следовательно, и независимый от нее характер. На этой стадии психологическая воля коллектива получает свое

объективное выражение как юридически значимая воля субъекта гражданского права /87, с. 11/. Участники юридического лица действительно формируют волю организации, так как они определяют цели организации, определяют задачи, утверждают планы, формируют органы юридического лица и прочее. Воля участников действительно является первичной, а воля трудового коллектива и органов — вторичной.

Несмотря на то, что трудовой коллектив участвует в формировании воли юридического лица и непосредственно действует от его имени, на наш взгляд, нет необходимости видеть за юридическим лицом и в качестве участников юридического лица — трудовой коллектив. Трудовой коллектив и, главным образом, органы юридического лица, правда, осуществляют действия от имени юридического лица, однако, в этих случаях, они все равно действуют как представители последнего, хотя сами по себе являются самостоятельными субъектами. В принципе, гражданское право допускает случаи, когда одни лица действуют от имени другого лица и своими действиями приобретают для последнего — права и обязанности. Более того, правопорядку знакомы случаи, когда воля одного лица, проявляемая в действиях от его имени, формируется другим лицом (например, в случаях представительства недееспособных). Также есть понимание того, что группа участников юридического лица при формировании своей воли, может сталкиваться с трудностями, связанными, например, с коллективностью, что, безусловно, затрудняет этот процесс (ведь здесь необходимо согласие всех участников без исключения). Это является первым мотивом того, что законодательство необходимо предусматривает наличие органов юридического лица, которые являются его представителями в гражданско-правовых отношениях. При таком подходе с юридической точки зрения отпадает необходимость видеть за юридическим лицом одновременно два коллектива: трудовой и коллектив участников. В этом случае группа участников юридического лица составляет тот самый людской субстрат, стоящий за юридическим лицом, а трудовой коллектив и органы юридического лица являются представителями правосубъектной организации. О представлении юридическим лицом в общественных отношениях именно своих участников может свидетельствовать и следующее. К

примеру, в отношениях учреждения и его участника первое, действуя от своего имени, может приобретать имущество одновременно *в собственность своего участника* и в оперативное управление организации /92, с. 137/.

Как отмечалось выше, участники юридического лица, выступая в качестве группы, представлены группой не полностью, а только лишь в части коллективного сознания — сознания, присущего всем участникам группы. Потому, в принципе, интересы группы могут расходиться с интересами отдельного человека. И более того, в деятельности юридического лица участники представлены даже не частью коллективного сознания, а только теми действиями, которые осуществляются от имени юридического лица. Потому одни и те же лица могут учредить несколько юридических лиц, в каждом из которых они будут по-разному представлены (в одном случае участники выступают как лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, а в другом — как благотворительный фонд). Аналогию этому мы можем найти в общественных отношениях, когда одно и то же лицо в разных общественных отношениях выступает под разными именами и соответственно, действия, осуществляемые ими под одним именем, будут вызывать одни последствия, а действия, осуществляемые под другим именем — другие последствия. Так, человек, осуществляющий научную деятельность под собственным именем, приобретает известность ученого, но, действуя, например, в качестве писателя-сказочника под псевдонимом, он приобретает и соответствующую этой деятельности славу. Другой пример, когда одна организация под разными фирменными наименованиями (или торговыми знаками) выпускает разную продукцию.

Юридическое лицо обладает правосубъектностью и является самостоятельным субъектом права. Оно от своего имени приобретает субъективные права и обязанности и участвует в гражданско-правовых отношениях от своего имени. Если одно юридическое лицо, представляющее конкретного участника и другое юридическое лицо, представляющее того же участника вступают друг с другом в правоотношения, то это не отношения участника с самим собой, а отношения самостоятельных субъектов — юридических лиц. И участник юридического лица, как субъект права, может вступать в правоотношения с юридическим лицом,

тоже являющимся самостоятельным субъектом права, отличным от его участника.

Круг участников юридического лица может быть разным в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица. В кооперативах — члены кооперативов, в хозяйственных товариществах и акционерных обществах — лица, имеющие долю в уставном капитале юридического лица, в ассоциациях (союзах юридических лиц) — ассоциированные участники. В государственных организациях — государство. В общественных объединениях — члены общественного объединения, в общественных фондах или учреждениях — возможно учредители (либо их правопреемники), в религиозном объединении — по всей видимости, верующие этого объединения. Таким образом, круг участников юридического лица, в принципе *может* быть определен.

При этом в силу того, что общество, государство и юридические лица представляют собой людей, то и в тех случаях, когда они выступают в качестве участников юридического лица, юридическое лицо все равно, в конечном счете, представляет собой людей (сколько бы ни тянулась цепь участия организаций в юридическом лице). В случаях с государственными органами, государственными предприятиями участником юридического лица является государство. Все юридические лица, участником в которых является государство (в том числе и хозяйственного товарищества, АО) представляют собой государство, государство же представляет общество, народ, то есть, в конечном счете, и такие юридические лица представляют людей.

Юридическое лицо наделяется правосубъектностью. Оно является самостоятельным субъектом отличным от его участников и обладает правоспособностью, дееспособностью, деликтоспособностью. Юридическое лицо появляется тогда, когда к нему начинают относиться как субъекту, когда его признают в качестве субъекта права. И образование юридического лица требует обязательной государственной регистрации, без которой юридическое лицо не обладает правосубъектностью и не имеет правоспособности (п. 2 ст. 35, ст. 42 ГК РК; п. 3 ст. 84, ст. 86 ГК РК; п. 3 ст. 49, ст. 51 ГК РФ). При государственной регистрации юридического лица, право (государство) осуществляет признание за организацией юридической личности и правосубъектности.

Правосубъектное юридическое лицо, действующее от своего имени, представляет собой его участников. При этом, юридическое лицо представляет участников даже тогда, когда сами они (часть из участников или даже может быть все участники) не знают о конкретных действиях юридического лица. По ряду причин юридическое лицо может несколько отдаляться от своих участников (впрочем, как и в других случаях представления одних лиц другими), но во всех случаях оно представляет их. В качестве причин такого отдаления можно назвать порядок принятия решений и осуществления действий от имени юридического лица.

При организации юридического лица, его учредители определяют органы юридического лица, порядок их формирования, порядок принятия решений этими органами. Этим органам участники юридического лица поручают выступать от имени юридического лица. Так, к примеру, собрание акционеров в АО может принимать решения большинством голосов и значит, что решение принимается даже при несогласии с ним меньшей части акционеров. Юридическое же лицо при реализации решения представляет и эту меньшую несогласную часть. Кроме того, ведение дел может быть поручено одному или нескольким участникам, и тогда остальные участники прямо не осуществляют те или иные действия, но действие осуществляется от имени юридического лица, представляющего собой всех участников. Юридическое лицо может принимать в качестве сотрудников лиц, не являющихся участниками, но в своей работе эти сотрудники действуют от имени юридического лица (директор, продавец в магазине). Не говоря уже о тех случаях, когда организация поручает другим лицам действовать от имени юридического лица на основании доверенности. Таким образом, юридическое лицо отдаляется от его участников, но всегда представляет собой их. И, несмотря на возможность разногласий в действиях юридического лица и сознанием участника, участник все равно представлен действием первого.

Государственная регистрация, признание правосубъектности за конкретным юридическим лицом — это юридический акт, который может приводить и к такому отдалению юридического лица от участников. На то оно и признание юридической самостоятельности субъекта права. Участие же юридических лиц (или иных коллективных

субъектов) в юридических лицах еще более усложняет эти отношения и еще более отдаляет конкретного человека от действия юридического лица. Этот факт обязательно должен учитываться законодательством. Отсюда, например, может наблюдаться юридическая ответственность руководителя организации за действия, осуществляемые им от имени юридического лица.

Юридическое лицо с момента его регистрации обладает правоспособностью, дающей ему возможность иметь субъективные права, в том числе и право собственности. С момента регистрации юридическое лицо обладает и дееспособностью. Оно может от своего имени приобретать права и обязанности, выступать от своего имени в гражданских правоотношениях. Юридическое лицо действует от своего имени с помощью органов юридического лица, представляющих это юридическое лицо. При этом перед третьими лицами по обязательствам, принятым органом юридического лица, даже с превышением его уставных полномочий, кроме случаев, когда другая сторона заведомо знала или должна была знать о нарушениях — юридическое лицо несет ответственность (п. 4 ст. 44 ГК РК). А по обязательствам, вытекающим из действий рядовых работников, юридическое лицо несет ответственность в случае, когда работники действуют в рамках своих трудовых (служебных) обязанностей (ст. 362 ГК РК) /83, с. 38/.

Юридическое лицо несет самостоятельную гражданско-правовую имущественную ответственность всем своим имуществом. Как правило, участники не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо — по обязательствам участников, за исключением некоторых случаев. При этом если ответственность участников предусмотрена, то она субсидиарная (ст. 44 ГК РК, ч. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ). Таким образом, юридическое лицо, обладая правоспособностью, дееспособностью, самостоятельной ответственностью, представляя собой его участников — является самостоятельным субъектом права, отличным от его участников. В качестве признака юридического лица, среди других признаков выделяют и обособленное имущество, принадлежащее организации на праве собственности или иных вещных правах /93, с. 3—8/. Действительно, это является отражением правоспособности (правосубъектности) юридического лица. При этом, правом собственности (или иным вещным правом) обладает юридическое лицо как са-

мостоятельный субъект, отличный от его участников. **Право собственности юридического лица — моносубъектная собственность организации.** В отличие от права общей собственности, где субъективные права принадлежат участникам группы, но не группе в целом, в отношениях с участием юридического лица субъективным правом собственности обладает субъект права — юридическое лицо, а его участники субъективного права собственности на обособленное имущество юридического лица не имеют.

Право собственности юридического лица — моносубъектная собственность. Особенностью в такой форме правоотношения собственности является то, что субъективное право принадлежит юридическому лицу, и в качестве хозяина в общественных отношениях выступает именно организация, но представляет она своих участников, что сказывается на интересах последних и юридического лица, а так же в некоторых особенностях юридического лица как субъекта имущественных прав. Например, это выражается в том, что имущество после ликвидации юридического лица, как правило, подлежит передаче его участникам. Также для некоторых форм юридических лиц предусмотрено право участников выделить долю из имущества юридического лица, что выражает собой сохранение за участниками юридического лица некоторых прав, характерных для права собственника в общей собственности, как указывалось выше, это субъективное право составляет как часть — правоотношение общей собственности. Существует субсидиарная имущественная ответственность участников по обязательствам юридического лица, и прочее. Юридическое лицо, как сторона в правоотношениях (*persona*, вещь права) еще более абстрагируется от своих участников, в том смысле, что оно не отражает всех их признаков, но как указывалось выше, представляет их лишь в части, относящейся к юридическому лицу. Кроме того, юридическое лицо в качестве представителя интересов и воли своих участников в общественных отношениях, может отдаляться от конкретных людей, составляющих людской субстрат организации. Итак, собственность юридического лица имеет особенности, позволяющие особо выделять среди субъектов права собственности — юридическое лицо, а среди форм правоотношения собственности — правоотношение собственности юридического лица.

§5. Особенности правоотношений собственности публичных субъектов

Государственная собственность

В более широком понимании экономическая категория, государственная собственность, означает принадлежность имущества населению определенной территории — государству, как политическому образованию в лице органов государственной власти (страна) /94, с. 40/. Но в юридическом отношении собственности население (общество, народ) субъектом права государственной собственности не является, государство как субъект права является самостоятельным. Действующее законодательство прямо выделяет только две формы собственности: частная и государственная (п. 1 ст. 6 Конституции РК). К примеру, Конституция Кыргызской Республики (п. 1 ст. 4) и Конституция Российской Федерации (п. 2 ст. 8) указывают на частную, муниципальную и государственную формы собственности, а также на наличие других форм собственности. В любом случае выделение форм собственности имеет источником, в том числе наличие особого субъекта — государство. Имущество, принадлежащее на праве собственности государству, находится в государственной собственности. Остальное имущество, принадлежащее на праве собственности другим национальным субъектам, согласно казахстанскому законодательству, находится в частной собственности. Среди национальных субъектов современного гражданского права мы можем различать, в соответствии с Гражданским Кодексом Республики Казахстан: физические лица, частные юридические лица, государственные предприятия, Республика Казахстан и административно-территориальные единицы.

В Кыргызской Республике среди указанных субъектов гражданского права отсутствует административно-территориальная единица при наличии единого субъекта Кыргызская Республика (ст. 168 ГК КР), но в отличие от законодательства Казахстана, в Кыргызстане присутствуют местное сообщество и коммунальные предприятия, обладающие имуществом местного сообщества (ст. 227 ГК КР). В России кроме физических, частных юридических и государственных унитарных предприятий обозначены еще и муниципальные

образования, муниципальные унитарные предприятия, Российская Федерация и субъекты Российской Федерации.

Далее следует отметить, что отношения в области публичной собственности в Кыргызстане и России урегулированы иначе, чем в Казахстане. Это связано с тем, что Кыргызстан не пошел по пути наделения гражданской правосубъектностью административно-территориальные единицы, а Россия, в отличие от Республики Казахстан и Кыргызской Республики, принципиально является федерацией. Кроме того, в Казахстане до сих пор в качестве субъектов гражданского права не обозначены муниципалитеты.

Государственные предприятия, обладая имуществом лишь на праве хозяйственного ведения, либо оперативного управления, не являются субъектами права государственной собственности, и здесь субъектом права государственной собственности является *государство*. Кроме государственных предприятий, в гражданских правоотношениях казахстанское законодательство называет и такие государственные субъекты как Республика Казахстан (ст. 111 ГК РК) и административно-территориальные единицы (ст. 112 ГК РК).

Республика Казахстан как субъект права несет ответственность по своим обязательствам имуществом государственной казны, а административно-территориальные единицы несут ответственность имуществом местной казны (п. 1 ст. 113 ГК РК), при этом Республика Казахстан и административно-территориальные единицы не отвечают по обязательствам друг друга (п. 2 ст. 113 ГК РК) и являются самостоятельными субъектами права. Таким образом, вместе с выделением таких субъектов права как Республика Казахстан и административно-территориальные единицы, среди государственного имущества выделяется отдельно имущество государственной (республиканской) казны и имущество местной казны. Республика Казахстан и административно-территориальные единицы являются субъектами гражданского права и отвечают по своим обязательствам соответственно имуществом государственной (республиканской) казны и местной казны, и здесь мы зададимся вопросом: являются ли эти лица субъектами права собственности и какая причина лежит за выделением в государственном имуществе — имущества республиканской и местной казны?

Безусловно, все имущество и государственной и мест-

ной казны находится в государственной собственности, а Республика Казахстан и Административно-территориальные единицы как субъекты права одновременно представляют собой государство. Но для того, чтобы прояснить, что лежит в основе выделения двух различных субъектов, нужно вспомнить некоторые особенности образования органов этих субъектов гражданского права — Республики Казахстан и административно-территориальных единиц.

Прежде всего, Республика Казахстан утверждает себя демократическим государством и единственным источником власти является народ. Народ осуществляет власть непосредственно через референдум и выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам (ст. 1 ст. 3 Конституции Республики Казахстан). **Государство фактически представляет собой сложное образование: систему государственных органов и организаций, каждый из которых в принципе, может являться субъектом гражданских правоотношений, т.к. являются юридическими лицами.** Государство в целом, благодаря тому, что народ делегирует осуществление своей власти государственным органам, представляет народ, общество. Система государственных органов включает в себя различные органы. Но в зависимости от порядка их формирования и подчинения, в зависимости от круга лиц из народа Казахстана, делегирующих органам государства свою власть, и, соответственно, представляемых органами государственной власти и управления, можно выделить такие органы, которые формируются посредством делегирования им власти всем народом Казахстана в целом (например, Парламент, Правительство, Министерства и ведомства). Кроме этого можно различать и такие государственные органы, которые формируются посредством делегирования им власти населением какой либо отдельной территориальной единицы — представительные органы местного государственного управления (маслихаты). Существуют и органы государства, которые представляют (а значит, которым делегирована власть) население множества территориальных единиц в отдельности и население всей страны в целом (Сенат Парламента, который включает в себя и представителей от маслихатов, и, согласно действующему законодательству, представителей от Президента). При этом государство в целом включает в себя все государственные органы (и пред-

ставляющие всю страну в целом, и представляющие отдельные группы населения). И более того, государство в целом не определяется только лишь суммой государственных органов, так как оно, являясь *системой органов*, приобретает качественно новые характеристики, нежели простая сумма элементов этой системы — государственных органов.

Среди государственных органов выделяются те, направление деятельности которых ограничивается определенной местностью — это местные органы. Особо выделяются органы местного государственного управления, которые ответственны за состояние дел на соответствующей территории (ст. 85 Конституции РК). Представительные органы местного государственного управления представляют местное население, а местные исполнительные органы входят в единую систему исполнительных органов Республики Казахстан, им делегирована власть всего народа в целом (возможно и здесь делегирование власти местным населением в случае выборности Акимов). Система органов местного государственного управления и представляет собой административно-территориальную единицу как субъект гражданского права. Имущество, закрепленное за административно-территориальной единицей, и составляет местную казну.

Местное население *обязательно* отдельно представлено в системе органов административно-территориальной единицы, в частности в маслихате. И в формировании и распоряжении имуществом местной казны участвуют и представительные, и исполнительные органы местного государственного управления (п. 4 ст. 86, п. 2 ст. 87 Конституции РК). Таким образом, в управлении имуществом местной казны обязательно участвуют, в том числе и органы, представляющие отдельно местное население данной местности. На наш взгляд, именно участие в системе органов административно-территориальной единицы органов, представляющих местное население отдельно, а также выделение местного бюджета и местной казны предопределило выделение административно-территориальной единицы в качестве самостоятельного субъекта гражданского права (благодаря такой организации отдельно выделились *интерес, имущество и ответственность*).

Выделение в особую группу органов местного государственного управления, выделение местных бюджетов, а равно и определение административно-территориальных единиц

субъектами гражданского права с самостоятельной ответственностью предрешают *выделение среди государственного имущества, имущества местной казны, как имущества, принадлежащего определенным субъектам (не на праве собственности)*. Деятельность местных органов направлена на определенную местность, соответственно этим целям призвано служить имущество. Маслихат, являясь государственным органом, представляет местное население во власти, выражает его волю. Однако, как субъект гражданского права, маслихат не обладает правом собственности на принадлежащее ему имущество. Все имущество местной казны, включая имущество, закрепленное за местными представительными государственными органами, находится в управлении и распоряжении местных органов *не на праве собственности*, ведь система государственных органов, осуществляющих распоряжение и управление имуществом местной казны, представляют и целое общество в лице исполнительных органов, и отдельно часть целого общества — местное население, в лице местных представительных органов.

Прочее государственное имущество, кроме имущества, принадлежащего органам местного государственного управления, относится к имуществу Республики Казахстан как субъекту гражданских правоотношений и составляет имущество государственной (республиканской) казны. Распоряжение и управление имуществом республиканской казны осуществляется республиканскими органами, представляющими целое общество. В том числе и органом, представляющим совокупность частей общества, местные населения - Сенатом, однако и этот орган представляет все части целого общества, и потому, так же представляет общество в целом. Имущество государственной (республиканской) казны не включает в себя имущество местной казны. Оно находится в государственной собственности, но не в собственности Республики Казахстан в смысле ст. 111 ГК РК. Так имущество, находящееся в государственной собственности включает в себя отдельно имущество, принадлежащее Республике Казахстан и имущество, принадлежащее административно-территориальным единицам. Каждый из указанных субъектов представляет собой систему государственных органов.

Систему органов *государства в целом* образуют и органы

республиканские и органы местные, а государство, как субъект права государственной собственности, представляет собой всю систему государственных органов. Государство как собственник государственного имущества — это единый субъект общественных отношений, оно является самостоятельным субъектом, представляющим общество (представляет, но не тождественно ему). Такой субъект является и субъектом гражданского права, так как обладает правоспособностью и в частности обладает субъективным правом собственности. «Целое несводимо к сумме отдельных частей, оно всегда нечто большее, качественно иное, чем эта сумма. Социалистическое государство, — пишет С. Н. Братусь, — не только как субъект властвования, но и как хозяйствующий субъект и, стало быть, субъект права государственной собственности — это не абстрактное, но конкретное, выступающее в многообразии своих органов единство» /71, с. 94/. Единое государство представляет собой весь народ, все общество. Всякие же государственные юридические лица, государственные органы представляют собой государство как единственного участника организации.

Единое государство не есть Республика Казахстан в смысле терминологии Гражданского кодекса, так как выделяются наряду с Республикой Казахстан также и административно-территориальные единицы. Однако возможно и необходимо в качестве субъекта гражданского права выделять и *единое государство*, включающее всю систему государственных органов, в том числе и местные, так как в Казахстане единое государство является носителем гражданской правоспособности, и права государственной собственности. Так и в п. 1 ст. 516 Гражданского Кодекса Республики Казахстан (Особенная часть) при перечислении субъектов допускается отдельное упоминание государства (как субъекта) от субъектов, указанных статьями 111, 112 ГК РК (Республика Казахстан и административно-территориальные единицы). Подобную организацию отношений государственной собственности можно наблюдать и в законодательстве Кыргызской Республики, где единственным субъектом права государственной собственности признается Кыргызская Республика (единое государство), а административно-территориальные единицы в качестве правосубъектных лиц вообще не обозначены. Иное положение в России, там *федеральное устройство*

государства обусловило существование множества самостоятельных субъектов права собственности, в числе которых Российская Федерация и субъекты Российской Федерации. Форма собственности с участием всех этих субъектов одна — государственная собственность.

Так право государственной собственности распространяется и на имущество республиканской казны и на имущество местной казны. Так же к имуществу, находящемуся в государственной собственности, относится и имущество государственных предприятий. Государственные предприятия на праве хозяйственного ведения или оперативного управления являются юридическими лицами, единственным учредителем и участником которых является единое государство. Говорить о том, что единое государство как правосубъектное лицо является единственным участником всех государственных унитарных предприятий (и учрежденных центральными исполнительными органами, и учрежденных местными администрациями) нам позволяет тот факт, что имущество, находящееся в оперативном управлении или хозяйственном ведении предприятий принадлежит на праве собственности государству. А отношения собственника и оперативного управляющего (или субъекта хозяйственного ведения) тесно связаны с отношениями участника юридического лица и самого юридического лица. То есть право оперативного управления (хозяйственного ведения) по определению является вещным правом юридического лица на имущество, закрепленное за ним учредителем (участником), являющимся собственником этого имущества (ст.ст. 196, 202 ГК РК, ст.ст. 230, 231 ГК КР, ст.ст. 294—296 ГК РФ) /92, с. 137—138/.

Государственные предприятия являются самостоятельными субъектами гражданского права, отличными от своего учредителя и обладают имуществом учредителя на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления. Республика Казахстан и административно-территориальные единицы отвечают по своим обязательствам соответственно имуществом республиканской и местной казны (п. 1 ст. 113 ГК РК), а государственные предприятия не несут ответственности по обязательствам государства и надо полагать, по обязательствам Республики Казахстан и административно-территориальной единицы (ст. 30, п. 2 ст. 44 Указа Президен-

та, имеющего силу Закона «О государственном предприятии», п. 2 ст. 170 ГК КР, п. 2 ст. 126 ГК РФ). Имущество госпредприятий не относится к имуществу, на которое распространяется ответственность государства и соответственно не относится к имуществу государственной (республиканской) казны и местной казны. Государство в целом включает в себя все государственные органы и является единым субъектом права государственной собственности. Государственные органы, государственные предприятия, Республика Казахстан и административно-территориальные единицы не обладают правом собственности на имущество.

Таким образом, мы не можем согласиться с мнением, согласно которому субъектом республиканской собственности является Республика Казахстан, а коммунальной собственности — административно-территориальные единицы, но в качестве участников гражданских правоотношений выступают созданные государством уполномоченные органы, управляющие государственным имуществом /94, с. 43/. Во-первых, и Республика Казахстан и административно-территориальные единицы субъектами права собственности не являются, но единственным собственником является государство как самостоятельный субъект гражданского права. Во-вторых, термин коммунальная собственность следовало бы приберечь для его применения в отношении собственности муниципальных образований (общин) как он применяется в законодательстве Кыргызстана (ст. 227 ГК КР, п. 1 ст. 4 Конституции Кыргызской Республики). Кроме этого, следует отметить, что применяемые в ст. 192 ГК РК термины «республиканская собственность» и «коммунальная собственность» не выражают форму или вид отношений собственности, но характеризуют *объекты права* государственной собственности по признаку принадлежности (нахождению в управлении) Республике Казахстан или административно-территориальным единицам (это просматривается в пунктах 2 и 3 ст. 192). На наш взгляд, необходимо заменить термины «республиканская собственность» и «коммунальная собственность» на соответственно «республиканское имущество» и «имущество местных администраций», а п. 1 ст. 192 исключить.

Всякое лицо, которому на праве собственности принадлежит имущество, уже является субъектом гражданско-

правовых отношений, и в частности, субъектом гражданско-правового отношения собственности. Как носитель правоспособности и субъект гражданского права, государство является единственным и единым субъектом права государственной собственности, в гражданских правоотношениях оно выступает наряду с другими государственными субъектами, не являющимися носителями субъективного права собственности.

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Гражданский Кодекс РК не выделяет в качестве субъектов гражданского права ни единое государство, ни общество, и соответственно, не проводит между ними определяющей грани. В отличие от этого, Гражданский Кодекс Кыргызской Республики и Гражданский Кодекс Российской Федерации прямо называют субъектов государственной собственности в качестве лиц, обладающих гражданской правосубъектностью и не нуждаются в выделении государства. Однако общество как субъект гражданского права не выделяется так же ни в Кыргызстане, ни в России. Сегодня, как и прежде, с точки зрения правопорядка, государственное — значит общественное, т.к. момент перехода общественного к государственному не просматривается, в том числе и по той причине, что четко не видно в качестве субъекта гражданского права и государства (в целом). Тем не менее, понятия государственный и общественный не тождественны друг другу, т.к. система государственных органов существует реально и она не тождественна обществу (хотя и представляет его).

Хотя, как отмечается «на макроуровне все виды управления в обществе (в том числе и государственное...) суть его самоуправление», /95, с. 8/ все же «будучи продуктом общества на определенном этапе его развития, следовательно, объективно необходимым общепольным институтом, государство, вместе с тем, выражает наряду с общим и специфические интересы слоя управляющих и приобретает относительную независимость от общества... Это явление получило название политического отчуждения» /95, с. 9/.

Государство, само по себе, в условиях такого политического отчуждения может представлять препятствие для

развития страны и взятый курс на построение правового государства фактически представляет собой курс на ограничение государства. Ведь «понятие правового государства (господствующее мнение) выражает *связанность государства правом* (выделено мной — С.Н.), прежде всего демократической конституцией и правовыми законами, изданными на основе конституции. Особую роль в этой связанности государства играет заложенная во всяком истинном праве нравственная идея справедливости и иные гуманные принципы» /96, с. 15/.

Для установления пределов деятельности государства существуют два различных пути (способа): самоограничение государства и ограничение государства извне. Первый способ не имеет постоянного стабильного характера в силу того, что государство имеет тенденцию к расширению сферы своей деятельности. Поэтому преимущество имеет второй путь: ограничение государственной деятельности внешними по отношению к государству, относительно самостоятельными институтами: гражданским обществом, местным самоуправлением, правами и свободами человека» /97, с. 3/. И для построения правового государства развитие и усиление гражданского общества является необходимым элементом. «Поскольку понятие правового государства возникло именно в борьбе гражданского общества с бюрократическим государством абсолютистской монархии, оно с самого начала было определяемо гражданским обществом». /96, с. 18/. Таким образом, вопрос: будет ли государство действительно связанным правом и каким будет это, ограничивающее государство, право? — решится с ответом на вопрос будет ли гражданское общество реальной силой, противостоящей (в части целесообразного ограничения) государству?

Вообще, говоря об ограничении государства, мы должны иметь в виду не только правовое ограничение, но и ограничение морально-нравственное, политическое и т.п. и с этой точки зрения, развитие гражданского общества и его институтов является необходимым для развития государства и страны в сторону гуманизации и демократизации. «Гражданское общество потому мы и называем гуманным, что в его основе лежит уважение к человеку, приоритетность его интересов» /98, с. 12/.

Сейчас в социально-политическом аспекте мы говорим

о гражданском обществе, несущем в себе признаки качественно отличающие его от государства /99/. Соответственно и право должно активнее отражать различие признаков, интересов, характера отношений и метода регулирования в обществе и государстве. Потому необходимо рассматривать понятие государственной собственности исходя уже из наличия двух образований: общество и государство. Если разделять общество и государство, то и собственность государственная, значит уже не общественная. Здесь необходимо уяснить: исторически, в первую очередь, государственное имущество образуется благодаря передаче общественного имущества государству (так же имущества других лиц), в процессе формирования государства как института политической власти, а значит, общество целесообразно видеть как субъекта общественного отношения собственности (вещного отношения). Соответственно, право должно признавать общество как носителя права собственности и субъекта гражданского права.

Известные призывы, в последнее время раздающиеся и от лица отдельных политических партий: закрепить в Конституции Республики Казахстан положение о том, что земля и другие природные объекты принадлежат народу Казахстана, являются стремлением признать и укрепить народ (общество) как отличное от государства образование. И это играет в пользу решения актуальных вопросов построения гражданского общества и правового государства. Подобные положения ложатся благоприятным противовесом положению имевшему место в недавнем прошлом, когда «монополия государства на собственность приводит к полному контролю за гражданами, усиливает государство до беспределности. Это в конце концов приводит к разрушению гражданского общества, к его огосударствлению» /97, с. 7/.

Советская цивилистика вплотную подходила к этой проблеме, и характерным для нее является следующий пример. Так, А. И. Бибииков считал: «поскольку само появление государства возможно лишь при действительном обособлении его от общества, выделении его как особой структуры, со своими «формальными» целями и интересами, то все это объективирует государственную форму общественного присвоения, а, следовательно, и отделяет ее от общественного присвоения, делая ее продуктом самого государства в виде

тех или иных структур управления и хозяйствования» /6, с. 17/. И все же он не мог признавать возможность существования общественной собственности, отличной от государственной: «присвоение на уровне общества объективно принимает государственную форму, поскольку нет иного социально-политического института, который бы мог адекватно отразить волю и интересы всего общества» /6, с. 16/. Со своей стороны мы можем отметить, что право, в принципе, знает иные случаи, когда интересы и воля одного субъекта представлены другим субъектом, например, случаи представительства недееспособных, однако, это не мешает недееспособным быть правоспособными лицами и иметь имущество на праве собственности, быть субъектами, отличными от своих представителей. При этом мы будем уверены, что непризнание за недееспособными правосубъектности будет несправедливо нарушать их интересы, а так же и права человека.

Аналогично этому и в отношении общества, признавая, что самостоятельное выражение воли общества, как коллективного субъекта, хотя возможно, но весьма затруднительно, все же мы считаем, что необходимо признавать за обществом — правосубъектность. Такое решение нужно еще и потому, что целый ряд имуществ фактически требует наличия отдельного режима распоряжения и управления им, резко отличающегося от режима других объектов, находящихся в собственности государства или частных лиц. Признание же этих «особенных» имуществ объектами права собственности государства, либо частных лиц, вносит некоторую неразбериху, способную привести, например, к тому выводу, что субъекты права собственности ограничены в распоряжении своим имуществом по природе самой собственности (например, в отношении природных ресурсов или объектов, представляющих культурную и историческую ценность и пр.). Потому, в принципе, возможно выделять не только государство и государственную собственность, но и общество, и общественную собственность - не государственную.

Вообще государственное имущество, значит общественное в широком смысле, т.к. государство представляет собой общество, хотя и отличается от него (как юридическое лицо представляет его участников). Однако в точном юридическом смысле различается собственность государствен-

ная и собственность общественная, так как среди общественного имущества выделяется государственное имущество, и образовалось два разных субъекта права, отличающихся друг от друга — общество и государство. В силу неразделения понятий общественного и государственного, ряд объектов относится к находящемуся в государственной собственности имуществу — это земля, ее недра, растительный и животный мир, другие природные объекты (п. 3 ст. 6 Конституции РК, п. 2 ст. 225 ГК КР). Отнесение природных объектов к государственному имуществу не было новшеством последней Конституции, но, напротив, это унаследовано от правопорядка и достижений научной мысли предыдущего периода. В этом случае государственное, означало общественное, исходя из значения понятий на период принятия закона. Так, в юридической мысли, признавалось наличие особенности природных объектов и наличие отличного режима субъективного права государства по отношению к природным объектам: «их правовое положение существенно отличается от иных объектов собственности, так как они полностью обособлены от товарно-материальных и финансовых ценностей государства, а по своему вещественному составу данные фонды являются натуральными и не имеют стоимостной оценки» /96, с. 11/, «можно сказать, что общенародное, или общенациональное достояние («достояние народов») представляет собой такой правовой режим определенных видов имущества, когда на них вообще отсутствует чье-либо право собственности» /14, с. 64/. Хотя, право и не знало «ничего иного, кроме конструкции исключительного права собственности государства, рассматриваемой в качестве единственно возможной правовой формы реализации экономических отношений» /14, с. 31/.

К слову, выделение такого особенного имущества в отдельный правовой режим характерно для права вообще, как для советского, так и для иностранного. «К публичной собственности обычно относят территориальные и некоторые иные воды, морские берега, наиболее ценные полезные ископаемые и т.п. Указанные объекты являются исключительной собственностью государства, они не могут быть предметом гражданского оборота. Считается, что публичная собственность может быть использована только в общем благе. Вся остальная собственность государства с со-

блюдением установленного порядка может быть отчуждена. Ее эксплуатация, как правило, осуществляется юридическими лицами с использованием режима частного права» /66, с. 211/.

Возможно, вместе с выделением в качестве субъектов гражданского права *государство* и *общество*, отнести выше указанные природные объекты к имуществу, на основе вещного права принадлежащему обществу. Так, относительно природных объектов и, в частности, земли, сегодня достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой субъектом вещного права на них должен считаться народ или общество /101, с. 5—6/.

При этом для природных объектов недостаточно определить только то, что они принадлежат обществу, а не государству. «Природные ресурсы, как известно, составляют не только основу человеческого бытия, но и существуют независимо от воли и сознания людей. Это объективное начало отличает их от всех других материальных ресурсов, используемых в процессе производственной или иной деятельности. Кроме того, они в отличие от других ресурсов, теснейшим образом связаны друг с другом и находятся в зависимости друг от друга. Данное обстоятельство, безусловно, должно приниматься во внимание в производстве, связанном с присвоением природных богатств, ибо независимое от воли и сознания существование природы еще не означает, что она не может быть подвергнута очень серьезному негативному воздействию со стороны человека» /100, с. 9/.

Особенности природных объектов, как объектов общественных отношений, вызывает и особенности самих общественных отношений, складывающихся по их поводу. Вещные отношения, где объектом выступают природные объекты и в том числе земля, имеют свои, только им присущие особенности, и главная отличительная черта данных отношений на современном этапе — это эколого-экономический характер их содержания /100, с. 20—21/. Как раз в силу этого, в отношении природных объектов необходимо применять иные вещные права, не являющиеся правом собственности. Охрана природных объектов и, в том числе, охрана земли в современном ее понимании «органически связана с качественно новой ступенью зрелости общественных отношений в условиях развитого социализма, с про-

грессом науки и техники, с ростом сознательности, уровнем профессиональной подготовки населения, подъемом общей экологической и правовой культуры хозяйствования» /102, с. 89/. «Становится очевиднее, что дальнейшее развитие научно-технического прогресса должно сопровождаться конкретными преобразованиями социального характера, без которых противоречие между обществом и окружающей средой перерастает в антагонизм, угрожающий самой жизни на нашей планете». ¹ /103, с. 12/ И современное развитие общественных отношений, отношений человечества с природой, с одной стороны позволяет, а с другой стороны делает необходимым пересмотреть эти отношения в сторону их экологизации. В частности, права субъектов на природные объекты не должны являться правом собственности, и даже принадлежность природных объектов обществу должна оформляться не правом собственности, а иным вещным правом /12, с. 349—356/.

Кроме того, известно, что фактически, имущество, относящееся к культурным и историческим памятникам, находится в особом правовом режиме и право «собственника» этих имуществ распоряжаться ими существенно ограничено. Такое имущество нужно признать принадлежащим на праве собственности обществу, а их фактические владельцы, осуществляющие пользование этими объектами (как частные лица, так и государство и государственные лица) должны иметь на такие объекты ограниченное вещное право, предусматривающее ряд обязанностей. Такое вещное право должно быть производным от права общественной собственности.

Возможно, что целесообразным было бы культурные, исторические памятники, имеющие соответствующее им значение для местных общин (муниципальных образований) признать объектами права собственности исключительно этих местных общин (общинная собственность), а владение и пользование ими хозяевами производного вещного права на них должно осуществляться в соответствии с требованиями законодательства и общины. Кроме того, относительно Российской Федерации в качестве субъектов об-

---

¹ Аднан Р. Я. Р. Экологическая идеология и практика ее реализации: государственно-правовой аспект. Автореф. дисс. канд. — Киев, 1998.

щественной собственности могут выступать не только российское общество в целом, но и народы субъектов Российской Федерации и в том числе субъектами вещного права на природные объекты.

Так же, на наш взгляд, возможно и имущество, принадлежащее на праве собственности общественным организациям — общественным объединениям, общественным фондам, религиозным объединениям, после ликвидации указанных юридических лиц относить к общественной собственности для направления имущества на цели, предусмотренные уставами ликвидируемых организаций в соответствии с требованиями законодательства.

С. Н. Братусь полагал, что «всемирное достояние не тождественно государственной собственности — оно имеет более широкое содержание, охватывающее не только состояние присвоенности, принадлежность основных средств производства и произведенной посредством их продукции государству, но и всему обществу, всему народу» /64, с. 22/. В продолжение этих идей мы, как указывалось выше, предлагаем считать общество субъектом гражданского права, соответственно, то имущество, которое находится в собственности общества, уже не принадлежит на праве собственности государству. В результате, хотя общество еще не сможет всегда самостоятельно выступать в качестве дееспособного лица и для осуществления прав собственника потребуются проведение референдума, либо представительство другим субъектом — государством. Все же признание гражданской правосубъективности общества, помимо идеологического обоснования гражданского общества и особых национальных интересов в отношении природных объектов, территории страны и культурных и исторических памятников, принесет еще ряд положительных моментов. Было бы возможным применять в отношении общественного имущества особый порядок распоряжения (приватизации) и управления, требовать гласность (прозрачность) при осуществлении действий с этим имуществом, требовать широкого общественного обсуждения по вопросам связанным с распоряжением и использованием общественного имущества, либо определить запрет отчуждения тех или иных видов общественного имущества. Возможно было бы определить особый порядок использования общественного имущества (в пользу общества) и порядок распределения доходов, посту-

пивших от использования, так же, возможны другие положительные результаты признания гражданской правосубъектности общества.

ОБЩИННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Интерес представляет также и выделенная С. Н. Брату-сем, так называемая общинная собственность, субъектом которой «выступает любая — территориальная или производственная — общность людей, в сфере деятельности которой обособляется определенное имущество» /64, с. 28/. С позиций сегодняшнего дня, мы можем применить ее в отношениях, где субъектом выступает население определенной местности, когда для удовлетворения интересов населения этой местности и достижения определенных задач требуется принадлежность этой общности какого-либо имущества. Выражение воли этой общности в гражданских правоотношениях может осуществляться органами местного самоуправления, предусмотренными ст. 89 Конституции Республики Казахстан (см.: ст.ст. 91, 92 Конституции Кыргызской Республики и ст. 130 Конституции Российской Федерации), а также путем местного референдума и иными способами прямого волеизъявления. Общинная собственность предусмотрена законодательством Кыргызской Республики (ст. 227 ГК КР Право коммунальной собственности) и законодательством Российской Федерации (ст. 215 ГК РФ Право муниципальной собственности), однако казахстанское законодательство такой формы собственности не знает. Представляется, что общинная собственность для нас является перспективной, так как ожидается развитие местного самоуправления и в нашей республике.

В мировой практике местное самоуправление довольно развито. Так, например, в Соединенных Штатах Америки в муниципалитетах проживают более двух третей всего населения страны /104, с. 64/. Деятельность же общин (муниципалитетов) должна опираться на наличие имущественной базы и гражданской правосубъектности. В Германии, например, согласно Положению об общинах земли Баден-Вюртенберг община может приобретать имущество при необходимости выполнения ее задач (§91 Положения) /105, с. 158/, община создает общественные учреждения, необ-

ходимые для обеспечения экономического, социального и культурного благополучия своих жителей (§10). А помимо тех предприятий, деятельность которых община обязана обеспечить в законодательном порядке; учреждений и организаций, связанных с обучением, воспитанием, образованием, искусством, физической культурой, здравоохранением и благотворительностью, и аналогичного профиля; вспомогательных производств, служащих для удовлетворения собственных потребностей общины — помимо этих предприятий община может создавать и участвовать в хозяйственных предприятиях, таких, которые, в принципе, могут создаваться и частными предпринимателями с намерением получать прибыль (§ 102 Положения)» /105, с. 169/. В Великобритании в ведении приходов (общин) находятся: распределение земельных участков, пешеходные дорожки, погребение, местности для отдыха, земли под кладбища, автобусные стоянки /106, с. 293/.

Общинная собственность имеет определенное сходство с собственностью общественной. Например, С. Н. Братусем для нее отмечены признаки, присущие и общественной собственности, такие как: общественный характер пользования имуществом, недолевой характер отношений внутри общности по поводу имущества, возможность свободного изменения числа и состава ее участников, невозможность выделения или компенсации соответствующей доли отдельным лицам при выходе из общности /64, с. 28/. При этом, так как общинную собственность (как и общественную собственность) нельзя относить к общей собственности, мы для общинной собственности (также как и для общественной) считаем нужным признание гражданской правосубъектности за общиной. Однако, порядок признания именно гражданской правосубъектности местного населения, по всей видимости, требует определенной процедуры, отличной от признания гражданской правосубъектности общества. Если наличие общественных интересов и воли общества не оспаривается (так как общество реально сформировано как некая целостность и субъект общественных отношений), то в отношении местного населения этого сразу сказать нельзя — не любая местность обладает населением, сформированным как целостность (общность) в плане самосознания населения.

По этой причине, простое законодательное признание гражданской правосубъектности, какое может быть для об-

щества или государства (а также Республики Казахстан в смысле статьи 111 Гражданского Кодекса Республики Казахстан), здесь, для местного населения неприемлемо. В то же время, нельзя здесь применять и порядок, предусмотренный для юридических лиц, требующий проведения учредительного собрания, наличия учредительных документов и предполагающий процедуру ликвидации субъекта права, соответствующую процедуре его образования. Юридическое лицо, в отличие от общины, всегда представляет только тех участников, которые четко изъявили желание быть участниками юридического лица. Окончательное образование юридического лица осуществляется государством вместе с государственной регистрацией юридического лица, но образование и ликвидация общины как субъекта гражданского права не должно настолько непосредственно зависеть от решения конкретного государственного органа, т.к. община все же, безусловно, является публичным субъектом.

Относительно образования общины (муниципалитета) в мире нет единого подхода. Так, например, в Великобритании продолжают существовать приходы, существовавшие до 1974 г. (последний Закон о местном управлении был принят в 1972 г.), новые же приходы могут быть учреждены только специальной комиссией /106, с. 284/.

В Соединенных Штатах процесс образования муниципалитетов (инкорпорация), как правило, предполагает следующее:

- 1) составляется петиция от местного населения;
- 2) проводится голосование среди местного населения по вопросу инкорпорирования;
- 3) секретарь штата удостоверяет итоги голосования и соответствие инкорпорированной территории требованиям /104, с. 65/.

В Казахстане порядок признания гражданской правосубъектности общины должен отражать не только местную специфику, но и особенности страны в условиях трансформации общества, когда гражданское общество все еще достаточно не сформировано. В Республике Казахстан было бы возможным признавать субъектом гражданского права местное население законом (в Гражданском кодексе) без необходимости государственной регистрации, предусмотренной для юридических лиц, но только те общины, которые признаны субъектами права в смысле статьи 89 Конститу-

ции РК, с того момента, когда формируются органы местного самоуправления в порядке, определенном законодательством. Ведь органы местного самоуправления входят в систему местного самоуправления и организуются с учетом требований территориального деления страны. При этом, порядок формирования органов местного самоуправления (выборов) должен предусматривать не только инициирование выборов местным населением, но и проведение их по решению представительных органов государственного управления — маслихатов, на чьей территории формируется община. В итоге, вместе с признанием за местным населением гражданской правосубъектности, мы сможем наблюдать и общинную собственность, на объекты которой распространяются интересы населения данной местности, и которые призваны служить этому населению.

На примере Положения об общинах земли Баден-Вюртенберг в Германии, мы сможем увидеть особенности отношений собственности (общинной собственности), которые необходимо учитывать при моделировании отношений собственности в нашей республике. «Община должна для выполнения своих задач обеспечивать требуемые поступления:

— если это целесообразно и при наличии спроса — от платы за свою работу;

— в остальных случаях — от налогов, если другие поступления недостаточны (§ 78 абз. 2 Положение об общинах земли Баден-Вюртенберг)» /105, с. 147/.

При этом, как пишет Клаус-Вильгельм Хоффман, община ставится в достаточно узкие рамки, т.к. к задачам общины не относится деятельность на свободном рынке, а общины должны ставить во главу угла свои публично-правовые функции /105, с. 22/. Здесь мы сможем видеть подходы теории функциональной собственности, согласно которой право собственности ограничено своей социальной функцией: Община приобретает имущество при необходимости выполнения ее задач (§91 абз. 1). Община может продавать имущество, в котором она не нуждается, для выполнения своих задач. Как правило, за некоторыми исключениями, имущество должно продаваться только по его полной стоимости (§32 абз. 1). Продажа хозяйственного предприятия, его частей или доли в хозяйственном предприятии, а также другие юридические сделки, посредством ко-

торых утрачивается или уменьшается влияние общины на хозяйственное предприятие, допустимы только тогда, когда это не вредит выполнению задач общины (§106). При этом, решения общины о таких мероприятиях и юридических сделках, связанных с хозяйственными предприятиями должны быть представлены органам правового надзора с обоснованием их законности (§108). Если община хочет продать земельный участок или право на земельный участок, она, как правило, должна предоставить свое решение органам правового надзора. То же самое относится и к другим объектам имущества, если предполагается продать их дешевле их полной стоимости (§92 абз. 3). Продажа местных угодий и памятников культуры, имеющих особое значение для общины, в частности из-за их месторасположения, требует утверждения органов правового надзора; утверждение дается, если продажа способствует рациональному ведению бюджетного хозяйства (§92 абз. 4). Органами правового надзора являются районная администрация, окружное управление, министерство внутренних дел (§119). Таким образом, распоряжение имуществом органами общины должно осуществляться в рамках выполнения задач общины, которые возложены на нее землей и федерацией (§1 абз. 2). Контроль за осуществлением распоряжения производится государственными органами как органами правового надзора, этим же осуществляется в основном и защита соответствующих интересов местного населения общины.

Другой механизм, где могут быть защищены интересы населения общины (в противопоставлении их органам общины) — это демократичность при принятии решений органами общины. Так, муниципальный совет через бургомистра информирует жителей о важных делах общины (§20 абз. 1). Важные дела общины должны обсуждаться ее жителями, для чего муниципальный совет назначает собрание граждан. Граждане, при этом, также могут подать со своей стороны заявление о назначении собрания (§20а). Граждане могут ходатайствовать о том, чтобы муниципальный совет рассмотрел определенный вопрос (§20б). Муниципальный совет может большинством в две третьи голосов всех членов совета принять решение о том, что важный (только такой, который указан в положении) для общины вопрос подлежит решению граждан. По вопросам, важным для общины, граждане могут и сами ходатайствовать о решении граждан (§21 абз. 1,

3). При этом, следует отметить, что органами управления общиной являются не только муниципальный совет, но и бургомистр (§23). Итак, рассматриваемое положение практически не предусматривает активное участие в распоряжении имуществом общины самого населения этой общины без представительства органами (за исключением некоторых дел, которые конкретно перечислены в Положении и при условии, если за решение граждан проголосует не менее двух третей голосов муниципального совета).

Интересы общины как группы (в противопоставлении органам общины) защищаются:

1) благодаря тому, что задачи и функции деятельности общины возложенные на нее государством и охраняемые государством интересы *совпадают* с интересами населения общины;

2) благодаря некоторым предусмотренным мерам о демократичности организации органов общины.

Касательно общины как субъекта гражданского права выделим, что за общиной нужно видеть людской субстрат — это местное население, группа, которая и наделена гражданской правосубъектностью. Органы общины, фактически осуществляющие действия по распоряжению имуществом за общину, и которые представляют ее в гражданских правоотношениях: муниципальный совет является представительством граждан главным органом общины; бургомистр является председателем муниципального совета и главной администрации общины, он представляет общину (§24 абз. 1; §42 абз. 1). Сами органы не являются общиной, но лишь представляют ее. Также и в Конституции Республики Казахстан четко разделяются понятия местное население и органы местного самоуправления (ст. 89). Смотрите также п. п. 1, 3 ст. 227 Гражданского Кодекса Кыргызской Республики, п. п. 1, 2 ст. 215 Гражданского Кодекса Российской Федерации.

По тому же принципу, отдельно можно выделить некоторые сферы деятельности, в которых существует *особая заинтересованность* жителей общины. В рассматриваемом положении отмечено, что община создает общественные учреждения, необходимые для обеспечения экономического, социального и культурного благополучия своих жителей. Жители имеют право использовать общественные учреждения общины на равных основаниях (§10 абз. 2). По

важным планам и намерениям общин, которые имеют непосредственное и существенное значение для строительства и развития или тесно связаны с экономической, социальной и культурной жизнью населения общины, жители должны быть информированы как можно оперативнее с указанием целей, задач и результатов. Если возникнет особая необходимость, то гражданам должна быть предоставлена возможность выразить свое мнение (§20 абз. 2) В числе важных вопросов, которые могут подлежать решению граждан — создание, существенное расширение или аннулирование общественной институции, призванной служить всему населению общины (§21 абз. 1). Соответственно, можно, наверное, выделить и *имущество общины, на которое имеется такая особая заинтересованность* жителей общины. К примеру, в Положении выделены предприятия, которые не подпадают под правовой режим хозяйственных предприятий — это предприятия, деятельность которых община обязана обеспечить в законодательном порядке; учреждения, связанные с обучением, воспитанием и образованием, организации, связанные с искусством, физической культурой, здравоохранением и благотворительностью, а также учреждения аналогичного профиля, вспомогательные производства, служащие лишь для удовлетворения собственных потребностей общины (§102 абз. 3).

В итоге, мы хотим обратить внимание на то, что фактически существуют особые интересы самого населения общины (в противоположность органам общины) и эти интересы могут распространяться и на определенное имущество общины. В условиях, когда и в Казахстане община (муниципалитет) будет осуществлять множество функций, и когда община будет иметь солидную имущественную базу, выделение определенного имущества, на которое имеется особый интерес местного населения в особый правовой режим — неизбежно. С другой стороны, источниками формирования имущества общины являются: предоставление услуг населению и хозяйственная деятельность (ведь на примере Положения можно заметить, что налоги являются, по идее, дополнительным источником, а не основным — §78), и это также будет способствовать выделению имущества общины в разные режимы. Сегодня очень трудно говорить о том, какую конкретную деятельность будут осуществлять общины в Казахстане, и какое имущество они должны бу-

дуг иметь, так как местное самоуправление в нашей республике практически совсем не развито и общинной коммунальной собственности еще не существует. Но все же уже можно говорить о необходимости разделения имущества общины в два разных правовых режима.

Часть имущества, в том числе деньги, должна находиться в свободном распоряжении органов местного самоуправления, для возможности эффективного использования имущественной базы и выполнения функций органов местного самоуправления, а также для возможности ведения хозяйственной, предпринимательской деятельности с целью извлечения доходов в пользу органа. Другая часть имущества, на которое распространяются особые интересы местного населения, должна будет ограничена в распоряжении органами местного самоуправления. К этому имуществу, к примеру, могут относиться земельные участки, принадлежащие общине, либо имущество медицинских, культурных учреждений (фельдшерский пункт, клуб и т.п.), транспорт общего пользования для отдаленных поселков, имущество школы и подобное имущество. Распоряжение этим имуществом должно осуществляться по решению общего собрания общины (возможно при голосовании квалифицированного большинства).

Вероятность расхождения интересов органов местного самоуправления с интересами местного населения велика. Тем более, что повышение инициативности местного населения и активизация участия местных жителей в делах местного самоуправления — это, к сожалению, еще не реальность, а задача будущего развития отношений. Если же не предпринять мер для того, чтобы предотвратить отчужденность имущества от влияния самих местных жителей, самой общины, являющейся субъектом права общинной собственности, то это не будет способствовать участию общины в делах самоуправления, но наоборот зафиксируется обратная картина. Кроме этого, в таких условиях очень важным является ограничение имущественной ответственности общины за действия, осуществляемые посредством органов местного самоуправления. Представляется, что органы местного самоуправления по обязательствам принятым ими должны отвечать денежными средствами и имуществом, находящимся в свободном распоряжении органов местного самоуправления. Имуществом, на которое распространяются особые интересы местного населения, орган местного само-

управления отвечать не должен. И это понятно, ведь община является постоянным публичным субъектом и необходимо сохранить и приумножить имущество общины для будущих поколений. Риски потери общинной собственности должны быть снижены.

Итак, предполагается разделение общинного имущества на два разных правовых режима. Такое разделение полезно и нужно. Кроме прочих аргументов, следует еще указать, что в мире практикуется совместное управление общин, когда, например, «соседние общины одного и того же района могут организовать совместное управление в виде административного союза общин или заключить соглашение о том, что одна из общин (исполняющая община) примет на себя выполнение функций административного союза общин (договорное совместное управление)» (§59 Положения об общинах земли Баден-Вюртенберг) /105, с. 128/. В этих случаях органы местного самоуправления еще более обособляются от местного населения и общины как субъекта права собственности.

Теперь, видя возможность обособления органов местного самоуправления от самой общины. Учитывая, что до этой степени, моделируемая выше организация общинной собственности предполагает разделение имущества, принадлежащего на основе одного вещного права — права собственности, на фактически два разных правовых режима для разных частей имущества общины. И понимая, что в этом случае мы прибегаем к ограничению права собственности по содержанию правомочий, которое существовало в период социалистического уклада и от которого следует отказаться. Теперь мы сознаем, что такая модель требует дальнейшего совершенствования. В дальнейшем следует не только признавать гражданскую правосубъектность общины, являющейся субъектом права собственности на имущество, но и признавать орган местного самоуправления — самостоятельным субъектом гражданского права, отличным от общины как субъекта. Так, например, п. 3 ст. 227 Гражданского Кодекса Кыргызской Республики предусматривает права юридического лица для органа местного самоуправления. Тогда участником, представленным органом местного самоуправления будет община уже как определенный субъект права, а сам орган будет признан юридическим лицом, обладающим конкретными социальными функциями, определенными в уч-

редительных документах и законодательством. Высшим органом такого юридического лица является община, выражающая свою волю на выборах, местных референдумах и общих собраниях местного населения. Кроме того, избранные путем выборов лица не только являются органами юридического лица, но и одновременно представителями самой общины во внешних отношениях.

Орган местного самоуправления как юридическое лицо будет нести самостоятельную имущественную ответственность деньгами и тем имуществом, которое находится в его свободном распоряжении. На это имущество орган местного самоуправления будет обладать правом собственности, и значит, здесь отношения общинной собственности будут опосредованы юридическим лицом, и на такое имущество община правом собственности обладать не будет. Организационно-правовой формой органа местного самоуправления может быть учреждение, хотя конечно в несколько трансформированном виде, в сравнении с существующей организацией /92, с. 131—138/. Другое же имущество, на которое распространяется особый интерес местного населения, должно находиться в общинной собственности и оно выходит из-под гражданско-правовой ответственности за действия органа местного самоуправления. Такое имущество может быть передано органу местного самоуправления в оперативное управление. Распоряжение этим имуществом, его отчуждение может производиться только по решению собрания общины (возможно принятому референдумом при наличии квалифицированного большинства голосов).

Кроме этого, в защиту интересов общины, как учредителя юридического лица, должны существовать еще некоторые ограничения для органов местного самоуправления. Например, в отношении осуществления им крупных сделок, предоставления займов, гарантий или поручительств по обязательствам других лиц и тому подобное — юридическое лицо должно получить согласие со стороны общего собрания как высшего органа юридического лица. Орган местного самоуправления должен осуществлять свою деятельность в соответствии с целями, задачами и функциями, определенными учредительными документами и законодательством. В случае совместного управления общин возникают долевые отношения самостоятельных общин как участников юридического лица — органа местного самоуправления. И тогда, для

распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности, потребуется решение соответственно той общины, которая является собственником имущества.

Итак, организация местного самоуправления также включает в себе интерес с точки зрения нашего исследования. Если отношения собственности органа местного самоуправления представляют для нас отношения собственности юридического лица, то отношения собственности общины на имущество, представляющее особый интерес местного населения, показывают нам отдельный вид правоотношений собственности — муниципальную собственность.

С. Н. Братусь полагал, что субъектом муниципальной собственности может выступать как территориальная, так и производственная общность людей. В советский период госпредприятия обладали, помимо производственного капитала, еще и имуществом социальной сферы: общежития, детские сады, поликлиники, дома отдыха и т.д. Это имущество предназначалось для пользования трудовым коллективом государственного юридического лица. Сегодня картина резко изменилась, однако, в принципе, было бы возможным признать, при определенных условиях, даже правоотношения муниципальной собственности на подобное имущество, где собственником выступала бы община трудового коллектива юридического лица. Признание трудового коллектива в качестве субъекта права может быть целесообразным для возможности адекватного регулирования отношений производства и распределения материальных благ, и с точки зрения уравнивания положения работников и инвесторов (труда и капитала) как экономических субъектов, в равной мере участвующих в производстве и пользовании на предприятии. Относительно самоуправления общины работников предприятия Е. В. Галкин пишет: «Важным в понимании трудового коллектива как субъекта самоуправления выступает его характеристика в качестве социально-политической общности» /107, с. 10/.

Муниципальная собственность сходна с собственностью общественной, так как ей тоже присущи такие признаки как: неделевой характер отношений, возможность свободного изменения числа и состава ее участников, невозможность выделения или компенсации соответствующей доли при выходе из состава участников отдельных лиц, общественный характер пользования. Община, как и общество, является публичным субъектом, в состав ее входят только люди.

Но в отличие от общественной собственности, общинная собственность не ограничена по содержанию правомочий законодательством, ведь законодательство здесь не является выражением воли собственника.

Итак, если среди субъектов гражданского права также выделять и государство как субъекта права государственной собственности, и общество и общину. Тогда, публичная собственность будет выражена в качестве собственности государственной, собственности общественной и собственности общинной.

Община, общество и государство, являясь субъектами гражданского права (коллективными), обладают той особенностью, что в отличие от других коллективных субъектов (юридических лиц) не нуждаются в государственной регистрации в качестве субъектов права. Хотя, общество и государство, не являясь конкретным человеком, наделенным сознанием, необходимо нуждаются в признании их в качестве субъектов права, это признание осуществляется не путем государственной регистрации, а путем законодательного признания их в качестве субъектов права. То есть их правосубъектность признается с отношением к ним как к правоспособным субъектам. То же самое можно сказать и в отношении общины. Община, общество и государство относятся к публичным субъектам права.

Община, общество и государство наиболее стойкие, длительные образования. Возникновение и прекращение этих субъектов происходит не столько по умыслу всех его участников, а в ходе исторического процесса. Самоликвидация таких субъектов и последующее разделение их имущества между его участниками кажется нереальным событием (по крайней мере, в обозримый период времени). Все эти особенности общины государства и общества как публичных субъектов сказываются и на проявлении общественного отношения собственности этих лиц (невозможность выделения доли и не долевого характер организации отношений, предполагаемая непрерываемость субъектов, социальная функция имущества). Собственность публичных субъектов имеет социальный характер. А уже среди субъектов публичной собственности особо выделяются общество и государство. В силу того, что право выражает волю таких публичных субъектов, воля этих субъектов при распоряжении имуществом может выражаться и в позитивном праве. Причем, если этот признак проявлял отличие государствен-

ной собственности: «как субъект политический, государство путем издания законодательных актов само устанавливает рамки своих прав собственности и пределы их осуществления»/94, с. 42/. То с признанием общества субъектом собственности, этот признак будет относиться к общественной собственности. А вместе с тем, возможно, отпадает и такой признак государственной собственности, согласно которому в собственности государства может находиться любое имущество /94, с. 41/. Здесь, *ограничение правом возможности этих публичных субъектов свободно распоряжаться имуществом, не будет рассматриваться как ограничение свободы собственности, так как нормы права и есть выражение воли публичных субъектов.* Это является особенностью права собственности публичных субъектов. Так, например, предусмотренный особый порядок для отчуждения имущества, находящегося в собственности государства (приватизации) либо невозможность отчуждения некоторых объектов — есть проявление публичности субъекта права собственности. А также и обязанности целевого использования государственного имущества для государства, либо, возможно — общественного имущества, тоже проявление публичности субъекта и функциональности права собственности публичных субъектов.

Итак, мы можем сказать, что в качестве национальных субъектов права собственности Республики Казахстан в Гражданском кодексе можно определить:

- 1) физические лица;
- 2) юридические лица;
- 3) государство;
- 4) общество;
- 5) община.

Кроме того, право собственности как правоотношение (не как субъективное право), помимо своего основного проявления — **моносубъектной собственности физических лиц**, может проявляться в следующих различных способах (формах), имеющих свои особенности:

1. **Общая собственность.**
2. **Собственность юридических лиц.**
3. **Собственность публичных субъектов.**

В этом числе: **общинная собственность, общественная собственность, государственная собственность.**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Саякбаев Н.А.* Ценность абстрактная и сравнительная // Циклы и кризисы в жизни общества // Материалы республиканской межвузовской конференции 26—27 ноября 1999 г. — Алматы: Университет «Туран», 1999. — С. 153—159.
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2 т. Т. 1. — М., 1993. — 569 с.
3. *Исаев И.А.* «Евразийская» концепция собственности (из истории правового солидаризма) // Собственность: право и свобода. — М.: ИПИАН, 1992. — 127 с.
4. *Локк Дж.* Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — М., 1988. — 668 с.
5. *Шкрядов В.П.* Экономика и право (о принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения). — М.: Экономика, 1967. — 189 с.
6. *Вибиков А.И.* Правовые проблемы реализации государственной собственности: Автореф. дис. канд. — М., 1993. — 36 с.
7. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. — М.: Юридическая литература, 1980. — 176.
8. Римское частное право. — М., 1948. — 584 с.
9. *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. — М. — Л., 1948. — 840 с.
10. *Венедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. — М.-Л., 1954. — 268 с.
11. *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. — М.: Госюриздат, 1962. — 162 с.
12. *Саякбаев Н.А.* Экологизация гражданско-правовых отношений (вектор развития) // Циклы и кризисы в жизни общества: Материалы республиканской научно-практической конференции 26—27 ноября 1999 г. — Алматы: университет «Туран», 1999. — С. 349—356.
13. *Дозорцев В.А.* О мерах по развитию рынка интеллектуальных продуктов // Ж. Законодательство и экономика. — М., 1998. — № 7.
14. *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. — М.: Юридическая литература, 1991. — 238 с.
15. *Пугинский В.И., Сафиулин Д.Н.* Правовая экономика: проблемы становления. — М.: Юридическая литература, 1991. — 238 с.
16. *Мирошниченко Т.Н.* Нетипичные явления в советском праве: Автореф. дис. канд. — Харьков, 1985. — 24 с.
17. *Протасов В.Н.* Что и как регулирует право. — М., 1995. — 96 с.
18. *Саякбаев Н.А.* Форма юридической нормы в особенной части уголовного кодекса // Образовательная система Республики Казахстан на рубеже тысячелетий и роль партнерства в ее реформировании // Материалы республиканской научно-методической конференции 7—8 мая 1999 г. — Алматы: Университет «Туран», 1999. — С. 184—191.
19. *Мукамбаева Г.А.* Нормативная саморегуляция личности: Автореф. дис. докт. — Алматы, 1995. — 46 с.
20. *Воробьева С.И.* Право в системе социальных норм и его взаимодействие с ними в регулировании общественных отношений: Автореф. дис. докт. — Ташкент, 1995. — 55 с.
21. *Поляков А.В.* «Возрожденное естественное право» в России (критический анализ основных концепций): Автореф. дис. канд. — Л., 1987. — 16 с.
22. *Кулагин М.И.* Предпринимательство и право: опыт Запада. — М.: Дело, 1992. — 142 с.
23. *Леонова Г.В.* Право личного пользования в системе вещных прав: Автореф. дис. канд. — М., 1993. — 24 с.

24. *Алексеев С.С.* Собственность — право — социализм. Полемиические заметки. — М.: Юрид. лит. 1989. — 173 с.
25. *Дождев Д.В.* Римское частное право. — М., 1996. — 704 с.
26. *Галятин М.Ю.* США: правовое регулирование использования земель. — М.: Наука, 1991. — 251 с.
27. *Карл Холтшу.* Право собственности. Приложение 8. Сравнительный анализ американского и кыргызского законов и практики недвижимого имущества // Право собственности. Семинар по коммерческому праву для юристов 13—17 мая, 3—7 июня 1996 г. — Бишкек, 1996.
28. *Жанайдаров И.У.* Осуществление права государственной собственности юридическим лицом: Автореф. дис. канд. — Алматы, 1994. — 24 с.
29. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве: Учебно-практическое пособие. — М.: Дело, 1999. — 512 с.
30. *Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. — М., 1996.
31. *Штаерман Е.М.* Римская собственность на землю.
32. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
33. *Иванов А.А.* Право собственности и товарно-денежные отношения: Автореф. дис. канд. — Л., 1991. — 16 с.
34. *Бачиашвили И.М.* Соотношение правовых и неправовых норм в процессе регулирования социалистических общественных отношений: Автореф. дис. канд. — М., 1998. — 16 с.
35. *Сивкова Л.А.* Субъективное право (общетеоретические вопросы): Автореф. дис. канд. — Л., 1986. — 16 с.
36. *Мирошникова Н.И.* Механизм осуществления субъективных гражданских прав: Учеб. пособие. — Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1989. — 83 с.
37. *Синюкова Т.В.* Юридические гарантии реализации прав и обязанностей советских граждан (вопросы теории): Автореф. дис. канд. — Свердловск, 1986. — 19 с.
38. Гражданское право. Том I. Учебник для вузов (академической курс). Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г.Басин. — Алматы, 2000. — 704 с.
39. *Скрябин С.В.* Право собственности в Республике Казахстан: Сравнительно-правовой комментарий книги Уго Матеи «Основные принципы права собственности». — Алматы: Дайк-Пресс, 2000. — 304 с.
40. *Саякбаев Н.А.* Пользование, распоряжение, собственность — выражение общественных отношений // Материалы межвузовской студенческой научной конференции «Жас Туран — 97» 11—12 апреля 1997 г. — Алматы: Университет «Туран», 1997. — С. 3—11.
41. *Уго Матеи, Суханов Е.А.* Основные положения права собственности. — М., 1999. — 384 с.
42. *Саякбаев Н.А.* Право воздействия на вещь и пользование ею // Казахстанское общество сегодня: социально-институциональные сдвиги и экономическое развитие // Материалы республиканской научно-практической конференции 30—31 октября 1998 г. — Алматы: Университет «Туран», 1998. — С. 225—227.
43. *Егоров Н.Д.* О понятии субъективного права // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. — Л., 1983. — 197 с.
44. Развитие советского гражданского права на современном этапе. — М.: Наука, 1986. — 286 с.
45. *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. — 174 с.
46. *Алексеев С.С.* Структура советского права. — М.: Юридическая литература, 1975. — 263 с.
47. *Егоров Н.Д.* Единство и дифференциация гражданско-правового ре-

гулирования общественных отношений в СССР: Автореф. дис. докт. — Л., 1988. — 34 с.

48. Советское гражданское право. Том I. Издание третье // Под ред. О. А. Красавчикова. — М.: Высшая школа, 1985. — 544 с.

49. Советское гражданское право Ч. 1 Второе издание, переработанное и дополненное. — Киев, 1983. — 462 с.

50. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. — М.: Юридическая литература, 1963. — 206 с.

51. Строгович М.С. Избранные труды. В 3 т. Том I. Проблемы общей теории права. — М.: Наука, 1990. — 304 с.

52. Алексеев С.С. Теория права. — М.: БЕК, 1994. — 224 с.

53. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. I. — М.: Юридическая литература, 1981. — 359 с.

54. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. — М., 1981. — 144 с.

55. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юридическая литература, 1974. — 350 с.

56. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. — М., 1961. — 362 с.

57. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959. — 87 с.

58. Общая теория советского права. Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самоценко. — Москва, 1966. — 491 с.

59. Карпушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. — М., 1958. — 173 с.

60. Общественное сознание и его формы. Под общей ред. В.И. Толстых. — М.: Политиздат, 1986. — 366 с.

61. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. — Л., 1949. — 144 с.

62. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. — М.: Госюриздат, 1961. — 223 с.

63. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х томах. — Т. II. — М.: Юридическая литература, 1982. — 359 с.

64. Право собственности в СССР: Круглый стол издательства «Юридическая литература» (Ред. и сост. Э.А. Чиркин) Отв. ред. Ю.К. Толстой, В.Ф. Яковлев. — М.: Юридическая литература, 1989. — 287 с.

65. Сутемгенова Ж.К. Правовой режим профсоюзной собственности: Автореф. дис. канд. — Алматы, 1998. — 32 с.

66. Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития). — М.: Наука, 1989. — 336 с.

67. Луць Л.А. Объективное и субъективное в праворегулятивной деятельности (вопросы теории): Автореф. дис. канд. — Киев, 1989. — 24 с.

68. Соловяненко Н.И. Правовые формы индивидуальной собственности граждан в социалистических странах Европы (ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР): Автореф. дис. канд. — М., 1987. — 15 с.

69. Прибытков Г.И. О формах субъективного образа объективного мира как гносеологической предпосылке форм общественного сознания // Сознание и личность. Межвузовский сборник. — Барнаул, 1986. — С. 3—13.

70. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Формы общественного сознания. — М.: Мысль, 1971. — 199 с.

71. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. — М., 1950. — 368 с.

72. Шапакидзе И.Д. Правовые проблемы дееспособности граждан в советском гражданском праве: Автореф. дис. канд. — Тбилиси, 1986. — 22 с.

73. Чефранова Е.А. Правосубъектность несовершеннолетних по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. канд. — М., 1978. — 19 с.

74. *Лебедев К.К.* Понятие о содержании хозяйственной правосубъектности // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. — Л., 1983. — 197 с.
75. *Асанова С.Э.* Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории // Образовательная система и социально-экономическое развитие Казахстана // Материалы республиканской научной конференции 12—13 мая 2000 г. — Алматы: Университет «Туран», 2000.
76. *Арзиани С.Э.* Право общей собственности социалистических организаций в советском гражданском праве: Автореф. дис. канд. — Харьков, 1984. — 14 с.
77. *Бекмуратов Т.Р.* Право общей собственности сельскохозяйственных кооперативов: Автореф. дис. канд. — Ташкент, 1991. — 19 с.
78. *Тугаринов В.П.* Философия сознания (соврем. вопросы). — М.: Мысль, 1981. — 199 с.
79. *Орымбетов С.* Условная земельная доля как феномен земельной реформы // Образовательная система и социально-экономическое развитие Казахстана // Материалы республиканской научной конференции 12—13 мая 2000 г. — Алматы: Университет «Туран», 2000.
80. *Линникова Н.Ю.* Право общей долевой собственности граждан: Автореф. дис. канд. — М., 1982. — 23 с.
81. *Хамраев К.Ш.* Понятие, содержание права семейной собственности и проблемы его правовой защиты: Автореф. дис. канд. — Ташкент, 1994. — 26 с.
82. Гражданское право. Учебник. Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Ч.1. — М.: Проспект, 1997.
83. Гражданское право. Учебник // Под ред. Ю.К. Толстого. — Т. I. — М., 1989.
84. *Грешиников И.П.* Понятие юридического лица в гражданском праве и законодательстве: Автореф. дис. канд. — Алматы, 1997. — 20 с.
85. *Тугаринов В.П.* О природе сознания. — Л., 1955. — 32 с.
86. *Грибанов В.Л.* Юридические лица. — М.: Изд-во московского университета, 1961. — 115 с.
87. *Соколов И.С.* Юридическая личность общественных организаций: Автореф. дис. канд. — М., 1984. — 24 с.
88. Организация // Советский энциклопедический словарь. — М., 1986. — 931 с.
89. *Саякбаев Н.А.* Правовая сущность юридического лица // Казахстанские реформы глазами студентов. Материалы межвузовской студенческой конференции «Жас Туран-98» 10—12 апреля 1998 г. — Алматы, 1998.
90. *Толстой Ю.К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. — Л., 1955. — 220 с.
91. *Милькова Л.Ф.* Органы юридического лица: Автореф. дис. канд. — Свердловск, 1986. — 19 с.
92. *Саякбаев Н.А.* Связь вещных прав хозяйственного ведения и оперативного управления с организационно-правовыми формами юридических лиц и модель этих юридических лиц // Вестник университета «Туран». — Алматы, 2000. — 131-138.
93. *Басин Ю.Г.* Юридические лица по гражданскому кодексу РК: понятие и общая характеристика. — Алматы, 1997.
94. Право и собственность в Республике Казахстан. Отв. ред. М.К. Сулейменов. — Алматы, 1998. — 288 с.
95. *Варламова Н.В.* Политико-правовое сознание и развитие самоуправления: Автореф. дис. канд. — М., 1991. — 25 с.
96. *Соколов А.Н.* Идея правового государства в Германии и механизм ее реализации: Автореф. дис. докт. — Харьков, 1992. — 43 с.

97. *Веленто Л.И.* Пределы деятельности государства (теоретико-правовой анализ внешних форм ограничения): Автореф. дисс. канд. — Гродно, 1999.

98. *Вахабов Н.* Теоретические проблемы правовой идеологии в Республике Узбекистан: Автореф. дисс. канд. — Ташкент, 1997. — 20 с.

99. *Саякбаев Н.А.* Гражданское общество и правовое государство. — Алматы, 2000. — 42 с.

100. *Рябов А.А.* Охрана права государственной собственности на природные ресурсы СССР: Автореф. дис. докт. — М., 1984. — 53 с.

101. *Алиев У.Ж.* Кто собственник земли? Борьба двух парадигм: старой и новой (вместо введения) // В кн.: Алиев У. Ж., Есиркепов Т. А., Сыбайбаева Г.А. Актуальные проблемы земельных отношений в свете проекта закона Республики Казахстан «О земле». — Алматы: Университет «Туран», 2000. — 56 с.

102. *Косанов Ж.К.* Правовая охрана земель сельскохозяйственного назначения (на материалах Казахской ССР): Автореф. дис. канд. — Алма-Ата, 1983. — 24 с.

103. *Аднан Р.Я.Р.* Экологическая идеология и практика ее реализации: государственно-правовой аспект. Автореф. дисс. канд. — Киев, 1998. — 22 с.

104. *Моргачев В.Н.* Формы и методы территориального управления в США и Канаде. — М.: Наука, 1987. — 143 с.

105. Местное самоуправление в Германии (на примере Положения об общинах земли Баден-Вюртенберг). — М.: «Де-юре», 1996. — 202 с.

106. *Гарнер Д.* Великобритания. Центральное и местное управление. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.

107. *Галкин Е.В.* Самоуправление трудового коллектива: Автореф. дис. канд. — М., 1990. — 19 с.

Н.А. Саякбаев

**СОБСТВЕННОСТЬ
КАК
ПРАВООТНОШЕНИЕ**

Редактор А.Муратова

Технический редактор Ж.Садыкова

Корректор Д.Юсупова

Компьютерная верстка Г.Толкунова

Сдано в набор 23.01.2001. Подписано в печать 25.02.2001.
Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. «Школьная» гарнитура.
Печать офсетная. 9,75 физ. печ. л. Тираж 500.

Алматы

